

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
КАФЕДРА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

На правах рукописи

БЕДА Роман Алексеевич

**ВОЕННАЯ ЗНАТЬ РАННЕЙ ВИЗАНТИИ
В ПОСЛЕЮСТИНИАНОВСКУЮ ЭПОХУ (565—641 ГГ.)**

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

07.00.03 – всеобщая история
(древний мир и средние века)

Научный руководитель
д.и.н., проф. Серов В.В.

Барнаул 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. Военная знать при Юстине II и Тиберии Константине	32
1.1. Институт военных магистров к 565 г.	32
1.2. Роль военной знати в интронизации Юстина II и Тиберия	42
1.2.1. Приход к власти Юстина II.....	42
1.2.2. Военная знать и возвышение Тиберия (574-578 гг.)	47
1.3. Военные магистры Востока и Армении при Юстине II и Тиберии.....	50
1.4. Военные магистры балканских магистериев в 565-82 гг.....	67
1.5. Военные магистры без военных магистериев: Африка и Италия в 565-582 гг.	72
Глава 2. Военная знать Византии в период правления императора Маврикия	80
2.1. Стратиг Герман как соперник Маврикия	80
2.2. Военные магистры Востока и Армении	81
2.3. Военные магистры Фракии и Иллирика. Презентальные магистры. ...	93
2.4. Первые экзархи	100
2.5. Проблема личных свит. Букелларии.....	103
Глава 3. Военная знать при императорах Фоке и Ираклии. Исчезновение института военных магистров в первой половине VII в.	111
3.1. Военная знать в период правления Фоки	111
3.2. Военная знать в период правления императора Ираклия.....	121
3.2.1. Военная знать и приход к власти Ираклия	121
3.2.2. Военная знать в период войн с аварами, персами и арабами (622-641 гг.).....	130
3.2.3. Экзархи Италии и Африки.....	138
3.3. Проблема исчезновения военной знати магистратского типа и генезиса фемной знати.....	143
Заключение	149
Список использованных источников и литературы	153
Список сокращений	170

ВВЕДЕНИЕ

В истории ранней Византии период, стартовавший после смерти Юстиниана I (527-565 гг.) и закончившийся правлением Ираклия (610-641 гг.), выделяется как заключительный этап трансформации византийского государства в средневековую империю, когда множество позднеантичных элементов и структур окончательно исчезли. За годы правления Юстина II, Тиберия, Маврикия, Фоки и Ираклия значительно изменился территориальный облик Империи: под натиском внешних врагов Византия потеряла огромную территорию и обрела новые границы. Наконец, произошло окончательное «огречение и оцерковление всей общественной жизни» Византии¹. Отмирание диоклетиано-константиновой модели государственного устройства сопровождалось соответствующими изменениями в структуре византийского общества.

Изучение византийской военной знати в указанный период позволяет проследить данные изменения на примере отдельной социальной группы, которой являлись военные в византийском обществе². Изучение знати как таковой в отечественной науке в настоящий момент является весьма актуальным в силу: 1) сравнительного недавнего начала изучения элит (ибо в эпоху господства методологии марксизма эта тема не получала достаточного освещения) и 2) того, что интерес к элите вызывается происходящими в России изменениями³. Обращаясь к изучению военной знати, мы касаемся социальных отношений, рассматриваем часть общества во взаимодействии с другими частями, а это само по себе остаётся одной из самых востребованных и насущных задач современной науки.

¹ *Острогорский Г.* История Византийского государства. М., 2011. С. 157.

² *Мохов А. С.* Византийская армия в середине VIII – середине XI в.: развитие военно-административных структур: дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2013. С. 9.

³ *Конаев Б. Н.* Правящая элита в системе общественных отношений // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. №7 (113) июль. С. 57.

Сразу следует оговориться, что в данной диссертации применительно к рассматриваемым персоналиям чаще будет использоваться слово «знать», а не «элита». Знать определяется как синоним правящего класса, как среднее звено государственного аппарата; для неё характерна открытость и высокая социальная мобильность¹. Термин «элита» применительно к рассматриваемой нами социальной группе является формально менее ёмким, чем «знать» и не столь ясно определенным в силу существования нескольких теорий элит за разным авторством. Ниже в диссертации словосочетание «военная элита» будет употребляться в значении верхнего слоя собственно военной знати.

Научная новизна данного исследования заключается в том, что впервые в историографии ранневизантийская военная знать в указанный период была последовательно и обстоятельно рассмотрена в следующих аспектах:

- 1) определен состав знати в этот период: круг лиц, относимых к военной знати, расширен за счёт экзархов;
- 2) предпринята попытка определить степень влияния военной знати на политическую жизнь империи, проанализировать её взаимоотношения с императорской властью.
- 3) затронута проблема смены моделей военной знати (появление фемной модели взамен магистратской), а также вопрос существования переходного периода в процессе смены этих моделей.

Позднеантичная военная знать получила рассмотрение в фундаментальной монографии Е. П. Глушанина², но в ней анализ знати был доведен лишь до 565 г. В данной работе военная знать была изучена в рамках магистратской модели, и поэтому было вполне логичным остановить исследование там, где эта модель начала приходить в упадок и стала

¹ Мейкшан И. А. Элита, аристократия, знать в кочевом обществе: некоторые аспекты изучения по материалам письменных и археологических источников // Известия АГУ. 2011. №4. С. 143.

² Глушанин Е. П. Военная знать ранней Византии. Барнаул, 1991.

складываться знать нового типа. Ранневизантийская военная знать после Юстиниана в историографии не затрагивалась.

Возникает следующая проблема: с одной стороны, магистратская модель, по мнению Е. П. Глушанина, сошла с исторической сцены во второй половине VI в.¹, с другой, образование знати нового типа - фемной знати - шло по мере складывания фемного строя и приобретения фемными стратигами широких полномочий.

Проблема смены военной знати обращает нас к проблеме изменения военно-административных структур, к вопросу появления первых фем, не получившему в науке однозначного ответа. Период «классической» фемы в современной историографии датируют серединой IX – серединой X в.², начало фемного строя относят не ранее времени правления императора Ираклия (см. ниже историографический обзор). Следовательно, даже если брать самую нижнюю границу начала фемного строя при Ираклии и считать, что новый тип знати сложился при его ближайших преемниках, существовал некий переходный период между магистратским и фемным типами военной знати в ранней Византии, который может достигать как минимум полувека (первая половина VII в.). При этом проблема того, когда исчез институт военной магистратуры и как это произошло (имело ли место постепенное отмирание или же исчезновение в результате какого-то одного распоряжения) тесно переплетается с проблемой появления системы фем, время возникновения которых также вызывают споры в историографии.

Поскольку мы в своём исследовании военной знати в послеюстиниановской ранней Византии хотели бы как раз ограничиться правлением Ираклия, то есть тем периодом, когда, по нашему мнению, фемная знать ещё не сформировалась (подробнее о фемах речь пойдёт ниже), то, соответственно, наше внимание будет приковано к магистратской и фамильно-династийной моделям.

¹ Глушанин Е. П. Указ. соч. С. 238.

² Мохов А. С. Указ. соч. С. 224-266.

В качестве **объекта исследования** выступит социально-политическая история раннесредневековой Византии.

Предметом исследования является роль военной знати в политической жизни Византии в послеюстиниановский период. Внимание будет приковано к военным магистрам и всем, на кого возлагалось командование крупными войсковыми соединениями, на своеобразный «генералитет».

Хронологические рамки диссертации определяются периодом правления пяти императоров после Юстиниана I (от Юстина II до Ираклия включительно), занимающим по длительности три четверти века, 565-641 гг.

Выбор начальной хронологической рамки обусловлен тем, что предыдущий период, заканчивающийся правлением Юстиниана I, был рассмотрен в исследовании Е. П. Глушанина «Военная знать ранней Византии», в котором подробным образом охарактеризована военная знать магистратского типа. Настоящее диссертационное исследование можно назвать с некоторыми оговорками своеобразным продолжением изучения проблемы, поднятой в упомянутой монографии, с привлечением нового материала и определением дополнительных объектов изучения.

Выбор конечной хронологической точки соотносится с одной из самых распространенных периодизаций истории Византийской империи: на Ираклии часто заканчивают ранневизантийскую, а иногда – и позднеантичную эпоху¹, рассматривая его правление как начало коренных изменений в военном и административном устройстве Византии, связанных с появлением фемного строя².

Данный период рассматривается нами как часть позднеантичного (его заключительная фаза), как это принято в современной мировой науке. При этом ранневизантийская эпоха целиком включается в данные хронологические рамки.

¹ См., например: *Martindale J. R. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. III. AD 527—641. Cambridge, 1992; Mitchell S. A History of the Later Roman Empire, AD 284-641. Blackwell, 2006.*

² *Острогорский Г. История Византийского государства. С. 144 сл.*

Территориально-географические рамки исследования. Военная знать будет исследована в границах Византийской империи в указанный период. Магистратская модель военной знати ограничивает наше исследование теми районами, где существовали магистерии. Несмотря на то что в Африке и Италии не были созданы военные магистерии (см. ниже), на данных землях действовали командующие, которых следует относить к военной знати, поскольку данная элита в рассматриваемой период пополнялась не только военными магистрами.

Главной целью диссертации является исследование роли византийской военной знати в политической жизни Византии во второй половине VI – первой половине VII вв.

К **задачам** данного исследования относятся:

- 1) Определение состава знати, т.е. круга лиц, которых следует относить к военной знати Византии в указанный период.
- 2) Реконструкция карьеры отдельных представителей военной знати (происхождение, причины назначений и отставок, длительность пребывания на высших командных должностях).
- 3) Характеристика состояния системы военных магистериев и реконструкция института военных магистров.
- 4) Определение места и роли, которую играла военная знать в политической жизни страны, а также характеристика взаимоотношений представителей военной знати и императоров.

Поскольку именно императоры формировали состав военной знати, кажется обоснованным провести разделение основной части работы по периодам их правления. Е. П. Глушанин в упомянутой работе о византийской военной знати в каждой главе объединял, как правило, время царствования двух императоров. Правление пяти рассматриваемых нами императоров сгруппировано в три главы: первая охватывает время Юстина II и Тиберия, вторая – Маврикия, третья – Фоки и Ираклия. Выбор подобной структуры работы определяется во многом также и методологией.

Методологическое основание исследования. Исследуя знать как часть общества, мы рассматриваем последнее в рамках системного подхода. Системный взгляд на византийское общество означает наличие у него соответствующих признаков: целостность, структурность, иерархичность и т.д.

Обращаясь к такой категории как военная знать, полезно выяснить, по каким критериям определяли знатность сами византийцы. Как показала в своих работах о представлениях о знатности в Византии IV-VI вв. А. А. Чекалова, несмотря на то что «категория родовитости продолжала существовать, наибольшей знатностью даже со стороны культурной элиты общества наделялись те, кто занимал высшие посты в военно-административном аппарате империи»¹. Неудивительно поэтому, что и византийская военная знать была изучена именно в рамках властного подхода: если А. Демандт рассматривал в качестве критериев знатности происхождение, богатство, наличие частных войск, то Е. П. Глушанин связал знатность со службой, обосновав магистратскую модель, согласно которой к военной знати относились те, кто возглавлял какой-либо военный магистерий².

Эта модель прекрасно отвечала тому периоду, который был выбран отечественным историком для исследования. Но для послеюстиниановского ранневизантийского периода, если следовать магистратской модели, из категории военной знати Византии выпадают те, кто получал экстраординарные командования, возглавлял крупные военные силы не будучи в звании военного магистра. Речь идёт в первую очередь о применяемой Юстинианом I практике стратигий-автократий³, которая продолжилась при его преемниках, и об экзархах.

¹ Чекалова А. А. Эволюция представлений о знатности в Византии второй половины V – VI в. // ВВ. Т. 52. 1991. С. 69.

² Глушанин Е. П. Указ. соч. С. 15. Подробнее о магистратской модели см. ниже.

³ Подробнее о сущности стратигий-автократий см.: Глушанин Е. П. Указ. соч. С. 186-189.

К стратигам-автократорам стоит отнести остававшегося в Италии Нарзеса и отправленного для войны против аваров Тиберия при Юстине, Бадуария, назначенного Тиберием для войны против лангобардов, и Юстиниана – против персов и т.д.

Особую категорию знати составляют экзархи, появившиеся при императоре Маврикии в двух отдаленных областях Империи – Африки и Италии. Экзархи, как принято считать, сосредоточили в своих руках гражданскую и военную власть. Поскольку не сохранилось ни единого документа об учреждении экзархатов, а также в силу сохранения при экзархах префектов претория¹, неизвестен точный объём полномочий первых маврикиевых экзархов и их сменщиков при Фоке и Ираклии. Как считалось в историографии, экзарх пришёл на смену военному магистру, титул которого теперь стали носить командующие более низкого ранга, и был поставлен над местным префектом претория, полномочия которого он стал охватывать². Поскольку появление экзархатов связывается с внешней угрозой (мавры в Африке и лангобарды в Италии), экзархам приходилось выступать в качестве полководцев. Не исключено, что многие из них к моменту назначения уже имели военный опыт, как это было в случае с африканским экзархом Геннадием (см. ниже). Исходя из вышесказанного, мы считаем нужным затронуть в данном исследовании экзархов как представителей византийской военной верхушки, которые по своему правовому положению приближались к будущей фемной знати и имели родовое сходство со стратигами-автократорами.

Методы. Метод индукции позволяет реконструировать функционирование системы военных магистериев, отталкиваясь от исследования конкретных магистериев, а также составить целостную картину политического положения военной знати на основе изучения биографий её

¹ Бородин О. Р. Равеннский экзархат. Византийцы в Италии. СПб., 2001. С. 90.

² Grosse R. E. Römische Militärgeschichte von Gallienus bis zum Beginn der byzantinischen Themenverfassung. Berlin, 1920. S. 298-299.

отдельных представителей. Несмотря на известную критику данного метода, состояние источниковой базы, охарактеризованное ниже, всё-таки позволяет делать обобщения из уже имеющихся сведений.

Поскольку наше внимание в настоящем исследовании будет приковано к карьерам отдельных представителей военной знати, весьма целесообразным кажется применение просопографического метода изучения. Он характеризуется как коллективная биография группы, «обладающей определенным числом общих черт, – биографии, составляемой путем сбора и анализа данных по всем членам группы»¹. Конечной целью просопографии считается сбор информации о событиях, определяющих жизнь человека, в нашем случае – о факторах, влияющих на карьеру представителей военной знати; стандартными предметами исследования выступают социальная стратификация, социальная мобильность, процесс принятия решений, функционирование институтов². Применение данного подхода тем более оправдано в условиях недостаточно полной информации (как в нашем случае), когда систематизация нескольких биографий позволяет получить некое новое знание³. Польза просопографического метода применительно к теме нашего исследования состоит в том, что он помогает раскрыть суть «нормальной» карьеры военного магистра рассматриваемого периода⁴.

Источниковая база.

Исследователь, занимающийся изучением представителей военной знати второй половины VI в. и особенно первой половины века VII, находится в положении, когда любое упоминание источника о каком-либо факте из биографии знатного полководца следует считать если не бесценной находкой, то несомненной удачей. Речь не идёт о том, что дошедшие до нас сведения скудны до такой степени, что из них нельзя составить сколь-нибудь

¹ Дюма Ж. Об изучении элит в современной историографии // Французский ежегодник 2001. М., 2001: [сайт]. URL: <http://annuaire-fr.narod.ru/statji/Duma-2001.html> (дата обращения: 23.04.2014)

² Просопография: [сайт]. URL: <http://teachers-1930.narod.ru/prosopography.html> (дата обращения: 23.04.2014)

³ Там же.

⁴ Там же.

стройной картины военной знати. Если бы это было так, обоснованность самого существования нашего исследования оказалась бы под большим сомнением. Речь идёт о том, что диалог между исследователем и источником, который обычно представляется как вопрошание первым у второго, в нашем случае подобен, скорее, пытке, под действием которой приходится «выбивать» из источников интересующую информацию.

Исторические источники, дошедшие до нас, можно разделить на следующие группы: нарративные и сфрагистические.

Среди нарративных источников наиболее распространённую категорию составляют исторические сочинения. Одним из самых первых по хронологии источником настоящего исследования является Менандр Протиктор¹. К сожалению, его труд сохранился в многочисленных фрагментах. Сам автор являлся современником описываемых им событий, входил в число дворцовой стражи (собственно отсюда его прозвище Протиктор). Дошедшие до нас фрагменты содержат важные, подчас уникальные сведения о представителях военной знати при императорах Юстине II и Тиберии.

Стоит отметить и недошедший до нас почти полностью, кроме единственного фрагмента, труд Иоанна Епифанийского, написанный в начале 590-х гг. и повествующий о событиях 572-592 гг.². На его труд опирались при написании своих работ Евагрий и Феофилакт Симокатта.

О представителях военной знати при ближайших преемниках Юстиниана I ряд ценных упоминаний даётся в «Церковной истории» Евагрия

¹ Menandri Protectoris Historia // Fragmenta historicorum graecorum / Ed. C. Müller. T. IV. P., 1880. P. 200—269; Византийские историки. Дексипп, Эвнаний, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец / Переведено с греческого Спиридоном Дестунисом. Примечания Гавриила Дестуниса. СПб.: Тип. Л. Демиса, 1860.

² Ioannes Epiphaniensis // Fragmenta historicorum graecorum. Bd. 4. Paris, 1851. P. 272—276. История Иоанна Епифанийского // История Льва Диакона Калойского и другие сочинения византийских писателей / Пер. с греч. Д. Попова. СПб.: ИАН, 1820. С. 167—172.

Схоластика (VI в.), доведенной до 593 г.¹ Особую ценность сведениям для интересующего нас периода (565-593 гг., пятая и шестая книги) придаёт тот факт, что Евагрий являлся современником описываемых событий, пусть при этом он проживал в Антиохии, а не в столице.

Далее следует упомянуть «Церковную историю» Иоанна Эфесского². Написанная на сирийском языке, она была доведена до 585 г. Автор использовал разные источники, но повествование для периода 571-585 гг., как отмечают исследователи, основано на личных воспоминаниях и на устных рассказах других людей³. Наибольший интерес для нас представляют сведения Иоанна о военных магистрах Востока и Армении в период войны с персами, а также о событиях придворной жизни в правление Юстина II, Тиберия и отчасти Маврикия.

Картину военных событий в правление Маврикия (и, частично, Тиберия II) даёт Феофилакт Симокатта, современник Маврикия, Фоки и Ираклия⁴. Труд этого историка, написанный в правление императора Ираклия, не всегда даёт ясную картину военных действий и не всегда избегает хронологической путаницы в отношении целых кампаний. При всём этом сочинение Феофилакта Симокатты, за неимением более подробных и последовательных повествований, остаётся одним из главных нарративов по отдельным персоналиям и функционированию самого института военных магистров при Маврикии, а «стиль ... египтянина не покрывает

¹ Evagrius Scholasticus. *Ecclesiastical History* / Ed. by J. Bidez and L. Parmentier. London, 1898; Евагрий Схоластик. *Церковная история* / Перев. СПб. Духовной Академии, пересмотрен и исправлен В. В. Серповой; примеч.: А. М. Калинин: Экономическое образование, 1997.

² Ioannes Ephesus. *Historia ecclesiastica pars tertia* / Ed. E. W. Brooks. P., 1835; Из «Истории» Иоанна Эфесского / пер. Н. В. Пигулевской // *Пигулевская Н.В. Арабы у границ Византии и Ирана в IV—VI вв.* М.; Л., 1964. С. 287—313.

³ *Пигулевская Н. В. Сирийская средневековая историография. Исследования и переводы.* СПб., 2000. С. 207.

⁴ *Teophylacti Simocattae Historiarum libri VIII* / Recognovit I. Bekkerus // CSHB. Vol. XLVI. Bonnae: Impensis Ed. Weberi, 1834; Феофилакт Симокатта. *История* / Перевод с греч. С. П. Кондратьева. М., 1996.

историческую истину так, чтобы мы не могли её достичь»¹. Феофилакт Симокатта, как считается, при описании персидских войн опирался на труд Иоанна Епифанийского, а в отношении балканских событий использовал неизвестный источник, благоприятный в отношении военного магистра Приска и негативный к двум его коллегам, Петру и Коментиолу. Этот источник приписывают перу офицера балканского войска, который из карьерных соображений прославлял находящегося в фаворе у Фоки Приска², или даже соотносят со своеобразным журналом военных действий³. Так, в результате использования разных источников магистр Приск у историка сначала выступает как надменный командующий на восточной границе, не сумевший наладить общий контакт с войском (источник настроен к нему определенно негативно), а затем как толковый полководец на Балканах.

Из источников, составленных другими современниками императора Ираклия, следует упомянуть Пасхальную хронику, охватывающую период от Адама до Ираклия (дошедший до нас текст обрывается на 628 г.)⁴. Несмотря на свою сравнительную краткость (часто указание номера года правления того или иного императора является единственной записью для определенного года), Хроника предоставляет нам ряд интересных сведений об институте военных магистров, особенно для эпохи правления Фоки и Ираклия.

«История императора Иракла» армянского историка Себеоса, жившего в VII в., даёт важные сведения о военных магистрах Армении⁵.

Среди важнейших письменных источников нельзя не упомянуть о ещё одном Иоанне, епископе г. Никий (Никиус) в Верхнем Египте, который

¹ Goubert P. S. J. Byzance avant l'Islam. T. I. Byzance et l'Orient sous les successeurs de Justinien. L'empereur Maurice. Paris, 1951. P.13.

² Whitby, Michael and Mary. The History of Theophylact Simocatta. Oxford, 1986. P. XXIII-XXIV.

³ См.: Свод древнейших письменных известий о славянах. Том II (VII-IX вв.). М., 1995. С. 11.

⁴ Chronicon Paschale / Rec. L. Dindorf. Vol. I. Bonnae: Weber, 1832; Chronicon Paschale 284—628 AD / Translated with notes and introduction by Michael and Mary Whitby. Liverpool: Liverpool University Press, 1989.

⁵ Себеос. История императора Иракла / Пер. с древнеармянского К. Патканьяна. СПб, 1862.

родился в 640-х гг. (дата смерти неизвестна). Иоанн был автором написанной по-гречески «Хроники», основное место в которой уделено событиям VII в. и прежде всего истории завоевания арабами Египта¹. Освещая более ранние времена, Иоанн Никиусский в качестве основного источника использовал «Всемирную хронику» сирийца Иоанна Малалы (VI в.). До наших дней «Хроника» Иоанна Никиусского сохранилась только в эфиопском переводе, сделанном в начале XVII в. с арабской версии этого сочинения. Сведения, содержащиеся в этом источнике, полезны для нас при реконструкции правления Фоки и Ираклия.

Полезные, хотя и краткие сведения о военных магистрах и других крупных военачальниках содержатся в «Хронографии» Феофана². Труд был написан в начале IX в. и представляет собой компиляцию из разных источников. Так, при описании персидских войн Юстина II, а также правлений Тиберия и Маврикия Феофан следовал Феофилакту Симокатте, и здесь ценность данных Феофана сравнительно невелика. Иначе обстоит дело с историей после Маврикия: известно, что для описания последних лет правления этого императора и царствования Фоки хронист использовал хронику Иоанна Антиохийского или его продолжателей, не сохранившуюся до наших дней, стихотворные труды Георгия Писиды и некий дополнительный источник по персидским походам Ираклия³. К сожалению, краткость сообщений Феофана не даёт возможности составить представление о военной знати империи и об институте военных магистров в период его упадка, но «Хронография» остаётся одним из важнейших источников о военной знати в эпоху императора Фоки.

¹ Chronique de Jean, évêque de Nikiou / texte éthiopien publié et traduit par H. Zotenberg. Paris, 1883; The Chronicle of John, Bishop of Nikiu / transl. by R.H. Charles. London: Williams & Morgate, 1916.

² Theophanis Chronographia / ex recensione Ioannis Classeni. Vol. 1-2. Bonnae: Impensis E. Weberi, 1839-1841; Летопись византийца Феофана, от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта / Перевод с греч. В.И. Оболенского и Ф.А. Терновского. Предисловие О. М. Бодянского. М.: Унив. тип., 1884.

³ The Chronicle of Theophanes Confessor / tr. by Cyril Mango and Roger Scott. Oxford, 1997. P. LXXXI, LXXXII.

Весьма ценным источником о правлении Ираклия является «Бревиарий» патриарха Никифора¹, составленный примерно в 770-780-е гг.² Предполагаемыми источниками для «Бревиария» послужили Феофилакт Симокатта, Иоанн Антиохийский, Пасхальная хроника и Георгий Писида³, а незаменимость ему придаёт крайне малое количество сохранившихся первоисточников по эпохе императора Ираклия. «Бревиарий» начинается с момента свержения Фоки и содержит ценную информацию о процессе смены военной знати в начале 610-х гг., о последнем этапе жизни военных магистров Приска и Филиппика и о более поздних полководцах Ираклия.

Одними из позднейших источников, достойных упоминания, является «Хроника» Михаила Сирийца (XII в.) и анонимная хроника 1234 г.⁴ Среди источников первой хроники называется Иоанн Эфесский и (для периода с 582 г.) Дионисий Телльмахрский, труд которого не сохранился. Обе хроники дают ряд полезных сведений по отдельным военным магистрам затронутого нами периода и для реконструкции процесса смены военной элиты в начале правления Фоки.

Среди военных трактатов следует выделить «Стратегикон», приписываемый императору Маврикию, который даёт важные сведения по военной организации Византийской армии, в частности, по вопросу о букеллариях. Для реконструкции правления императоров рассматриваемого периода важны и императорские акты, но их известно всего 25 (8 от Юстина

¹ Nikephoros, patriarch of Constantinople short history / Text, transl., and comment. by C. Mango // CFHB. Vol. XIII. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1990; Никифора, патриарха Константинопольского, Краткая история со времени после царствования Маврикия / пер. с греч. и коммент. Е. Э. Липшиц // ВВ. Т. 3. 1950. С. 349-387.

² Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора / Тексты, пер., коммент. И.С. Чичуров. М. 1980. С. 147.

³ Там же.

⁴ Chronique de Michel le Grand, patriarche des Syriens Jacobites, traduite par Victor Langlois. Venice, 1868; Chronique de Michel le Syrien, Patriarche Jacobite d'Antioche (1166-1199): Éditée pour la première fois et traduite en français par J.-B. Chabot. 4 t. Paris, 1899-1910; Из анонимной сирийской хроники 1234 г. / пер. Н. В. Пигулевской // Пигулевская Н. В. Византия и Иран на рубеже VI-VII веков. М. 1946. С. 252-289.

II, 11 от Тиберия, 3 от Маврикия и 3 от Ираклия), при этом содержание не всех новелл сохранилось¹.

Огромный сфрагистический материал, накопленный к настоящему времени, остаётся в известной степени несистематизированным и частично даже неопубликованным, что, конечно, затрудняет эффективное использование данного источника. На данный момент вышло довольно много публикаций отдельных коллекций и собраний². Печати важны для нас тем, что они отражают титулатуру своих владельцев; правда, соотнесение «стратилатов» и «военных магистров» из печатей с упоминаемыми в литературных источниках представителями военной знати рассматриваемого нами периода составляет известную проблему.

К источниковой базе также можно отнести с известными оговорками и просопографические базы. Основным таким источником для нашего исследования является третий том «Просопографии Поздней Римской империи», изданный в 1992 г. под редакцией Джона Роберта Мартиндейла и посвященный периоду 527-641 гг. Биографии представителей военной знати здесь представлены сравнительно подробно для формата подобного издания. В данном издании сохранился и привычный по двум предыдущим томам раздел «Fasti» (указатель по должностям), который группирует военных магистров (иногда предполагаемых) по регионам и магистериям.

В целом, имеющиеся в наличии источники делают попытку рассмотрения военной элиты Византии в указанный период не только возможной, но и чрезвычайно плодотворной.

Историография.

Как уже было заявлено выше, ранневизантийская военная знать указанного периода не получала специального исследования, что послужило

¹ Jus graeco-romanum / Ed. C.E. Zachariae von Lingenthal. Lipsiae: T. O. Weigel. - T. III: Novellae constitutiones imperatorum post Justinianum quae supersunt collatae et ordine chronologico digestae. - 1857. - XXXIV, 748 p.

² Напр.: Catalogue of Byzantine seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of art / Ed. by N. Oikonomides, J. Nesbitt. Washington, D.C., 1991–2009. Vol. 1-6; Степанова Е. В. Печати с латинскими и греко-латинскими надписями VI-VIII вв. из собрания Эрмитажа. СПб., 2006.

одним из мотивов написания данной диссертации. Отсутствие работ, напрямую затрагивающих объект нашего исследования, вынуждает нас обратиться к тем научным трудам, которые в той или иной мере касаются проблематики византийской военной знати вообще и указанного периода в частности.

Если брать византийскую историю в целом, то следует признать, что военная знать и высший командный состав получили неравномерное по историческим периодам и областям освещение. Из сравнительно недавних работ можно выделить статьи В. Прижана и М. Нишаньяна о сицилийских фемных стратигах, Ж.-К. Шейне – об италийских катепанах, А. С. Мохова – о командном составе императоров Македонской династии, В. А. Золотовского – о командном составе первых Палеологов¹. Критерием знатности при исследовании поздневизантийской (в частности, никейской) военной элиты выступает метод высшего титула, пожалованного члену рода². Стоит отметить, что система командования для комниновского и никейского периодов, основанная на иерархии дворцовых титулов, была разработана намного раньше, чем появилось первое исследование по ранневизантийской знати: ещё в 1960-х гг. историком Л.-П. Рэйбо была проведена классификация дворцовых титулов³.

¹ *Nichanian M., Prigent V.* Les stratèges de Sicile. De la naissance du thème au règne de Léon V // *Revue des études byzantines*. Т. 61. 2003. P. 97-141; *Cheyne J.-C.* La place des catépans d'Italie dans la hiérarchie militaire et sociale de Byzance // *Nέα Πόλη*. Rivista di ricerche bizantinistiche. №4. 2007. P. 143—161; *Мохов А.С.* Командный состав византийской армии в правление Константина VIII // *Античная древность и средние века*. Вып. 28. 1997. С. 19—33; *Мохов А. С.* Командный состав византийской армии в 1055—1057 гг. // *Античная древность и средние века*. Вып. 33. 2002. С. 109—121; *Мохов А.С.* Византийская армия в середине VIII – середине XI в.: развитие военно-административных структур: дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2013; *Золотовский В. А.* Высший командный состав византийской армии при первых Палеологах // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 4. 2009. №1 (15). С. 35—44.

² *Жаворонков П. И.* Состав и эволюция высшей знати Никейской империи: элита // *Византийские очерки*. 1991. С. 83—90.

³ См.: *Золотовский В. А.* Указ. соч. С. 36 сл.

Первым подходом, в рамках которого была изучена позднеримская военная знать, следует назвать фамильно-династийную модель¹ А. Демандта. Автор говорил о доминировании личных связей над государственными структурами, достижении военной знатью наследственного политического влияния, монополизации военными магистрами сферы военного управления, складывании у них значительных имуществ².

В противовес этому Е. П. Глушаниным была выдвинута и обоснована магистратская модель военной знати. Историк показал, что позднеримских военных магистров можно отнести к магистратской системе. Как видно из уже самого названия, военный магистр рассматривался историком как магистрат, исполнитель магистратуры³. Если власть магистрата в эпоху Республики основывалась на принципах *imperium* и *potestas*, то в период Империи сам магистратский империй был сильно ограничен, так что магистраты стали обладать фактически только *potestas*, превратившись при принципате в служилую применительно к императору знать. При этом их власть ограничивалась и определенным сроком, что сохранилось и в позднеримскую эпоху⁴. В законах IV в. магистры войск нередко относились к категории магистратов⁵.

Как показал Е. П. Глушанин в своём исследовании о военной знати ранней Византии, в качестве альтернативы магистратской модели военной знати со второй половины V в. постепенно формировалась фамильно-династийная модель; обе эти модели сосуществовали вплоть до административных реформ Юстиниана I, в результате которых был нарушен

¹ Мы используем терминологию Е. П. Глушанина.

² Demandt A. Der spätrömische Militäradel // Chiron. Bd. 10. 1980. S. 609—636; Глушанин Е. П. Указ. соч. С. 7-9.

³ Хотим подчеркнуть, что правильное название рассматриваемого типа знати – именно магистратский, не магистерский, т.е. подчеркивается правовое положение магистров войск, а не указание на их должность. Ведь и А. Демандт относил к военной знати именно военных магистров, но рассматривал их в рамках фамильно-династийной модели (см.: Глушанин Е. П. Указ. соч. С. 15).

⁴ Глушанин Е. П. Указ. соч. С. 18-24.

⁵ Там же. С. 23.

один из принципов преобразований Диоклетиана и Константина Великого – разделение гражданской и военной властей; постепенное размывание этого принципа означало уход в прошлое военной знати магистратского типа¹. Послеюстиниановский период Евгений Павлович Глушанин обозначил как длительную переходную эпоху формирования новой исторической формы военной знати. Своё исследование историк остановил у начала переходной эпохи к фемному строю, «в течение которой долгое время сосуществовали разные типы высших командных институтов»².

К сожалению, после работ А. Демандта и Е. П. Глушанина военная знать ранней Византии второй половины VI – начала VII в. более не рассматривалась в рамках специального исследования. Тем не менее, стоит отметить работы, которые затрагивали военную элиту в правление того или иного императора.

Так, взаимоотношения Маврикия и его полководцев были затронуты в диссертации исследовательницы Ф.Е. Шлоссер, на основе которой позже была выпущена монография³. Диссертация была посвящена военному и гражданскому управлению при Маврикии, отдельная глава затрагивала экзархаты в Африке и в Италии. Автор коснулась многих проблем, таких как попытка реформировать снабжение армии и судьба института букеллариев. Отдельно была охарактеризована военная знать. По мнению автора, правление Маврикия «известно своими скверно подобранными управленцами». Приводя в качестве примеров маврикиева фаворитизма и непотизма Петра и Коментиола, Ф. Е. Шлоссер отмечает, что такие успешные командующие, как Нарзес, Приск, Ираклий и Роман или не

¹ Глушанин Е. П. Военная знать ранней Византии: автореферат дис. ... д-ра истор. наук. Екатеринбург, 1991. С. 34.

² Глушанин Е. П. Военная знать ранней Византии. С. 236.

³ Shlosser F. E. Military and civil administration under the Emperor Maurice, 582-602 : a reassessment / Thesis (Ph. D.). McGill University, 1980; Shlosser F. E. The Reign of the Emperor Maurikios (582—602): A Reassessment. – Athens, 1994.

пользовались доверием, или назначались в отдаленные от центра места, чтобы не иметь никакого непосредственного влияния при дворе¹.

Военную элиту в правление Фоки и Ираклия частично рассматривал и У. Э. Кэги в ряде своих работ². Автор неоднократно говорил о конкуренции и даже личной ненависти между отдельными представителями военной элиты при Маврикии, которая сохранялась и при последующих императорах³. В биографии Ираклия У. Э. Кэги несколько раз обращался к вопросу о взаимоотношениях военной знати и данного императора. Сам способ прихода к власти Ираклия давал пример для подражания другим военачальникам, и император установил жесткий контроль над своими войсками. Но даже если Ираклий предполагал, что войска и их командующие находятся в его распоряжении, отказ полководца в Нумидии Петра прибыть в Египет дал императору понять, что его власть не безгранична. В правление Ираклия также не произошло появления новых выдающихся полководцев, поскольку императорская фамилия не хотела этого допустить. Проведя чистку военной элиты, сформировавшейся в правление Фоки, Ираклий должен был искать новых командующих, но в итоге лично принял командование⁴.

Помимо данных трудов военная знать в затронутый нами период в целом более не рассматривалась, и следует признать, что изучение ранневизантийской военной элиты в послеюстиниановский период носит случайный, несистематизированный характер. Рассмотрение военной знати в правление того или иного императора происходит по инициативе отдельных исследователей, затрагивающих более общие темы. К сожалению, ни о какой специальной методологии, как у А. Демандта или Е. П. Глушанина, в данных

¹ *Shlosser F.E.* The Reign of the Emperor Maurikios (582—602): A Reassessment. P. 90.

² *Kaegi W. E.*: 1) *Heraclius: Emperor of Byzantium*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003; 2) *Byzantine Military Unrest 471-843. An Interpretation*. Amsterdam, 1981; 3) *Byzantium and the early Islamic conquests*. Cambridge, 1992.

³ *Kaegi W. E.* Byzantine military Unrest. Amsterdam, 1981. P. 123, 125.

⁴ *Kaegi W. E.* *Heraclius: Emperor of Byzantium*. P. 75, 94, 97.

исследованиях речь не идёт. Следовательно, составление целостной и последовательной картины положения военной знати в рассматриваемой период становится одной из главных задач настоящего исследования.

Проблемы исчезновения института военных магистров и генезиса фемной знати неразрывно переплетены с одним из самых дискуссионных вопросов истории Византийского государства – вопросом о происхождении фем. Разумеется, в нашу задачу не входит рассмотрение дискуссии о происхождении фем во всей полноте затронутых проблем и высказанных мнений. Ведь далеко не все историки, касавшиеся проблемы появления первых фемных стратигов, обращались к рассмотрению смежного вопроса – об исчезновении военных магистров. Ниже мы постараемся затронуть взгляды только тех исследователей, которые коснулись этого вопроса.

Ш. Диль в своём очерке о византийских фемах собрал упоминания источников о первых фемах и первых фемных стратигах. Согласно Константину Багрянородному, первая фема – Армениакон – появилась при Ираклии, а Феофан впервые упомянул стратига этой фемы под 667 г., но уже под 626 г. упоминается турмарх Армениаков, что позволяет думать, что с этой даты подготавливалось установление этого большого военного управления. Фема Анатоликов упоминается под 669 г., а стратиг – под 690 г., первый комит Опсикия – под 711 г., а части – под 688 г., фема Букелларии в 768 г., фема Оптиматы – позднее, первое упоминание о стратиге фемы Фракисиев – под 740 г.¹ Касаясь вопроса происхождения фем, Диль обращался к временам Юстиниана I, когда империя была разделена в военном отношении на «большие командования» под руководством военных магистров (*magistri militum*), подконтрольные им территории почти совпадали с большими военными «губернаторствами» (*gouvernements militaires*) VII в.² При Маврикии и Фоке также встречаются военные

¹ *Diehl Ch. L'origine du régime des thèmes dans l'empire byzantin // Diehl Ch. Études byzantines. Paris, 1905. P. 282, 284.*

² *Ibid. P. 289-290.*

магистры разных регионов. В других областях наблюдалась эволюция, подобная прослеживаемому по источникам процессу присоединения к компетенции военных магистров Италии и Африки, ставших экзархами, полномочий гражданского управления. Это была медленная эволюция, скорее под властью обстоятельств, чем императорской воли; она не завершилась и во второй половине VII в. Таким образом, между военными установлениями VI и VII вв. (т.е. магистериями и фемами) не было нарушения преемственности, а стратеги VII в. были прямыми наследниками военных магистров из предшествующей эпохи¹.

Историк Х. Гельцер свой отдельный очерк о происхождении фемного строя начал с рассмотрения экзархатов. Собственно термин *Exarchus* - это только вновь изобретенный почетный титул для старых военных магистров (*magistri militum*) *per Italiam* и *per Africam*. Но экзарх отличался от военного магистра не только титулатурой: Маврикий подчинил экзарху префекта претория. В течение VII в. экзарх и его *duces* вмешивались в гражданское управление, так что к концу века гражданские чиновники кажутся исчезнувшими со сцены в обоих экзархатах. Военные («генералитет») объединяют военную и гражданскую власть в своих руках².

Византийский Восток в VII-м столетии предался тому же опасному кризису, что и Запад в конце VI-го. При императоре Ираклии (610-641) начинаются тяжелый период борьбы (*die Kampfesperiode*) и вместе с ним новая армейская организация. Императорская армия распадается теперь на семь больших командований: Опсикия, Анатоликов, Армениаков, Фракисиев, экзархатов Италии и Африки, флота³.

Ещё при императоре Маврикии наряду с экзархатами существовали два больших региональных военных командования: Восток и Европа; всё возрастающее значение приобретал и стратег Армении. Те же военные главы

¹ Ibid. P. 291-292.

² *Gelzer H. Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung. Leipzig, 1899. S. 6-8.*

³ Ibid. S. 9-10.

встречаются и также в правление династии Ираклия. Об этом свидетельствует Константин Багрянородный, который совершенно верно выводит, что *magisterium militum per Orientem* обладал совсем другой по охвату компетенцией, чем более поздний фемный стратиг. Х. Гельцер рассматривает случай упоминания Феофаном армейского корпуса в 669 г. – бунт с религиозной окраской – и трактует требования офицеров полевой армии как желание участия в «парламентской» жизни (*am parlamentarischen Leben*) столицы¹. Несмотря на то что эти офицеры были наказаны, известный документ Юстиниана II «*Exemplar Divae iussionis Justiniani Augusti directae ad Joannem patrem urbis Romae in confirmationem sextae synodi Constantinopolitanae*» 687 г. с перечислением представителей самых важных объединений империи, в том числе фем, доказывает, что правительство уступило требованиям военных.

Отдельно Х. Гельцер сосредоточился на Иллирике. В то время как в Италии и Африке гражданская власть подчинялась военным лицам, в префектуре Иллирик продолжал существовать чисто гражданский *praefectus praetorio*. Он же командовал расположенным в Иллирике войсками. Объединение обеих властей произошло здесь так же, как и в Египте. *Vir illustris praefectus praetorio per Illyricum* принял функции *vir'a illustris magister'a militum per Illyricum*. Это обстоятельство сохранялось в течение всего VII столетия по той простой причине, что Иллирик рассматривался тогда в качестве потерянного элемента военного управления. В назначении сюда сугубо военных должностей не было необходимости².

Вопроса об исчезновении военных магистериев в рассматриваемую эпоху коснулся также А. Бок³. По его мнению, презентальные магистры исчезли полностью в VII в., а армии вокруг Константинополя были

¹ Ibid. S. 20-22.

² Ibid. S. 41-42.

³ Boak A. E. R. The Roman Magistri in the Civil and Military Service of the Empire // Harvard Studies in Classical Philology. Vol. 26. 1915. P. 73-164.

объединены под одной командой в структуру, названную опсикий. Произошло это около 687 г.¹ Восточный магистерий, по мнению историка, прекратил существование при Маврикии². При этом А. Бок ссылался на весьма неоднозначно толкуемое место в произведении Константина Багрянородного, где тот говорит о восточной феме: «Они (народы, населявшие Анатолийскую фему. – *Р.Б.*) были (опять) разделены и составили фемы, когда империя Ромеев начала чрез безбожных Агарян терпеть увечья, отторжения и уменьшаться в размере. Ещё при императоре Юстиниане I они все были под одною властью, также и до императора Маврикия; свидетелем этому является Велизарий, который был единоначальником всего Востока. Когда же Агаряне стали предпринимать походы против ромеев и уничтожать их деревни и города, царствовавшие в то время императоры были принуждены разделить страну на малые части и эту дали какому-то стратигу и прозвали Анатолийской»³. Как следует из данного перевода, Константин говорил о довольно протяженном временном отрезке – времени правления от Юстиниана I до Маврикия включительно, тогда как А. Бок останавливается только на периоде правления Маврикия.

Немецкий историк Э. Штайн поместил «Очерк генезиса фемного строя» в свой труд о правлении ближайших преемников Юстиниана I⁴. Э. Штайн начинает с обстоятельного экскурса об источниках пополнения личного состава римских войск, чтобы подвести к тезису: иссякание этих источников (в том числе практическое исключение возможности привлечения варваров) вкупе с потребностью ускорить реорганизацию защитной силы империи привели к поселению элитных войск на земле⁵. Речь

¹ Ibid. P. 131.

² Ibid. Op. cit. P. 130.

³ Сочинения Константина Багрянородского: о фемах и о народах / Перевод Г. Ласкина // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. № 1. М., 1899. С. 22-23.

⁴ Stein E. Studien zur Geschichte des byzantinischen Reiches vornehmlich unter den Kaisern Justinus II und Tiberius Constantinus. Stuttgart, 1919.

⁵ Ibid. S. 134.

шла о будущих фемах Obsequium и Anatolikon, а мероприятие было осуществлено Ираклием¹.

Итальянский византинист и филолог А. Пертузи полемизировал с Э. Штайном. Немецкий историк считал Коментиола в 585 г. последним презентальным магистром. Если это так, полагал А. Пертузи, есть основания считать, что Ираклий упразднил институт магистров и ввёл фемный строй. Однако это не так, поскольку презентальный магистр существовал ещё во времена Ираклия: им был, по мнению историка, Бон в 626 г., на что указывается сходство выражений, используемых Георгием Писидой и Феофилактом Симокаттой для обозначения соответственно магистра Бона и презентального магистра Коментиола². Учреждение Ираклием некоторых фем означало бы исчезновение соответствующих военных магистров. Но на основании данных хроники Никифора А. Пертузи полагает наличие в 635 г. военных магистров Востока и Фракии³. Потребности обороны привели к объединению в руках стратигов военной и гражданской власти и к поселению войск в провинциях. Образование фемы Армениаков связывалось с вторжениями арабов с 634 по 661 гг., фема существовала же в 667 г.⁴ Анатолийская фема уже существовала в 669 г., в 695 г. она была полностью устроена как административная единица. Опсикий возник незадолго до 680 г., фема Фракисиев образовалась между 679 и 711 гг. путём отделения от Опсикия⁵.

Историк Р.-И. Лили в качестве предположения относил первые шаги фемного строя к 640-650-м гг., когда, после потери Сирии и Палестины, возникла необходимость защитить от арабов внутренние области Малой Азии, в которых не находилось до сих пор никаких войск. Поэтому

¹ Ibid. S. 135.

² *Pertusi A.* La formation des thèmes byzantins // *Berichte zum XI. Internationalen Byzantinisten Kongress.* München, 1958. P. 26.

³ Ibid. P. 27.

⁴ Ibid. P. 35.

⁵ Ibid. P. 37-39.

византийская армия была в значительной степени снята с границы и распределена в малоазиатских регионах. При этом войска *magister'a militum per Orientem* занимали область будущей фемы Анатоликон и войска *magister'a militum per Armeniam* – будущую область *Armeniakon*, в то время как западные и северо-западные области Малой Азии, кои образовывали позже фемы *Thrakesion* и *Opsikion*, защищались другими соединениями. То, что подобное размещение влекло за собой установление военного командования над регионом, по Р.-И. Лили, не требует доказательств¹. Только это произошло не сразу: это был длительный процесс, «двухсотлетняя реформа», и только в середине IX в. и позже старый гражданский порядок провинции пришёл к концу и был заменен на фемы².

Обращаясь к проблеме генезиса фем и греческий историк А. Н. Стратос. Полемизируя с мнением о том, что отправная точка реформы была при Юстиниане I, он указывал: ни один источник не говорит о сосредоточении у военных магистров военного и гражданского управления³. Историк относил появление первой фемы ко времени Ираклия, но в целом, говоря о системе фем, он имел в виду усилия нескольких императоров на протяжении двух веков. Первая фема – *Armeniakon* – была создана Ираклием в 622-623 гг. в связи с потребностью защиты угрожаемых областей от персов. В качестве доказательства автор использовал сообщение Феофана о турмархе армениаков в 628 г. Касательно титула упоминаемого Феофаном Вааниса – «*Stratelatis*» – А. Н. Стратос писал, что это название принадлежало *magister'у militum*, и ещё во время Фоки Коттон был подобным *Stratelatis'ом* (командующим армией) на Востоке, но со времени Ираклия значение этого звания сократилось. Когда было сформировано учреждение фем, их командующий был известен как *Strategos* (генерал), и *Tourmarch* стал

¹ *Lilie R.-J.* Die zweihundertjährige Reform. Zu den Anfängen der Themenorganisation im 7. und 8. Jahrhundert // BS. 1984. T. XLV. Fasc. 1. S. 37.

² *Ibid.* S. 39.

³ *Stratos A.N.* Byzantium in the Seventh Century. Amsterdam, 1968. T. VI. P. 272.

Stratelatis'ом. Ваанис был командующим части византийских войск в 636 г., а в 628 г., он, должно быть, был просто Tourmarch'ом¹. Вторая фема при Ираклии – Opsikion; вероятно, её организация поблизости от столицы, которой непрерывно угрожали, началась в 626 г.² В 660-х гг. были основаны фемы Эллада и на Сицилии, в 681-685 гг. – фема Фракия (Thracian). Таким образом, фемы были организованы не в запланированной или систематической манере, но всюду, где было необходимо противостоять врагам. В VIII в. данная административная единица стала универсальной во всей Византии³.

Историк Й. Прайзер-Капеллер не соглашался со стремлением У. Э. Кэги видеть в полководце Мавриане, которого арабский источник Балазури называет «batriq Armaniakus», первого подтвержденного доказательствами стратига армениаков (Ἀρμενιάκων), поскольку подобная интерпретация вряд ли допускает применение Балазури термина Armaniakus как общего наименования подчиненной византийцам части Армении также для времени задолго до арабского захвата. Вопрос о том, был ли Мавриан magister'ом militum или выступал уже как στρατηγός τῶν Ἀρμενιάκων, остается открытым⁴.

Австрийскому историку кажется убедительным, но при этом не опирающимся ни на какие источники мнение Дж. Хэлдона и М. Ф. Хэнди о том, что учреждение фемы Армениакон на северо-востоке Малой Азии нужно относить ко времени, когда Византия была вытеснена из Великой Армении (с 661-662 до 685 гг.); первым достоверным стратигом историк считает Сабория⁵. Й. Прайзер-Капеллер предполагал, что остатки старого юстиниановского оборонительного района военного магистра Армении были

¹ Ibid. P. 275-278.

² Ibid. P. 279-281.

³ Ibid. Vol. IV. P. 143-144.

⁴ Preiser-Kapeller J. Magister militum per Armeniam... // Wiener Byzantinistik und Neogräzistik. Vienna 2004. S. 358.

⁵ Ibid. S. 359-360.

заняты арменияками (Ἀρμενιάκοι) и область их распределения расширялась на запад¹. Основание фемы Ἀρμενιάκων происходило на северо-востоке Малой Азии в последних десятилетиях VII столетия до начала VIII столетия².

Наиболее полная концепция перехода от института военных магистериев к фемам принадлежит Дж. Хэлдону. Историк полагал, что те пять подразделений, перечисленных в «Iussio» во время Юстиниана II, произошли от соответствующих военных магистериев³. Появившееся в VII в. слово «фема» означало армию или подразделение; в «Iussio» Юстиниана II 687 г. оно было применено к войскам военных магистров⁴ (так, выражение *thema (ton) Anatolikon* означало определенную территорию *Orientales*, то есть солдат под руководством *magister'a militum per Orientem*⁵; территориальный смысл фемы приобрели не ранее конца VII в.⁶).

В какой-то момент VII в. эти войска заняли области Малой Азии на постоянной основе: войско военного магистра Фракии переведено в Анатолию, силы военных магистров Армении и Востока были передвинуты в конце 630-х в результате поражения от арабов⁷. Силы, которые остались во Фракии после вывода войск, были установлены как фема только после 680 г.

Существование армии *Opsikion* историк предполагал уже для 640-е гг. В процессе войн 580-590-е гг. произошло объединение соединений федератов в один корпус; букелларии офицеров презентальных войск были также сведены воедино и встали на государственную службу; «иностранный легион», оптиматы, также был учрежден в это время; вместо двух презентальных войск образовалось одно, и его командующий обычно

¹ Ibid. S. 361.

² Ibid. S. 364.

³ *Haldon J. F. Byzantium in the Seventh Century: The Transformation of a Culture. Cambridge, 1997. P. 213.*

⁴ Ibid. P. 215.

⁵ Ibid. P. 13.

⁶ Ibid. P. 214.

⁷ Ibid. P. 215-216.

действовал в Европе¹. Те области, которые занимали эти войска, Obsequium/Opsikion, позже сформировали одноименный район². Вероятное окончание процесса отвода византийских войск и их распределения в новых гарнизонах и лагерях относится к середине 640-х; так, арабские нападения на Аморий в 644 и 646 гг. могут свидетельствовать о новом штабе *magister'a militum per Orientem*. Утрата Византией контроля над Арменией в 652-655 гг. могла означать установление сил *magister'a militum per Armeniam* в их новых районах не позднее этой даты³. К середине 650-х гг., вероятно, все первоначальные фемные армии заняли свои новые позиции; прежняя гражданская администрация при этом сохранялась, и войска размещались на той же основе, как и полевые войска в любой точке империи в то время⁴.

Magister militum per Illyricum сначала лишился части сил, отданных юстиниановой квестуре, в 630-е и 640-е гг. его командование фактически исчезло, а всё, что оставалось, возможно, было включено в презентальные войска⁵.

Подводя итог этой части историографического обзора, заметим, что не все авторы при анализе начала фемного устройства обращались к судьбе военных магистров. Нетрудно заметить, что те исследователи, кто уделял внимание этому позднеантичному институту, как правило, говорили об эволюционном характере становления фем (Ш. Диль, Р.-И. Лили, А. Пертузи, Дж. Хэлдон).

В противовес этому, сторонники появления фем при Ираклии, как кажется, рассматривали данного императора в качестве реформатора наподобие Диоклетиана или Константина, который положил начало новому административному устройству и решительно порвал со старым (т.е. с

¹ Ibid. P. 211.

² Ibid. P. 215.

³ Ibid. P. 216, n. 30.

⁴ Ibid. P. 217-218.

⁵ Ibid. P. 253.

позднеантичной системой управления). Отличие концепции Г. Острогорского от позиции того же А. Пертузи было в том, отмечается в современной историографии, что она «... устанавливала жесткие хронологические и даже территориальные рамки «фемной реформы», эту концепцию необходимо было либо принимать, либо полностью отвергать»¹.

На основании имеющегося в распоряжении современной науки источникового материала проблема исчезновения военных магистров не может найти положительного решения. Разумеется, появление новых источников позволило бы взглянуть на данную проблему в ином свете, но не стоит отказываться и от возможностей, которые предоставляются новой методикой исследования.

Специальность диссертации **соответствует шифру специальности 07.00.03 – всеобщая история (история древнего мира)** согласно паспорту специальности, соответственно областям исследования: 2. История Древнего мира (история Античности); 13. Власть в истории. История государства и его институтов. Государство и общество. Сфера политики и политических отношений. История политической культуры. Государство, политика и человек; 17. Мир и война в истории. Военная история, история вооруженных сил.

Основные положения, выносимые на защиту:

1) Состав византийской военной знати для рассматриваемого периода уже не ограничивался только военными магистрами, а включал в себя также экзархов и стратиггов-автократоров;

2) Институт военных магистериев прекратил своё существование постепенно, в ходе военных потрясений первой половины VII в.; так же постепенно происходило формирование фем как институциональной основы нового типа военной знати

3) Для византийской военной знати рассматриваемого периода характерны неоднородность состава и его постоянное обновление,

¹ *Мохов А. С.* Византийская армия в середине VIII – середине XI в.: развитие военно-административных структур : дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2013. С. 94.

сравнительно скромная роль в политической жизни страны, отсутствие рычагов влияния на государственную политику.

4) Поскольку византийские императоры совершенно самостоятельно назначали военных магистров и экзархов, они формировали состав военной знати. В силу данного обстоятельства в рассматриваемый период сохранялась тенденция назначения на ответственные командные посты людей из ближайшего окружения императора, в т.ч. родственников.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованных источников и литературы, списка сокращений.

Глава 1. Военная знать при Юстине II и Тиберии Константине

В этой главе мы объединили правление двух ближайших преемников Юстиниана на императорском троне: действительно, правление одного плавно перетекло в единоначалие второго. Поэтому в начале главы мы осветим участие военной знати в интронизации обоих императоров, а затем сосредоточимся на военных магистрах и на отдельных магистериях Византийской империи.

1.1. Институт военных магистров к 565 г.

К концу правления Юстиниана институт военных магистров существовал уже более двухсот лет¹. За этот период на территории ранневизантийской империи появились по крайней мере шесть военных магистериев, существование которых не вызывает споров в историографии: Иллирийский, Фракийский, два презентальных, Восточный и Армянский магистерии (не стоит забывать при этом, что магистерий мог появляться и исчезать в зависимости от того, существовала ли в данный момент его походная группировка²). Отдельного внимания требует вопрос, касающийся военных магистров, действовавших в Африке и Италии до учреждения там экзархатов.

Источники, как эпиграфические, так и нарративные, сохранили для нас упоминания «magister'a militum Africae» и военных магистров, действовавших на территории Италии. Можно ли предполагать образование на завоеванных при Юстиниане I землях новых магистериев, и, следовательно, относить их командующих к военной верхушке империи? В

¹ Подробнее о появлении должности военного магистра при Константине Великом см.: Demandt A. *Magister militum* // RE. Supplementband 12. 1970. Sp. 560—567; Глушанин Е. П. Указ. соч. С. 49 сл.

² Глушанин Е. П. Указ. соч. С. 232.

историографии представлены различные версии, от признания обоих магистериев до их отрицания.

Говоря о военных магистрах, упоминаемых в Италии, Л. Хартманн отмечал, что различие между ними и дуксами, зафиксированное *Notitia Dignitatum*, в более позднее время становилось всё менее заметным, и что в Италии особенно часто титул *magister militum* передавался «военным, которые служили в качестве *duces*»¹. Э. Штайн высказывался против существования в Италии военного магистерия и за его существование в Африке². Также и А.Бок отмечал отсутствие свидетельств о *magister'e militum Italiae*, но признавал африканский магистерий³.

Сторонником существования обоих магистериев (а также некоторых других) был Ш. Диль. И если в отношении Италии он высказывался с осторожностью⁴, то в отношении Африки был более уверен. Французский историк рассматривал *magister'a militum Africae* в качестве главнокомандующего армией Африки, носящего, как правило, звание патрикия, украшенного титулом *gloriosissimus*, и занимавшего в военной иерархии пост, аналогичный в гражданской власти посту префекта претория. Глава мобильной армии, которому подчинялись также охранявшие границы дуксы, он играл ещё большую роль, поскольку в первые годы византийского господства в Африке туда направляли членов императорской семьи. *Magister militum* часто имел также функции префекта претория, так что Соломон, Герман и Ареобинд были настоящими вице-королями. Кроме того, военные магистры обладали свитой⁵.

¹ *Hartmann L. M. Untersuchungen zur Geschichte der byzantinischen Verwaltung in Italien. Leipzig, 1889. S. 56-57. О судьбе итальянских военных магистров и дуксов см.: Borri F. Duces e magistri militum nell'Italia esarcale (VI-VIII secolo) // Reti Medievali Rivista. № 6. 2005. P. 1-46.*

² *Stein E. Histoire du Bas-Empire: De la disparition de l'Empire d'Occident à la mort de Justinien (476-565 n.Chr.). Brüssel/Paris, 1949. T. 2. P. 613.*

³ *Boak A. E. R. The Roman Magistri in the Civil and Military Service of the Empire // Harvard Studies in Classical Philology. Vol. 26. P. 127-128.*

⁴ *Диль Ш. Юстиниан и византийская цивилизация в VI веке. СПб., 1908. С. 232.*

⁵ *Diehl Ch. L'Afrique byzantine, histoire de la domination byzantine en Afrique (533-709). Paris, 1896. P. 122 ff.*

Ж. Дюрлиа считал, что *magister'a militum per Africam* никогда не существовало, в Африке, по крайней мере, до 570 г., не было постоянного главнокомандующего, не было *officium'a*, возглавлявшего дуксов на постоянной основе, а *magister militum Africae* не может рассматриваться в одном плане с магистрами Востока, Фракии и т.д.¹. На основе надписей о военном магистре Африки Геннадии Ж. Дюрлиа сделал вывод, что он стоял выше префекта претория, и под его властью находилась и гражданская администрация, и что этот *officium* изначально предназначался для управления гражданской и военной администрациями; *magister militum Africae* имел те же полномочия, что в дальнейшем будет иметь и *экзарх*². Идеи Ж. Дюрлиа об отличии африканского военного магистра от «обычных» военных магистров были поддержаны и Е. П. Глушаниным³.

Существование африканского и италийского магистериев, тем не менее, поддерживается в современной историографии авторитетным в вопросах военной истории Византии историком Дж. Хэлдоном⁴.

Всё-таки кажется более правдоподобным предположение, что в Африке и Италии, несмотря на существование префектуры, военные магистерии так и не были созданы. И дело здесь не столько в том, что не существует свидетельств о военных магистрах данных областей с предлогом «*per*», т.е. с намеком на существование магистерия⁵. Как мы видим, управление войсками на отвоеванных у вандалов и готов территориях ложилось на плечи людей с различными титулами и разными полномочиями – от префекта претория до

¹ *Durliat J.* *Magister militum - ΣΤΡΑΤΗΛΑΤΗΣ dans l'Empire Byzantin (VIe-VIIe siècles)* // *BZ.* Bd. 72. 1979. P. 307-310.

² *Ibid.* P. 312.

³ *Глушанин Е. П.* Указ. соч. С. 190, 209.

⁴ См., напр.: *Haldon J. F.* *Byzantium in the Seventh Century. The Transformation of a Culture.* Cambridge, 1997. P. 209, 252.

⁵ *Глушанин Е. П.* Указ. соч. С. 211: «В Италии, в отличие от Африки, магистерии не засвидетельствованы даже титулярно, т.е. не предпринималось ни одной попытки их учреждения». См. также: *Grosse R. E.* *Römische Militärgeschichte von Gallienus bis zum Beginn der byzantinischen Themenverfassung.* Berlin, 1920. S. 192.

стратига-автократора. Следуя Ж. Дюрлиа, стоит отметить: случилось так, что эта модель управления именно в таком, «недооформленном» виде (если говорить о классическом разделении военной и гражданской властей в диоклетиано-константиновом варианте) и просуществовала в Африке и Италии несколько десятилетий – вплоть до появления экзархов. Почему так произошло – отдельный вопрос, выходящий за рамки данного исследования¹.

Таким образом, территориальные приобретения в Африке и в Италии при Юстиниане I не привели к появлению там новых магистериев, и на этих территориях существовала своя военная элита немагистратского типа. Одним из выводов Е. П. Глушанина касательно исторических судеб этих двух элит заключался в следующем: «На византийском Западе в условиях полного краха позднеантичной административной модели формирования военного руководства зарождалась новая военная аристократия, все отчетливее становясь ведущей силой в правящей элите подконтрольных регионов. На византийском Востоке, наоборот, военная знать позднеантичного типа оттеснялась от проблем администрирования, превращаясь в полководцев. Но общим и для Запада, и для Востока является то, что старая военная аристократия постепенно уходила в прошлое»².

В ходе административных реформ 535-536 и 547-553 гг. у военных магистров был почти полностью изъят контроль над локальными проблемами военного администрирования, а постоянные войны способствовали сосредоточению магистров на полководческой деятельности³. Некоторые из магистериев понесли ущерб в плане значимости и престижности, лишились части своих войск: это относится к презентальным, восточному и армянскому магистериям⁴. Ещё одним ударом

¹ О возможных причинах подобного положения вещей см.: *Durliat J.* Op. cit. P. 311.

² *Глушанин Е. П.* Указ. соч. С. 214.

³ Там же. С. 201.

⁴ Там же. С. 192-194.

по институту военных магистров стала постепенная утрата временного характера военных полномочий магистрами Юстиниана¹.

Проблемы терминологии.

Основная проблема при исследовании института военных магистров заключается в том, что большая часть источников для данного периода написана на греческом языке. Византийские историки и хронисты при передаче термина «*magister militum*» предпочитали подбирать соответствующие термины из греческого языка.

Есть ли среди этих терминов эквивалент, закреплённый именно за «*magister*’ом *militum*»?

Самыми распространёнными обозначениями высших командующих византийской армии являются термины «стратиг» и «стратилат». Намного реже они именуются «архонтами», «полемархами» или «игемонами», причем последний термин часто использовался для обозначения командующих более низкого ранга. Среди наших источников можно выделить тех, которые использовали преимущественно слово «стратиг» (Прокопий, Агафий), а есть те, кто употреблял слово «стратилат» и «стратиг» (Малала, Феофан).

Говоря о первой группе авторов, нужно сказать, что слово «стратиг» употреблялось ими в самом широком смысле. Совпадение в данном случае со званием «военного магистра» являлось необязательным. Так, Прокопий, говоря о стратиге Армении Дорофее (Procop., B.P. I.15.3), несомненно, имел ввиду «*magister militum per Armeniam*», но это не значит, что все остальные упомянутые им стратиги определенной области носили такое звание.

Термин «стратиг» сам по себе – весьма ёмкий, и, например, Агафием применялся и по отношению к знаменитому полководцу Юстиниана Нарзесу (напр., Agath., I.13), и к представителям высшего командования на определенном театре военных действий по старшинству (Мартин, Юстин и Буза, Agath., II.18), и к вождям герулов (Фулкарис, Agath., I.14 и Филимут,

¹ Там же. С. 197.

Agath., I.11), и к командующему римскими войсками в Колхиде Бабасу (Agath., III.18).

Рассмотрим другую группу авторов, которые наряду со словом «стратиг» использовали слово «стратилат». Нужно сказать, что историк V в. Зосим, говоря об учреждении Константином Великим института военных магистров, использовал именно этот термин (Zos. II.33: «στρατηλάτης»). Однако всякий ли стратилат являлся именно военным магистром у более поздних историков?

Иоанн Малала, придерживаясь традиции называть военных магистров стратилатами (например, презентальный или Востока), тем не менее, употребляет этот термин по отношению к таким малоизвестным личностям, как Кирик, Иринея и Гильдерих, которых трудно с определенной долей уверенности причислить к военным магистрам (Malala, p. 427). Если стратилатов Востока или Иллирика можно соотнести с существовавшими военным магистериями, то «стратилат Мизии» - это, очевидно, дукс Мёзии (Malala, p. 438). Если бы слово «стратилат» было именно эквивалентом термина «magister militum» (как *per...*, так и *vacans*) и никакого другого, то вряд ли бы оно применялось к дуксам и к персам. Вполне возможно, говоря о стратилате персов Азарете, Малала соотносил его звание или в целом его военную компетенцию с византийскими реалиями (Malala, p. 461). Термин же «стратиг» у Малалы обозначал командующего армией, полководца, речь о занимаемой им должности не шла.

Похожая ситуация и у Феофана, который также мог использовать термины «стратиг» и «стратилат» по отношению к одному и тому же лицу или должности (например, стратилат Востока и стратиг Востока). Нам удалось обнаружить несколько моментов, где эти термины ранжируются: так, в одном месте Феофан упоминает стратилата Сергия и при нем стратига Едерма, то есть в данном случае стратилат выступал как более высокий чин (Theoph. AM 6051). Однако в дальнейшем, говоря о полководцах Маркиане и Ваанесе, Феофан сначала называл их стратилатами, а затем – стратигами

(Theoph. AM 6055, 6064, 6118, 6125). Очевидно, автор не придавал большого значения точной передаче военных должностей при их заимствовании из своих источников.

Обратимся теперь к Феофилакту Симокатте, одному из главнейших источников по истории Маврикия. Касательно употребляемой им военной терминологии нужно сказать следующее:

1) Собственно термин «магистр» упоминается по отношению к Феодору Зитонумию, занимавшему, как считается, пост *magister'a officiorum*¹, т.е. не относящийся к военной сфере (II.3.13).

2) Автор использует следующую военную терминологию: «στρατηγός», «ὕποστράτηγος», «ταξίαρχος», «πολέμαρχος». Первый термин передается в русском переводе С.П. Кондратьева как «стратиг», «полководец», «военачальник». Автор различает понятия «стратиг» и «таксиарх» как разные ступени командования. «Стратиг» выступает не только как обозначение полководца вообще, но ещё именно как воинское звание (см., например, II.3.2, III.5.9, V.2.8). Кроме того, встречаются «стратиг Колхиды» (III.7.8), «стратиг всех войск в походе на Персию» (V.2.8), «стратиг войск в Европе» (VI.4.7). Несомненно, термин «стратиг» в отдельных случаях означал «*magister militum*».

3) Есть и любопытное выражение «начальник пехоты», применительно к Гентзону, которого стратиг отстранил от командования (Γέντζων τῆς πεζικῆς δυνάμεως ἡγεμών, VII.3.8). Имеем ли мы здесь дело с должностью *magister peditum*? Возможно, он был вакантным магистром, посланным во Фракию командовать пехотой как ипостратиг².

4) «Предводитель восточных легионов» (ὁ τῶν ἐφ' ὧν ταγμάτων ἡγούμενος; перевод С. П. Кондратьева) применительно к Нарзесу (V.8.1), причем «легион» в греческом варианте – «тагма». Дж. Мартиндейл уверенно

¹ PLRE. Vol. III. P. 1255.

² PLRE. Vol. III. P. 513.

трактует этот оборот как *magister militum per Orientem*, подкрепляя этот вывод свидетельствами из других источников.

5) Наконец, ещё одно прямое указание на *magister'a militum* – рассказ о Коментиоле (I.7.4):

«За это, опять назначенный императором главнокомандующим, он вновь был направлен против них. Он показал блестящий пример ромейской доблести и получил титул, который ромеи называют пресентий, даваемый за военное командование» (перевод С.П. Кондратьева). Несомненно, речь идет о *magister'e militum praesentalis*. И лишь позже, то есть уже будучи военным магистром, Коментиол, согласно Феофилакту, был назначен стратигом (I.8.11).

6) Несколько раз в последних книгах упоминается слово «*πολέμαρχος*» применительно к Приску и Петру – главнокомандующим(?) войсками на Востоке, а также к Нарзесу – начальнику гарнизона в Даре. Разное положение упомянутых полководцев ставит крест на любой попытке рассматривать этот термин не только как простую функцию.

Отсюда со всей очевидностью вытекает вывод, что Феофилакт Симокатта, так же как и Агафий, употреблял слово «стратиг» в разных значениях, чаще всего – подразумевая представителя высшего командования, начальника армии. Совпадение такой характеристики с термином *magister militum* было необязательным.

Такой класс источников, как сохранившиеся печати, также не проясняет картины. «При исследовании ранневизантийских печатей достаточно часто не представляется возможным определить, является ли то или иное слово все еще обозначением должности или уже титула. Примером могут служить многочисленные печати стратилатов. С одной стороны, «стратилат» — греческий эквивалент термина «*magister militum*» и, таким

образом, является должностью, с другой — уже во времена Юстиниана I это скромный титул»¹.

К настоящему моменту обнаружено известное количество таких печатей, относящихся к VI-VII и даже к началу VIII вв., где встречаются отдельно надписи «стратилат» на греческом и «военный магистр» на латыни; на одной из печатей (некоего Фомы) присутствуют оба этих обозначения как эквиваленты (печать датируется VI-VII вв.)². К сожалению, в рассматриваемый период (565-641 гг.) среди известных нам по нарративным источникам военных магистров, командующих магистериями, нет ни одного Фомы.

Ж. Дюрлиа разобрал случаи употребления термина «*magister militum*» и его эквивалента «стратилат» в византийских источниках VII-VIII вв. и разбил эти упоминания для латинского термина на такие категории: 1) когда упоминался только этот титул, 2) когда сопровождался именем провинции в родительном падеже, 3) когда сопровождался предлогом «*per*» и названием региона в аккузативе; 4) для греческого термина был добавлен пункт, когда упоминался какой-либо город. В первом случае речь могла идти о дуксе, трибуне, высокопоставленном гражданском чиновнике или знатном лице высокого ранга, во втором — о дуксе, в четвертом — о трибуне. И только третью категорию составляли люди, облеченные чисто военным *officium*'ом, выступавшие как *magistri militum inter agentes*; все остальные являлись или вакантными магистрами (*magistri militum vacantes*) и не осуществляли при этом фактического командования над какими-либо войсками, или, наоборот, осуществляли, но в неизвестном ранге³.

Подведём итоги.

¹ Степанова Е. В. Печати с латинскими и греко-латинскими надписями VI-VIII вв. из собрания Эрмитажа. С. 16.

² Там же. С. 50, № 57.

³ Durliat J. Op. cit. P. 315-319.

1) Сам титул *magister militum* неоднозначен – это и *magister militum* какой-то территории (или презентальный магистр), и *magister militum* как обозначение командующего (на какой либо территории, *magister militum in...*), был также и *magister militum vacans*, кроме того, имелись и просто носители почетного титула¹. Уже отсюда, в силу двойственности (а то и тройственности) понятия, мы видим предпосылки для употребления слов «стратилат» (для определенной территории) и «стратиг» (как полководец, командующий армией где-либо).

2) В каком смысле употребляли греческие авторы указанные термины: как ранг, звание, должность или как функцию, роль?

Мы наблюдаем смешение этих смыслов как у разных авторов, так и у одного.

3) Так ли строго авторы придерживались точной передачи титулатуры? Большинство из них (если не все) не были военными и писали отнюдь не военную историю. Воспроизведение таких нюансов, как звание того или иного полководца, вряд ли их заботило настолько, чтобы четко и последовательно, неукоснительно называть *magister'a militum* именно стратилатом или стратигом. Скорее всего, говоря о стратиге Армении или Востока, авторы имели ввиду не магистратуру, а просто исполнение обязанностей командования того или иного лица над определенной территорией.

4) Если какой-либо автор употреблял применительно к одному персонажу и «стратиг», и «стратилат», то это может говорить не столько о взаимозаменяемости терминов, сколько об отношении автора к ним.

Кроме того, византийские авторы могли пользоваться разными источниками, что может объяснить использование в характеристиках «*magister militum per...*» то термина «стратиг», то «стратилат».

Таким образом, строго говоря, у нас далеко не всегда есть весомые основания полагать был ли, например, упомянутый Иоанном Малалой

¹ Список предполагаемых вакантных и почетных военных магистров см.: PLRE. III. P. 1505-1509.

стратилат Вадуарий (см. выше) именно *magister'om militum per Thracias* или нет.

Если же говорить о латиноязычных источниках нарративного характера, здесь можно встретить неоднократные упоминания о военных магистрах, например, у папы Григория Великого и Иоанна Бикларского. Правда, относятся они все преимущественно к периоду второй половины VI-го в. Последний, кого Иоанн Бикларский назвал военным магистром, был будущий император Маврикий (под 581 г.). Папа Григорий Великий же писал о военных магистрах в Италии, где, как признаёт большинство исследователей, никогда не было отдельного магистерия (*per Italiam*), а с 584 г. там образовался экзархат.

1.2. Роль военной знати в интронизации Юстина II и Тиберия

1.2.1. Приход к власти Юстина II

Исходя из свидетельства Евагрия (Evagr. H.E. V.1), после кончины Юстиниана I во всей Империи существовали лишь два человека, которым «по-видимому, равно могло принадлежать царство» (перевод Санкт-Петербургской. Духовной Академии, пересмотренный и исправленный В.В. Серповой) - это были Юстин и Юстин. Один из них был сыном сестры покойного императора, второй – сыном Германа, одного из видных полководцев своей эпохи, который был племянником Юстина I и кузеном Юстиниана I. Юстины приходились друг другу двоюродными братьями; они были близки «по блеску внешней жизни» (Evagr. H.E. V.1; перевод Санкт-Петербургской. Духовной Академии, пересмотренный и исправленный В.В. Серповой).

Отметим при этом, что если один из них сделал чисто придворную карьеру, второй пошёл по стопам отца и в свои 40 (?) лет¹ успел прослыть крупным полководцем. Ещё будучи юным, он стал ординарным консулом, а также носил такие звания как *vir illustris* и *comes domesticorum*². В том же юном возрасте он сопровождал отца (на Восток для защиты Антиохии); помогал тому формировать армию (для похода в Италию), получая организаторский опыт. В начале 550-х гг. он действовал на балканском театре военных действий против варваров в качестве одного из командующих. К 554 г., когда его перевели на другой фронт, в Колхиду, где Юстиниан I собрал лучших своих полководцев, сын Германа, несмотря на свою молодость, был «уже опытным в военном деле» (Agath., II.18; перевод М.В. Левченко). Здесь он также действовал в союзе с другими стратигами, а в 555 г. стал вторым среди римских полководцев (Agath., III. 2). В 557 г. он стал военным магистром Армении³, а в 562 г. мы уже встречаем его в качестве стратига⁴ на дунайской границе (Menap., fr.9). Именно на этом посту, по всей видимости, он и оставался к моменту смерти Юстиниана. Военные успехи не могли не сообщить ему популярности: очевидно, он имел своих сторонников в столице и мог претендовать на освободившееся в ноябре 565 г. вакантное место⁵.

Другой Юстин, куропалат, также нашёл ещё при жизни Юстиниана как предполагаемый наследник поддержку многих влиятельных придворных; они даже просили его объявить его кесарем; однако сам император

¹ «Просопография Поздней Римской империи» на основании свидетельств источников относит дату рождения Юстина-полководца к 525 г. см.: PLRE. Vol. III A. P. 750; Э. Штайн – к 525-530 гг. (Stein E. Histoire du Bas-Empire. T. 2. P. 744).

² PLRE. Vol. III A. P. 750.

³ Пассаж Агафия (Agath., IV.21) трактуется именно так; см. Stein E. Histoire du Bas-Empire: De la disparition de l'Empire d'Occident à la mort de Justinien (476–565 n.Chr.). Brüssel/Paris, 1949. P. 516.

⁴ Считается, что это был *quaestor iustinianus exercitus* – см.: PLRE. Vol. II. P. 753.

⁵ Юстин «пользовался у всех великою славою, как по своей опытности в делах воинских, так и по другим достоинствам» (Evaigr., H.E. V.1; перевод Санкт-Петербургской. Духовной Академии, пересмотренный и исправленный В. В. Серповой).

откладывал это дело (Iohann. Ephes. HE. III.2.10)¹. Как сообщает Евагрий (Evagr. H.E. V.1), оба претендента, после многих переговоров, заключили своеобразное джентльменское соглашение: «чтобы тот, кто взойдет на царство, отдал второе место другому, и этим вторым местом в царстве отнял право на преимущество у всех прочих» (перевод Санкт-Петербургской. Духовной Академии, пересмотренный и исправленный В. В. Серповой). Неизвестно точно, что подразумевалось в договоре и/или самим Евагрием под вторым местом в государстве – титул кесаря или сочетание каких-либо других титулов. Сообщаемые Евагрием сведения об этих переговорах, как считается, заслуживают доверия².

Как отмечалось в историографии, Юстин-куропалат всегда был таким же подданным Юстиниана, как и другие, и не обладал большими правами на престол, чем его конкурент, сын Германа³. Положение куропалата в момент смерти Юстиниана, тем не менее, было несколько более выгодным, чему у сына Германа: он, помимо того что являлся племянником Юстиниана, находился в Константинополе, а потому первым узнал о смерти императора и, соответственно, первым получил инициативу действий по опережению оппонента в неблагодарном деле борьбы за трон⁴.

Следует добавить, что во многих торжественных случаях он являлся представителем императора⁵. Всё это давало фору Юстину-куропалату, чем он и не преминул воспользоваться.

Проследим теперь за приходом к власти Юстина II и ролью в этом процессе представителей военной знати.

¹ О том, почему Юстиниан не оставил кесаря, см.: подробнее: *Диль III*. Юстиниан и византийская цивилизация в VI веке. СПб., 1908. С. 435; *Глушанин Е. П.* Указ. соч. С. 227.

² *Глушанин Е. П.* Указ. соч. Там же.

³ *Stein E.* Op. cit. P. 746.

⁴ Преимущество заключалось и в том, что Юстин, находясь в столице, был хорошо осведомлён об общественных настроениях.

⁵ *Диль III*. Указ. соч. С. 434.

Как писал Евагрий о тех событиях, «... ни о смерти Юстиниана, ни об избрании Юстина никто, кроме приближенных его, не знал, пока сам он не явился на конское ристалище, чтобы сделать с своей стороны и принять от других то, что прилично царю. Так как это событие ни в ком не возбудило посягательств, то он возвратился во дворец» (Evagr. H.E. V.1; перевод Санкт-Петербургской Духовной Академии, пересмотренный и исправленный В. В. Серповой).

Юстин, как явствует из его поведения, спешил на ипподром, для того чтобы объявить о смерти Юстиниана, предстать как наследник престола и выслушать возражения. Коронация Юстина II описана в стихотворном латинском панегирике Крескония Кориппа – африканского поэта, перебравшегося в Константинополь. Заметим, что фиксируемые пером Кориппа приход к Юстину всего синклита с просьбой возглавить государство и колебание будущего императора являются, скорее всего, «официальной» версией, распространявшейся потом новым императором. Но Корипп – поэт, а факты состояли в том, что избрание и провозглашение имело, как отмечал Ю. А. Кулаковский, характер сговора единомышленников: «Принятие сана, облачение в царские одежды, возложение венца – произошло не на военном поле в Евдоме в присутствии армии и всего народа, как было раньше, и даже не на ипподроме, как во время избрания Юстина I и Анастасия, а внутри дворца в тесном кругу единомышленников»¹. Как отмечала А. А. Чекалова, «к концу ранневизантийского периода как главная конституционная сила сенат и войско поменялись местами (т.е. в начале периода – войско, затем – сенат. – Р. Б.)», так, уже провозглашение Юстина II произошло во дворце в присутствии одного сената².

Впрочем, не выслушав «посягательств» на ипподроме, Юстин мог опасаться возражений с дунайской границы – именно там был в это время

¹ Кулаковский Ю. А. История Византии. Т. 2. СПб., 1915. С. 275.

² Чекалова А. А. Архонты и сенаторы в избрании византийского императора (IV - первая половина VII в.). // ВВ. Т. 62. 2003. С. 20.

другой Юстин, располагавший к тому же личными войсками, которые могли достаться ему от отца, Германа (Prosop. VII.39). Согласно договору, Юстин-стратиг в создавшейся ситуации должен был стать вторым человеком в государстве, но у него могли возникнуть претензии по поводу того, как был осуществлен приход Юстина-куропалата к власти.

Новый император поспешил отозвать полководца в столицу. Сын Германа, скорее всего, был лишен своей прежней должности стратига на Дунае (*quaestor iustinianus exercitus*), затем под различными предлогами у него были отобраны оруженосцы, копьеносцы и телохранители (Evagr. H.E. V.2)¹. Император назначает Юстина августалием Египта, возможно, стремясь отправить Юстина подальше от столицы (Theoph. AM 6063; Evagr. H.E. V.2)². Должность августалия, первоочередной задачей которого была отправка хлеба³, никак не походила на второй пост в государстве⁴. Но император этим не ограничился и вскоре приказал устранить Юстина якобы по подозрению в заговоре.

Источник, сообщивший нам об этой причине или поводе для убийства, Феофан, относил данное событие, как считается, к 571 г. (Theoph. AM 6063), а Иоанн Бикларский – к 566 г. (Iohann. Biclar., a. 566.2.). От Евагрия известно, что в дальнейшем Юстин II казнил также двух влиятельных в правление предыдущего императора сенаторов-патрикиев, а их казнь относят к октябрю 566 г.⁵. Вполне вероятно, что Юстин стремился избавиться от соперника как

¹ Упоминание Евагрием трех категорий говорит о том, что «военный дом» Юстина был сравнительно многочисленен.

² В «Просопографии Поздней Римской империи» высказывается сомнение в сообщении Феофана о должности Юстина, поскольку Евагрий не упоминал, что тот был отправлен для занятия должности. (PLRE. Vol. III A. P. 754). Евагрий говорил о переезде на жительство в Александрию (Evagr., H.E. V.2), но это не исключает решительно и однозначно возможность назначения на пост августалия.

³ Corpus Juris Civilis. T. III: Novellae / Ed. R. Schoell, G. Kroll. B., 1959. Novella XCVI.

⁴ На что обращалось внимание уже в Realencyclopädie...B.10. Coll. 1332.

⁵ Realencyclopädie... B.10. Coll. 1332; PLRE. Vol. III A. P. 754.

можно быстрее, к тому же Евагрий, в отличие от Феофана, был всё же современником событий¹.

Итак, мы видим, что военная верхушка фактически не участвовала в избрании императора, а один из её представителей, пользовавшийся популярностью и будучи претендентом на престол, был обезглавлен при подозрении, мнимом или реальном, в заговоре. Вместе с тем, Юстин II не осмелился расправиться с своим тёзкой сразу же по восшествии на престол, в столице – очевидно, это вызвало бы возмущение сторонников полководца и простого люда. Убийство в Египте означало удар по военной верхушке империи, свидетельствовало о слабости её политического веса и влияния.

1.2.2. Военная знать и возвышение Тиберия

При восшествии на престол Юстин II опирался на комита экскувитов Тиберия. Таким образом, куропалату была обеспечена поддержка дворцовой гвардии. И когда страшная болезнь поразила Юстина II, Тиберий оказался одним из претендентов на управление. Как полагал Э. Штайн, «при других обстоятельствах трон объявили бы вакантным; однако из придворных клик ни одна не была достаточно сильна, чтобы гарантировать власть своему ставленнику...

Кроме Тиберия, наследником мог быть куропалат Бадуарий, который в качестве зятя (Юстина II. – *Р. Б.*) и своей должностью предшествовал Тиберию в очередности, и вероятно, первоначально был выбран наследником, и Юстиниан, сын Германа, армянские лавры которого были еще свежи, и как наследник прав, которые стоили жизни его брату Юстину... мог пользоваться для себя (тем), что он был агнатическим внучатым племянником императора, имя которого он нес; он действительно пытался также после смерти Юстина II дважды сталкивать (с трона. – *Р. Б.*)

¹ Примечательно, что тот же Иоанн Бикларский рассказывает сначала о казни патрикиев, а лишь затем – Юстина (Iohann. Biclar., а. 566.1-2.).

Тиберия... Личная свита императрицы Элии Софии образует четвертую партию. Эта сильная женщина так же владела своим супругом, как когда-то её тетя Феодора владела императором Юстинианом»¹. Э.Штайн полагал, что между тремя претендентами на трон был заключен компромисс, и когда Тиберий стал кесарем, два остальных претендента получили вознаграждение или компенсацию двумя важными постами: «Для вознаграждения обоих его (Тиберия. – *Р. Б.*) соперников, однако, был снова, в целом, возобновлён институт *στρατηγού αυτοκράτορος*, кажущийся регулярным в войнах императора Юстиниана, при Юстине II, однако, ликвидирован в Италии, а также не был использован в войне с персами, зять императора (т.е. Бадуарий. – *Р. Б.*) назначен против лангобардов, сын Германа (Юстиниан. – *Р. Б.*) – против персов в качестве *στρατηγός αυτοκράτωρ*...»².

Если реконструкция Э. Штайна верна, то о чём в таком случае должен свидетельствовать факт присутствия Юстиниана в числе претендентов на власть: о политическом влиянии военной знати вообще и наличии своеобразного лобби со стороны этой социальной группы, или же лишь об авторитете и популярности одного человека или его фамилии (только к этому времени брат Юстиниана был уже убит)? Как кажется, сама по себе военная верхушка в данный период не выступала как социальная группа, обладавшая общими и долговременными интересами, а потому предполагаемые претензии Юстиниана на трон могли быть исключительно его собственным почином.

С именем Юстиниана связаны также сообщения Павла Диакона и Григория Турского о попытке смещения Тиберия после смерти Юстина II. Согласно этим своеобразным «писателям истории варваров», против Тиберия был составлен заговор, а в качестве сменщика Юстина рассматривался Юстиниан, бывший племянником умершего императора. Заговорщики хотели устранить Тиберия ещё до провозглашения его императором, но

¹ Stein E. Studien zur Geschichte des byzantinischen Reiches... S. 47.

² Ibid. S. 56, см. также S. 104.

потерпели неудачу, после чего сам Юстиниан пришёл к Тиберию, покаялся и вручил тому солидную сумму золота. Тиберий не стал репрессировать Юстиниана и даже поселил у себя во дворце.

Тем не менее, состоялась ещё одна попытка возведения Юстиниана на трон, причём вместо анонимных заговорщиков инициатором переворота на этот раз была прямо названа императрица Софья, вдова Юстина II. Эта так же неудавшаяся попытка предоставила Тиберию прекрасный повод как для сокращения политического влияния императрицы, так и для пополнения казны имуществом арестованной августы. Сам Юстиниан вновь не пострадал, а только выслушал ругань Тиберия (Greg. Tour. *Historia Francorum*, V.30; Paul Diac. *Hist. Lang.* III.12).

Интересно, что о попытках смещения Тиберия и кандидатуре Юстиниана в таких деталях осведомлены только западные источники, пусть даже один из них был современником событий.

Из восточных источников только Иоанн Эфесский сообщает о бесчисленных заговорах Софьи против Тиберия, но в данном случае историк ограничивается простым упоминанием самого факта их существования, без тех ярких подробностей, коими снабдили свое повествование западные историки (Iohann. Ephes. HE.III.3.7). Рассказ последних заканчивается упоминанием того, как Тиберий хотел породниться с Юстинианом, но этого по неизвестной причине не случилось; Тиберий послал войско против персов (им как будто командовал Юстиниан, хотя это напрямую не указано), которое вернулось с победой и доставило, помимо прочего, 20 слонов. Эпизод с захватом слонов относится, вероятно, к битве при Мелитене в 575/576 г., в результате которой эти животные попали в руки ромеев (Iohann. Biclar., a. 575 – 24 слона; Iohann. Ephes. HE.III.6.10; Theoph. Sim. III.3.12).

Таким образом, это событие приходится на период, когда ещё был жив Юстин II и Тиберий был всего лишь кесарем, что ставит под сомнение весь рассказ Григория Турского и Павла Диакона. Если же всё-таки поверить этим источникам и отнести рассказ ко времени после смерти Юстина II (578 г.),

когда Юстиниан уже был смещён с поста военного магистра и действительно мог находиться в Константинополе, то всё равно остаётся неизвестной реальная роль Юстиниана в этих двух заговорах (т.е. был ли он лишь кандидатурой каких-либо кругов или же сам, будучи преисполненным амбиций, сплотил вокруг себя «партию»), а также то, кем являлись заговорщики и т.д. Отметим лишь, что Юстиниан благодаря своим успехам на Востоке должен был быть окружен ореолом славы, обладать, как некогда его брат, определенной популярностью, авторитетом, имиджем героя, что и могло побудить придворных лиц и/или представителей столичной знати, недовольных Тиберием, связать с ним определенные надежды.

1.3. Военные магистры Востока и Армении при Юстине II и Тиберии

Для первых лет правления Юстина II источники молчат о главнокомандующих на восточной границе – Империя наслаждалась купленным у Сасанидов миром. Один из источников упоминает Зимарха, киликийца по происхождению, «полководца восточных городов» (*Theoph. Byz.*, fr. 20; пер. С. Ю. Дестуниса), направленного с посольством к тюркам. Это упоминание относят к 568¹ или 569 г.² Другой источник о посольстве Зимарха называет его сенатором (*J. Epiph.* fr. 2). Ю.А. Кулаковский видел в нем комита Востока³ (*Comes Orientis*), видимо, делая акцент на слове «города», а не «стратиг» – последний термин не обязательно означал чисто военные функции. Хотя само по себе назначение военного магистра в качестве дипломата не являлось, возможно, чем-то абсолютно исключительным, но, во всяком случае, кадры для дипломатических

¹ См.: Византийские историки: Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец, переведенные с греческого Спиридоном Дестунисом. СПб., 1860. С. 375.

² PLRE. Vol. III B. P. 1417.

³ Кулаковский Ю. А. Указ. соч. Т. 2. С. 289.

поручений вербовались из других категорий служащих. Все эти обстоятельства не дают нам достаточных оснований для отнесения Зимарха к рангу военного магистра Востока.

Такие основания появляются у нас только с началом военных действий между Византией и Сасанидами. И первым известным нам военным магистром Востока следует назвать Маркиана.

Маркиан.

Маркиан был племянником императора Юстиниана I и двоюродным братом Юстина II (его мать являлась тетей Юстина II). В 563 г. был послан императором против мавров в Африку как «стратилат» (Theoph. AM 6055; перевод В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского), предположительно, в ранге военного магистра¹. После этого он почти на десятилетие ушёл из поля зрения наших источников, чтобы в 572 г. появиться вновь как военный магистр Востока. Заметим, что к тому времени уже стал патрикием. Неизвестно, воевал ли он ещё где-нибудь после африканского похода, но несомненно, что командование в Африке придало ему как опыт, так и авторитет².

Действия нового главнокомандующего были довольно успешны, если принять во внимание те привычные для военных магистров трудности, с которыми пришлось столкнуться: источники говорят о том, что Юстин не дал своему родственнику ни достаточного войска, ни необходимых для ведения войны припасов (Evagr. H.E. V.8), войско пришлось собирать (Iohann. Ephes. HE. III.2)³.

Среди дошедших до нас источников нет единодушия по поводу причин отставки Маркиана, случившейся в разгар военных действий, во время осады Нисибиса. Иоанн Эфесский называет причину гнева несправедливой и

¹ Stein E. Op. cit. S. 13; PLRE. Vol. III B. P. 821.

² Иоанн Епифанийский: «Государь Юстин... отправляет на восток полководца Маркиана ... мужа опытного в делах воинских, не только почитаемого, но бывшего в самом деле храбрым» (I. 3).

³ По мнению Э. Штайна, в начале кампании основная группа римлян оперировала в Армении, поэтому армия Маркиана, с которой тот появился в 573 г. в Даре, была мала (Stein E. Op. cit. S. 40).

безосновательной, оговариваясь при этом, что не знает точно основания (Iohann. Ephes. HE. III.6.3: ср. 6.2).

Тем не менее, рассказывая о раздражении Юстина II на нового вождя «ромейских арабов» Мундара и попытки его убийства, которая была поручена как раз Маркиану, историк сообщает следующее: «На Маркиана же император был в гневе за то, что Мундар жив и бежал и достиг того, что открыл и выяснил секрет, а предполагаемое дело не осуществилось» (Iohann. Ephes. HE. III.6.4; перевод Н. В. Пигулевской). Вырисовывается довольно странная картина, ведь Мундар, как известно, избежал смерти в результате ошибки (он получил письмо, адресованное Маркиану, из которого узнал о смертельной для себя опасности). Вины Маркиана, который сам, в свою очередь, получил письмо, предназначавшееся Мундару, не просматривается никакой, а истоки гнева Юстина II кажутся непонятными.

Ещё одна версия – о военном характере причин – озвучена у целого ряда историков. Согласно Феофилакту Симокатте, Юстин был разгневан неудачами, «выпавшими на его долю вследствие его же собственной необдуманности» (Theoph. Sim. III.11.1; перевод С.П. Кондратьева). Речь здесь идёт о неблагоприятном для ромеев начале войны с персами. В таком же русле высказывался и Феофан (Theoph. AM 6066). Евагрий, не называя прямо причин отстранения Маркиана, говорил, что Юстин был недоволен медлительностью войска, осаждавшего Нисибис, и торопил Маркиана со взятием города (Evagr. H.E. V.9). Безуспешную осаду Нисибиса называет причиной отстранения Маркиана и Иоанн Епифанийский (I.4).

Рассказ Феофана Византийца резко отличается от всей вышеупомянутой традиции: ход военных действий под руководством Маркиана против персов был весьма успешен (разгромная победа при Нисибисе, начало осады самого города), но полководца оклеветали перед Юстином II «будто бы он искал верховной власти» (fr. 4, перевод С. Ю. Дестуниса; Э. Штайн считал относящимся как раз к Маркиану начало одного из фрагментов Менандра (Menander. fr. 36), в котором говорилось о клевете

как таковой и о том, что некие «подчиненные ненавидели и обносили начальника, как злодея»¹). Любопытно также, что именно Феофан Византиец – тот единственный источник, кто упоминает Феодора Цира как сменщика Маркиана на посту военного магистра Востока.

Если учесть, что Иоанн Эфесский, Иоанн Епифанийский, Феофан Византиец и Евагрий жили в VI в., получается, что об отставке Маркиана ходили противоречивые слухи и истинные её мотивы не были известны даже современникам.

У ряда источников прослеживается благоприятная в отношении Маркиана версия событий, его действия освещаются в довольно выгодном свете, мы можем разглядеть даже явно оправдательные нотки. Так, вышеупомянутое изложение Феофана Византийца в целом выдержано в сочувствующем полководцу тоне.

Рассказ Иоанна Эфесского кажется нам версией, исходящей от самого Маркиана или того, кто его поддерживал, и распространенной в находившемся под его командованием войске: здесь описывается, как и у Феофана Византийца, успешный ход военных действий восплавленного ревностью к христианскому государству полководца, и то, как его войска уже готовились войти в Нисибис, когда был послан «грубый муж» (перевод Н.В. Пигулевской) Акакий Архелай, который «без основательной причины» (перевод Н. В. Пигулевской) должен был отстранить Маркиана от власти.

Далее описывается как войско ужаснулось и опустило руки, т. е. оно явно знало о приказе (Евагрий повествует, что Акакий ничего не сказал войску – см. Evagr. H.E. V.9; впрочем, отсюда не следует, что войско не знало цели его миссии), а «славный» (перевод Н. В. Пигулевской) Маркиан попросил Акакия дать ему ещё два дня для командования. Рассердившийся на Маркиана Акакий «брал его и гневался, повис на нем перед всем войском, таскал его туда и сюда, бросил его, срезал с него пояс, ругая его, и даже, как рассказывали, нанес ему удар» (Iohann. Ephes. HE. III.6.2; перевод

¹ Stein E. Op. cit. S. 44.

Н. В. Пигулевской). Дерзкое поведение императорского посланника стало известно войску и вызвало волнение. При описании Иоанном Эфесским отхода или бегства от Нисибиса ромейских войск, расстроенных отставкой их командира, налицо опять же восхваление Маркиана: «Затем все войска бежали, повернули обратно и удалились от города, огорченные, жалуясь на то, что случилось с их главой, мужем добрым и верующим, а также на то, что, когда они надеялись войти и взять город, им пришлось повернуть обратно...» (Iohann. Ephes. HE. III.6.2; перевод Н.В. Пигулевской).

Как явствует из данного описания, Маркиан действительно пользовался популярностью и поддержкой среди войск, следовательно, если даже он не стремился к верховной власти (здесь мы обращаемся к намекам Феофана Византийца о боязни Юстина узурпации), то, во всяком случае, располагал определенными возможностями и ресурсами. Таким образом, одной лишь этой потенциальной угрозы могло хватить Юстину II для отстранения от командования своего родственника.

Итак, сопоставляя данные источников о причинах отставки Маркиана, мы только что осветили версию, которой мог придерживаться сам полководец и/или его окружение. Попробуем теперь установить то, как объяснял её причины Юстин, отправляя Акакия с посланием. Если император действительно опасался узурпации, то он, как представляется, должен был не просто отстранить Маркиана от командования, но схватить и доставить в столицу. Здесь нужно вспомнить начало правления Юстина, когда сын Германа, Юстин, который также обладал военным опытом и популярностью, был не просто отозван, но и устранен.

Согласно Иоанну Эфесскому, Акакию было приказано «отрешить Маркиана от власти, срезать с него пояс и выслать из восточных провинций» (Iohann. Ephes. HE. III.6.2; перевод Н.В. Пигулевской). Феофилакт Симокатта передаёт, что «Маркиан, подчиняясь императорскому решению, покинул Нисибис» (III.11.2; перевод С. П. Кондратьева), то есть тоже не говорит, что Маркиан подвергся аресту или суду.

В свете всего сказанного позволим себе следующий вывод: наиболее вероятной причиной раздражения Юстина II, кажется, стала всё же его нетерпеливость при осаде Нисибиса: просьба Маркиана о том, чтобы дать ему ещё два дня для взятия Нисибиса косвенно, хотя и не вполне неизбежно, свидетельствует в пользу того, что Акакий высказал именно претензию в медлительности. Э. Штайн считал, что Юстин был недоволен медлительностью при осаде Нисибиса и хотел сделать из Маркиана «козла отпущения» в афере с Мундаром¹.

Акакий Архелай, Феодор Цир, Магн.

Преемником Маркиана Феофилакт Симокатта (III.11.1), Никифор Каллист (XVII.38) и ряд других источников² называют Акакия, сына Архелая, у Иоанна Эфесского упомянут Акакий Архелай (III.6.2), Иоанн Епифанийский утверждает, что Архелай – это используемое римлянами именование Акакия (I.4), а Феофан приводит только имя Архелая (Theoph. AM 6066), в то время как Феофан Византиец (fr. 4) говорит о Феодоре Цире, сыне Юстиниана, именно как о преемнике Маркиана на командном посту.

В «Просопографии поздней Римской империи» в Акакии и Феодоре видят два разных человека: военным магистром Востока после Маркиана стал Феодор, а Акакий мог быть скрибоном, которому была поручена миссия отстранить Маркиана от командования³.

Однако, если Евагрий Схоластик, Феофилакт Симокатта и Иоанн Эфесский сообщают Акакию только миссию отстранения, то Иоанн Епифанийский, Никифор Каллист, Хроника 1234 г., Бар-Эбрей и Феофан вполне определенно свидетельствуют о том, что он унаследовал пост Маркиана.

Впрочем, эти версии можно согласовать, если допустить, что Акакий командовал некоторое время и был сменен Феодором Циром. Феофан

¹ Stein E. Op. cit. S. 44.

² Полный перечень см.: PLRE. Vol. III. P. 10.

³ PLRE. Vol. III. P. 10 и p. 1254.

Византиец упомянул, что Феодор был сыном Юстиниана, но не уточнил, кем именно был его отец (fr. 4). Не исключается возможность того, что он был сыном самого императора Юстиниана I¹. Однако, и Феодор Цир не продержался долго на своём посту. Феофан Византиец упоминает², что после заключения перемирия с персами сроком на один год³ в Константинополь из Персии был вызван полководец Эвсевий, который, следовательно, мог участвовать в переговорах (с римской стороны их ведение было поручено Захарию).

Дж. Мартиндейл в качестве предположения рассматривал Эвсевию как военного магистра Востока, а назначение его на этот пост могло произойти в после захвата персами Дары (ноябрь 573 г.)⁴.

Таким образом, Феодор Цир мог быть отстранен как раз из-за потери важнейшего стратегического пункта, города, в котором размещалась походная группировка восточного магистерия.

Евагрий (Evagr. H.E. V.10) упоминает также, что Юстин послал против персов незначительное войско под командованием Магна, «который прежде заведовал в столице, казначейством, а потом получил от Юстина в управление один из царских дворцов» (перевод Санкт-Петербургской. Духовной Академии, пересмотренный и исправленный В. В. Серповой). Это войско должно было действовать против даже не Хосрова, который осаждал Дару, а против опустошавшего римские территории персидского полководца

¹ PLRE. Vol. III. P. 743.

² Dexippi, Eunapii, Petri Patricii, Prisci, Malchi, Menandri, Historiarum quae supersunt / e recensione Imm. Bekkeri et B.G. Niebuhrii ... cum versione latina per Io. Classenum emendata. Bonnae: Impensis Ed. Weberi, 1829. P. 389.

³ Весной 574 г., согласно Э. Штайну (*Stein E. Op. cit. S. 48: «im Februar oder März 574»*) и PLRE. Vol. III A. P. 468.

⁴ PLRE. Vol. III A. P. 468. Э. Штайн сначала называет Эвсевию просто *Magister militum* (*Stein E. Op. cit. S. 48*), но далее уточняет, что обнаруживаемого Менандром в начале 574 г. полководца все же, пожалуй, можно (или нужно) считать магистром Востока (*Stein E. Op. cit. S. 52: «...der doch wohl als Magister militum per Orientem anzusprechen ist»*).

Адаармана. Экспедиция Магна датируется 573 г.¹; войска ромеев в итоге бежали, едва избежав плена (Evagr. H.E. V.10).

Эти данные (факт посылки невоенного чиновника²), как и то, что источники при описании военных действий после отстранения Маркиана сосредотачиваются преимущественно на действиях Хосрова под Дарой и не упоминают об ответных действиях крупных римских полководцев, свидетельствуют о том, что Константинополь в это время просто не располагал сколь-либо значительными силами, а значит, все сменщики Маркиана в этот период не могли изменить ситуацию и развернуть «широкое наступление». Оборона восточного рубежа Империи в то момент не то чтобы «трещала по швам», её просто не было, и главным для правительства в такой момент было купить мир с персами, что в итоге и удалось сделать.

Юстиниан.

Назначение следующего известного нам военного магистра Востока – Юстиниана (в 574/575 г.³) – уже следует относить к инициативе Тиберия, который был провозглашен кесарем в конце 574 г. Большой Юстин в это время, как следует из источников, совсем отдалился от государственных дел, передав заботу о них новому кесарю.

Примечательно, что Юстиниан был братом устраненного Юстином II Юстина, сына Германа, одного из полководцев императора Юстиниана I. Назначение Юстином II на ответственный пост брата полководца, обстоятельства смерти которого не были, очевидно, ни для кого секретом, вряд ли могло состояться при данном императоре.

¹ PLRE. Vol. III B. P. 806.

² «Хранитель казны государевой» (J. Epirh., I.5). Кулаковский Ю. А. (Указ. соч. Т. 2. С. 296) называл Магна начальником интендантской части. Э.Штайн отмечал упоминание Магна в начале правления Юстина II у Кориппа как Comes sacrarum (Stein E. Op. cit. P. 52).

³ PLRE. Vol. III A. P. 744.

Рождение Юстиниана, следуя одному сообщению Прокопия, относят к периоду 525-530 гг.¹. И отец, и брат его были известными полководцами; Юстиниан также предпочел военную карьеру. Иоанн Епифанийский (I.5) описывал его к моменту назначения на высокий военный пост магистра как человека, воспитанного в военных подвигах. Немецкий историк Э.Штайн характеризовал его как одного из самых одаренных эпигонов юстиниановского века².

Стоит отметить, что юноша довольно быстро достиг командных высот: в 550 г. он вместе с братом помогал отцу собирать войско (Proc. VII.39), а после смерти Германа ему на пару с другим полководцем, Иоанном, было поручено вести собранную армию в Италию³ (Proc. VII. 40). В 552 г. он был в числе военачальников войска, посланного против славян в Иллирию (Proc. VIII.25). Как видим, Юстиниан оставался и был использован императором всё это время именно на Иллирийском «фронте».

В последующие двадцать лет своей жизни Юстиниан либо не участвовал в главных военных событиях двадцатилетия – в Италии и на Востоке, либо, участвуя, оставался в тени. Именно так следует трактовать молчание источников о нём, поскольку даже Агафий, повествующий о двух вышеназванных основных театрах военных действий времен Юстиниана I и упоминающий несколько раз Юстина, ничего не говорил при этом о его брате. Вполне возможно, что с воцарением Юстина II, который сначала сослал брата Юстиниана, Юстина, в Египет, а затем и устранил его, сам Юстиниан также мог находиться в своеобразной опале на каком-нибудь скромном посту или вовсе в резерве.

¹ PLRE. Vol. III A. P. 744. Прокопий (BG. III. 32): «Старшим из сыновей Германа был Юстин, юноша с первым пушком бороды». Сообщение историка относится к событиям 549 г., следовательно, Юстиниан был в ту пору ещё более юным.

² Stein E. Op. cit. S. 22.

³ Следовательно, он был ненамного младше своего брата Юстина.

Следующее упоминание источниками патрикия Юстиниана относится к 571 или 572 г.¹, ему была послана голова убитого армянскими христианами персидского наместника – марзбана (Iohann. Ephes. HE. III.2.20). Армяне вряд ли бы стали посылать голову наместника какому-либо частному лицу, а, скорее всего, послали бы её человеку, занимающему аналогичную убиенному персу должность. Очевидно, такой должностью был армянский магистерий², поскольку Феодосиополь был резиденцией военного магистра Армении³.

Иоанн Эфесский, упомянув патрикия Юстиниана во второй книге третьей части своего труда, в книге шестой также упоминает патрикия Юстиниана, сына Германа, в качестве повелителя «над всеми полководцами ромейских войск, что были на Востоке» (Iohann. Ephes. HE. III.6.4; пер. Н.В. Пигулевской). Считается, что это один и тот же персонаж⁴, учитывая к тому же хронологическую близость этих двух разбросанных по разным книгам упоминаний, а также один и тот же регион – византийский Восток.

В таком случае вырисовывается довольно любопытная картина: мы знаем, что император Юстин сослал Юстина, сына Германа, в Египет и приказал обезглавить его там в 566 (или 571)⁵ г. по подозрению в заговоре, но в то же время оставил брата убиенного, Юстиниана, не только в живых, но и во главе одного из магистериев, пусть не самого крупного, но располагающего, тем не менее, войском⁶.

Это говорит о том, что Юстин II доверял Юстиниану и как будто не опасался с его стороны никакой вендетты. И, что примечательно, реакция

¹ См.: История императора Иракла. Сочинение епископа Себеоса, писателя VII века. М. 1862. Прим. 65 и 66. См. также: Кулаковский Ю. А. Указ. соч. Т.2. С. 293; PLRE. Vol. III A. P. 744-745.

² Stein E. Op. cit. S. 22. PLRE. Vol. III A. P. 744-745.

³ Подробнее см.: Адоңц Н. Армения в эпоху Юстиниана... СПб., 1908. С. 139 сл.

⁴ The third part of The ecclesiastical history of John, Bishop of Ephesus. 1860. P. 124, прим. t; PLRE. Vol. III A. P. 744-745;

⁵ См. выше.

⁶ Как полагают составители Просопографии Поздней Римской империи (PLRE Vol. III A. P. 745), именно Юстиниан руководил описываемыми Себеосом действиями византийских войск против персов (Sebeos, I), которые Юстин II послал на помощь восставшим армянам.

самого Юстиниана на это событие, какой бы она ни была, тем не менее, не имела печальных последствий для его службы.

Наоборот, следующей ступенью в карьере Юстиниана стал восточный магистерий, который он возглавил в конце 574 или в 575 г. На этот счёт у нас имеется прямое указание Иоанна Бикларского (s. a. 575): «Justinianus dux Romanae militiae et magister militum orientis». Показательно также и разделение должности (magister militum) и функций (dux Romanae militiae) Юстиниана.

Среди других характеристик, даваемых посту Юстиниана («стратиг» у Феофилакта Симокатты (III.12.6), «полководец восточных областей» у Менандра Протектора (Menander. fr. 41; перевод С. Ю. Дестуниса) и др.), есть такие, которые указывают на несколько бóльшие полномочия Юстиниана: «повелитель над всеми полководцами ромейских войск, что были на Востоке» (Iohann. Ephes. HE. III.6.4, ср. III.6.27; перевод Н. В. Пигулевской); а Иоанн Епифанийский сообщает нам, что Тиберий отправил полководца на восток, поручив тому главное начальство на время войны (Ioann. Eriph. I.5).

Подобные свидетельства могут указывать на экстраординарный характер полномочий Юстиниана, т.е. на то, что он мог быть стратигом-автократом¹, и что ему, магистру Востока, подчинялся также и военный магистр Армении.

Источники рисуют тяжелое положение византийской армии на востоке, её дезорганизованность и недисциплинированность, а также описывают меры, предпринятые Тиберием для пополнения поредевших рядов войск² (Ioann. Eriph. I.5; Theoph. Sim. III.12.7, ср. III.13.18 (речь Юстиниана); Evagr. H.E. V.14; Theoph. AM 6072). Возвращение к практике стратигии-автократии в такой ситуации кажется нам вполне логичным поступком: стратиг-

¹ На это указывал Э. Штайн (Stein E. Op. cit. S. 60).

² Из сообщения Евагрия о том, каким стало войско после всех этих мер, т.е. каким его увидел персидский царь, следует, что ранее ромеи испытывали проблемы с вооружением, с поддержанием необходимой численности конницы (возможно, ощущался недостаток лошадей или опытных конников) и с боевым духом воинов.

автократор, наряду с приведением войск в порядок и боевую готовность, мог давать отпор персам по всей византийской границе, т.е. не только в восточном магистерии, но и в Армении¹. С другой стороны, данные Менандра свидетельствуют об активном вмешательстве императора в ход военных действий (Menander. fr. 41: предписания Курсу и Феодору вторгнуться в Албанию, а Юстиниану перебраться в Армению).

Как полководец Юстиниан поначалу имел успех, но затем персы нанесли римлянам чувствительное поражение². Именно отсутствие успеха в борьбе с варварами называется одним из современников в качестве причины отстранения с поста «военачальника востока» (Evagr. H.E. V.19; перевод Санкт-Петербургской. Духовной Академии, пересмотренный и исправленный В. В. Серповой; ср. Nic. Call., XVIII.5)³. Иоанн Эфесский же, другой современник описываемых событий, вообще говорил о смерти стратига и о наступившем разладе среди ромейских полководцев, что подтолкнуло Тиберия к назначению нового начальника «над всеми стратилатами и ромейскими военачальниками, которые были на всем Востоке» (Iohann. Ephes. HE. III.6.27; перевод Н. В. Пигулевской).

Маврикий.

Каковы бы ни были истинные причины отставки Юстиниана, факт остаётся фактом: на смену ему Тиберий выдвинул Маврикия. Выходец из

¹ См.: Менандр (Menander, fr. 41; перевод С. Ю. Дестуниса): «кесарь предписал полководцу восточных областей Юстиниану переехать в Армению и там управлять военными действиями»; Феофилакт Симокатта: «ромейский стратиг, пройдя мимо города Амиды, двинулся с войском в области Армении» (III.12.11; перевод С. П. Кондратьева).

² Если Феофилакт Симокатта (III.15.8; перевод С. П. Кондратьева) описывает это поражение довольно сдержанно: «...Произошло в Армении большое сражение между ромеями и парфянами; во главе вавилонян стоял Тамхосро, начальником ромейских сил был Юстиниан. Здесь ромеи не оправдали своей былой славы», то Иоанн Эфесский более красноречив (Iohann. Ephes., HE. III. 6. 10; перевод Н. В. Пигулевской).

³ Этой же версии придерживался Э. Штайн (Stein E. Op. cit. S. 70): Юстиниан был уволен, не справившись с заданием («Justinianus, den Tiberius für seiner Aufgabe nicht gewachsen hielt, wurde abberufen»).

семьи провинциального Арабисса¹ (Каппадокия), Маврикий начинал свою карьеру в Константинополе в качестве простого нотариуса², а своим возвышением обязан знакомству с Тиберием, который сделал его комитом экскувитов после своего провозглашения кесарем (Iohann. Ephes. HE. III.6.27).

О том, насколько была важна эта должность, свидетельствует следующий факт. Пост комита экскувитов, начальника императорской гвардии, появившейся при Льве I в середине V в., занимали в VI в. ставшие впоследствии императорами Юстин I и Тиберий II. Феофан (Theoph. AM 6074), сообщая о назначении Тиберием на войну против персов Маврикия, называет последнего комитом федератов³.

¹ О происхождении Маврикия имеются следующие данные: Евагрий (Н.Е. V.19; перевод Санкт-Петербургской. Духовной Академии, пересмотренный и исправленный В. В. Серпвой) сообщает, что тот «по роду и имени, происходил от древнего Рима...»; согласно Павлу Диакону (Hist. Lang. III.15; перевод Т. И. Кузнецовой), Маврикий «был первым из греческого рода, кто вступил на престол»; ряд источников настаивает на армянских корнях – по странному сопадению, это преимущественно армянские историки IX—XIII: Псевдо-Шапух Багратуни (История анонимного повествователя. Ереван, 1971. С. 46, 48), Асохик (Всеобщая история Степаноса Таронского Асохика по прозванию. М., 1864. С.333) и Киракос Гандзакечи (История Армении М., 1976. С. 62), хотя их версию поддерживают Георгий Амартол (Georgii Monachi Chronicon / editit C. De Boor. Lipsiae, 1904. P. 656, 662) и Иоиль (Joelis Chronographia compendiaria / Rec. I. Bekkerus. Bonnae, 1836.P. 45). Между тем, хронист XII в. Михаил Сириец, говоря об Арабиссе (Mich. Syr. X.16), объяснял происхождение армянской версии достаточно просто: «Comme cette localité était situé dans l'Arménie deuxième, on dit que Maurice était arménien d'origine» (Chronique de Michel le Grand, patriarche des Syriens Jacobites, traduite par Victor Langlois. Venice, 1868. P. 214). Но это перевод армянской версии хроники; примечательно, что в оригинальной версии такого пассажа нет, а Арависс помещается в провинцию Армения III: см.: Chronique de Michel le Syrien, Patriarche Jacobite d'Antioche (1166-1199): Éditée pour la première fois et traduite en français par J.-B. Chabot. 4 t. Paris, 1899-1910. T. 2. P. 358. См. также: Stein E. Op. cit. S. 70.

² Один из армянских историков приводит оригинальную версию возвышения Маврикия, согласно которой тот намервался продать солому, когда его заметили вельможи, боровшиеся за трон и нуждавшиеся в «третьей судьбе» (Киракос Гандзакечи. История Армении М., 1976. С. 62). Но вся описанная в данном источнике история провозглашения (точнее, самопровозглашения) Маврикия императором определенно остаётся лишь красивой легендой.

³ «Царь Тиберий, купив рабов язычников, устроил из них полк под своим именем, одев и вооружив 5000, и дал им воеводою Маврикия комита федератов, а его помощником Нарзеса. И послал их против персов» (перевод В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского).

В историографии данный пассаж находит следующее объяснение: будучи, вне всякого сомнения, комитом экскувитов начиная с 7 декабря 574 г., Маврикий исполнял также должность комита федератов; несмотря на то, что упомянутое сообщение Феофана относится к четвертому году правления Тиберия, его, по всей видимости, надо поместить четырьмя годами ранее, когда Тиберий, ещё как кесарь, назначил его командующим на Востоке¹.

Кроме того, Маврикий стал патрикием, причём ещё до своего назначения на Восток (Agapius, p. 178; Patr. Const. III.42)².

Итак, Тиберий послал Маврикия на Восточный фронт вместе с на вербованным из рабов язычников войском. Евагрий (Evagr. H.E. V. 19) относит это ко времени после смерти Юстина II (октябрь 578 г.), Феофилакт Симокатта же – к зиме 577/578 гг.³, т.е. ко времени, когда Тиберий ещё был кесарем.

Опять же, как и в случае с Юстинианом, наряду с формулировкой «стратиг востока» (Men. Prot. Fr. 56; Evagr. H.E. V.19), «magister militum orientis» (Iohann. Biclar., a. 578), имеется довольно объёмное описание полномочий Маврикия, принадлежащее Иоанну Эфесскому (III.6.14): Тиберий приказал своему выдвиженцу «отправиться на восток в качестве главы всех полководцев. Он дал ему власть управлять, распределять и назначать всех стратилатов и трибунов всего войска. Никто не смел преступить его приказаний и слов его уст. Он дал ему власть ставить и освобождать от должностей, по своему усмотрению, и отослал его с большим количеством кентенариев для прокормления войск». Такое указание вновь

¹ Goubert P. S. J. Byzance avant l'Islam. T. I. Byzance et l'Orient sous les successeurs de Justinien. L'empereur Maurice. P. 45. Э. Штайн и составители PLRE предполагают ошибку Феофана, но не исключают возможности совмещения двух постов. (Stein E. Op. cit. S. 85, no 14; PLRE. Vol. 3. P. 857-858).

² Как замечено в Просопографии Поздней Римской империи (PLRE. Vol.3. P. 857), Маврикий назван у Иоанна Эфесского «illustris» - «славным» (Iohann. Ephes., HE. III. 6.14; перевод Н. В. Пигулевской).

³ См.: Феофилакт Симокатта. История. Прим. 66 к книге III.

позволяет говорить об экстраординарном характере полномочий Маврикия и рассматривать его в качестве стратига-автократора¹.

Иоанн Эфесский далее описывает (Iohann. Ephes. HE. III.6.14), что Маврикий набирал войско из числа разных народов. Здесь мы сталкиваемся с ситуацией, аналогичной обстоятельствам отправки Юстиниана несколькими годами ранее: такие же чрезвычайные полномочия, вызванные потребностью и приведения в порядок вооруженных сил², и набора войска, и организации отпора врагам. Менандр Протектор отмечал (Menander. fr. 56; перевод С. Ю. Дестуниса), что Маврикий к моменту своего назначения на Восток не имел военного опыта: «не был вскормлен в военных трудах»³.

Тогда что же подвигло Тиберия назначить его на столь ответственный пост? Отвечая на этот вопрос, историк отмечал рассудительность, серьезность и обстоятельность Маврикия, сочетание в нём высокого духа с кротостью, отсутствие гордости и высокомерия (Menander. fr. 56).

Э. Штайн добавлял: «Однако, в высшей степени он был... настоящей (правильной) личностью, чтобы ставить на место и держать в узде непослушных генералов и войска в Азии, так как он был, после смерти Бадуария и тяжелого ущерба, который потерпела последними событиями репутация Юстиниана, не только первым лицом после кесаря в Империи, но и мог выступать со всем влиянием самого доверенного советчика и помощника Тиберия...»⁴.

По всей видимости, в кадровом решении Тиберия соображения надежности и проверенности Маврикия взяли верх над отсутствием у того военного опыта.

¹ Об этом писал и *Stein E. Op. cit. S.70.*

² Менандр (Menander, fr. 58) указывает, что Маврикий восстановил забытое римлянами правило окапываться, т. е. разбивать укрепленный лагерь.

³ Э.Штайн считал, что Маврикий начинал солдатом: «Sowenig wie Tiberius, mit dessen Carriere seine eigene große Ähnlichkeit besitzt, ist Mauricius ursprünglich Soldat von Beruf gewesen...» (*Stein E. Op. cit. S. 71*).

⁴ *Stein E. Op. cit. S. 71.*

Кроме того, за Маврикием, судя по сообщениям Иоанна Эфесского (III.5.13) и *Patrologia Constantinopolitana* (III.42), сохранялся пост комита эскувитов вплоть до восшествия на императорский престол в 582 г.¹

Военные магистры Армении.

Если говорить о Юстиниановом времени, упоминания об армянском магистерии пропадают с 557 г., и, возможно, после окончания войны в Лазике он уже не был восстановлен². Неудивительно, что с предполагаемыми военными магистрами Армении мы сталкиваемся только в связи с очередным витком византийско-сасанидского противостояния.

Из предполагаемых военных магистров Армении при Юстине II можно назвать разве что Юстиниана, сына Германа, речь о котором уже шла выше, и Иоанна. Предполагается, что Юстиниан занимал этот пост, по меньшей мере, в 572 и 573 гг.³ и был заменён Иоанном. О причинах отставки остаётся только догадываться.

Одну из таких догадок позволил себе Э. Штайн: Юстиниан был отозван со своего поста из-за упущений, совершенных им во время восстания армян против персов. В частности, римляне позволили сгореть собору святого Григория Просветителя, который персы превратили в склад. «Намерение наступать на религиозные чувства местных жителей могло бы быть несвойственно им (ромеем. — *Р. Б.*); только армянское население, которое было и без того в высшей степени недовольно из-за союза с католической церковью, заключенного их патриархом в Константинополе, приходило в сильное возбуждение, которое, вероятно, привело к освобождению от должности ответственного за происшествие Юстиниана: по крайней мере, мы находим его, несмотря на то, что его деятельность была увенчана редким

¹ Ср. также *Iohann. Ephes.*, HE. III.6.14, где говорится о наборе Маврикием, после его назначения на Восток, скубитариев (эскувитов) и скрибонов. Э. Штайн рассматривал набор Маврикием ядра своей армии как новшество, ибо даже Маркиан в 572 г. не использовал набранных им на Востоке, не очень многочисленных людей в качестве комбатантов (*Stein E. Op. cit. S.72*).

² Глушанин Е. П. Указ. соч. С. 199.

³ PLRE. Vol. III A. P. 744-745.

успехом..., самое позднее с весны 573 г. замененным на полководца по имени Иоанн, и такое поведение со стороны правительства совершенно соответствует щадящей политике, которой оно благоразумно следовало по отношению к армянам; таким образом, оно допускало, одновременно преследуя остальных монофизитов, то, что армянские беглецы в Константинополе снова отказались под давлением общественного мнения их нации от причастия с католиками и образовали собственную общину»¹. Заметим, однако, что подобные дипломатические просчёты, если они действительно имели место, не сказались негативным образом на дальнейшей карьере Юстиниана: как известно, спустя некоторое время он получил в командование восточный магистерий.

Иоанн упоминается как стратиг Армении у Феофана Византийца (fr. 4). Этого Иоанна² принято отличать от одноименного полководца по прозвищу Мистакон, упомянутого у Иоанна Эфесского (Iohann. Ephes. HE. III.6.28), который вместе с другим стратилатом Курисом (Курсом) был направлен «против Персидской Армении» (перевод Н. В. Пигулевской)³. В рассказе Иоанна Эфесского внимание после упоминания о двух стратилатах сосредотачивается только на Курсе – он описан как мудрый муж, опытный военный, который, дезинформировав персов об истинном состоянии своих сил, вовлёл их в наступление и победил. Курс как стратиг, действующий в паре с Феодором на армянском фронте, упоминается Менандром (Menander. fr. 41; см. также fr. 42): полководцам⁴ было приказано вторгнуться в Албанию, а их место в Армении должен был занять военный магистр Востока Юстиниан. Позже, в 578 г., мы застаём Курса под начальством магистра Востока Маврикия: на этот раз он был послан в паре с другим

¹ Stein E. Op. cit. S. 38.

² См.: PLRE. Vol. III A. P. 675.

³ В английском переводе: «to protect the Greater Armenia from the Persians».

⁴ Э. Штайн (Stein E. Op. cit. S. 39; см. также: s. 62) называл их «zwei Magistri militum in Armenien», не сообщая им командование магистерием.

полководцем, Романом, в опустошительный рейд за реку Тигр (Theoph. Sim. III.16.2).

Отметим, что большинство упоминаний о действиях Курса дают ему в напарники другого полководца. Составители «Просопографии поздней Римской империи» не причисляли Курса к числу военных магистров Армении¹.

Упомянутый Менандром Иоанн, стратиг Армении, который собирал войска (сообщение отсылает, судя по контексту, к восьмому году правления Юстина II – ноябрь 572–ноябрь 573 гг.) может быть тем же самым Мистаконом, который предположительно был военным магистром Армении с 579 г. Таким образом, Мистакон мог сменить на этом посту Юстиниана в 573 г. и служить до назначения на должность военного магистра Востока в 582 г., и при этом последнем назначении столь долгое пребывание на одном посту сыграло бы только в его пользу. С другой стороны, имя Иоанн было достаточно распространенным в ту эпоху, поэтому с уверенностью отождествлять этих двух лиц невозможно.

1.4. Военные магистры балканских магистериев в 565-582 гг.

При Юстиниане I наряду с военными магистрами Фракии и Иллирика добавилась военная квестура: дукаты Мезии и Скифии были объединены под командованием *quaestor'a exercitus*². Вслед за Е.П. Глушаниным повторим: завоевательная политика Юстиниана способствовала ослаблению балканских сил Византии: так, существование военной квестуры в отдельные периоды 540-550-е гг. было номинальным, а фракийской походной группировки, как и магистерия вообще, в последние годы правления этого императора не существовало³. Войска иллирийского магистерия также перебрасывались в

¹ PLRE. Vol. III A. P. 360-361.

² О квесторе войска см.: Глушанин Е. П. Указ. соч. С. 193-194, 201-202.

³ Там же. С. 201-205.

Италию, сам магистерий не восстанавливался до конца жизни Юстиниана; магистр Иллирика превращается в одного из рядовых стратигов под командованием италийских стратигов-автократоров, а его преторий и оффикий постепенно исчезает¹.

Очевидно, что восстановление походных группировок балканских магистериев не входило в число первостепенных задач Юстина II; для отпора аварским набегам император прибег, по примеру своего предшественника, к практике экстраординарного командования: он послал на фронт комита экскувитов Тиберия в качестве стратига-автократора (Menandr, fr.29)². Целью назначения Тиберия, по сообщению Менандра, были переговоры по разным делам и утверждение каждого дела порознь (ibid.). Такие полномочия, надо думать, сообщали их носителю командование над всеми войсками, действовавшими против аваров. Указание на наличие нескольких командующих можно обнаружить в одном из фрагментов Менандра, относящемся к войне с аварами, где описывается недовольство Юстина II не конкретно Тиберием, но полководцами за то, что они откладывали военные действия. Предполагается, что Тиберий, будучи комитом экскувитов, совмещал этот пост с *magister*'ом *utriusque militae*³.

Время командования Тиберия относится к 568 или 569–571 гг.⁴. Не обладавший полководческим опытом, что следует из имеющихся данных о его ранней карьере⁵, Тиберий потерпел в итоге поражение и больше к военному командованию не привлекался⁶. Впрочем, эта неудача никак не сказалась на его *cursus*'е *honorum*, приведшем его в итоге к императорскому трону. Как кажется, причины предоставления Юстином II верховного

¹ Там же. С. 206.

² В другом месте (Menander, fr. 34) Менандр назвал Тиберия просто стратигом. Согласно Евагрию (Evagr., H.E. V. 11), Тиберий был послан с многочисленным войском.

³ PLRE. Vol. III B. P.1324.

⁴ Ibid. Э.Штайн датировал поражение Тиберия осенью 573 г. (Stein E. Op. cit. S. 46).

⁵ См.: PLRE. T.III. P. 1323-1324.

⁶ Ibid.

командования на аварском фронте человеку невоенному диктовались соображениями надежности и проверенности последнего. Не стоит забывать, что стратиг-автократор обладал на вверенном ему театре военных действий фактически полномочиями императора; в такой ситуации император предпочёл назначить «своего» человека, которого он хорошо знал и к которому испытывал доверие. Не следует сбрасывать со счетов и дипломатическую составляющую полномочий Тиберия, о которых говорил Менандр (Menander. fr. 29): действительно, Тиберию довелось вести переговоры с послами аваров (fr. 33).

В качестве военных магистров Иллирика при Юстине II и Тиберии называют обычно Бона и Феогнида¹. Оба они известны благодаря сохранившимся фрагментам исторического труда Менандра Протиктора. Бон впервые упомянут предположительно под 561 или 562 гг.² как начальник дворцовой стражи, которому полководец Юстин, сын Германа, поручил оберегать Дунай (переправу) от аваров (Menander. fr. 9). Затем, в 568 г., Бон предстаёт как стратиг, обороняющий Сирмий, то есть на том же театре военных действий (Menander. fr. 27-28). Из описания Менандра сложно понять, действительно ли Бон был военным магистром: он принял послов от Баяна и предложил им отправиться для ведения мирных переговоров к императору, сославшись на то, что сам он не обладал достаточной компетенцией («...не в нашей воле даже и сказать, а не то чтобы поступить иначе, нежели как угодно царю нашему» - Menander. fr. 27; перевод С. Ю. Дестуниса). Однако когда Баян, стремясь сохранить лицо в глазах своих союзников, потребовал откупа, Бону и «всем, с ним бывшим (в числе их был и великий священник города)» (ibid.; перевод С. Ю. Дестуниса) этот своеобразный рэкет показался основательным. Но всё же Бон и «qui ei

¹ Stein E. Op. cit. S. 10; PLRE. Vol. III B. P. 241-242 (Бон) и p. 1303 (Феогний).

² Фрагмент датирован 562 г. в самом издании фрагментов Менандр Протиктора (См.: *Fragmenta historicorum graecorum...* Т. 4. P. 205. К 561 г. склоняется PLRE. Vol. III A. P. 241, с опорой на Э. Штайна (Stein E. *Histoire du Bas-Empire...* P. 543-544.).

adstabant» (ibid.) не решились действовать без воли императора и в ответе Баяну сослались на то, что император у них теперь грозный и твердый. Впрочем, гнева императора избежать все равно не удалось: Бону был сделан строгий выговор за то, что он отправил в Византию послов аваров с предложениями, которые вызвали раздражение у императора (Menander. fr. 28). В том же письме Юстин II приказывал Бону «приняться за дело, приготовить все военное оружие, зная наверно, что немедленно начнется война с аварами» (ibid.; перевод С. Ю. Дестуниса). Бон стал готовиться к войне, и это свидетельствует о том, что он был не просто начальником гарнизона Сирмия, как характеризовал его Ю. А. Кулаковский¹, но стратигом, ответственным за весь участок границы с аварами. Этот факт является аргументом в пользу отнесения Бона к числу военных магистров Иллирика. С другой стороны, у того же Менандра имеется указание на ипарха (префекта) Иллирика, который заплатил 800 монет за то, чтобы удержать Баяна от грабежа во время перемирия в 568 г. (Menander. fr. 28). Само по себе упоминание данного префекта в такой ситуации не отменяет существование военного магистра, но действия невоенного чиновника по умиротворению варваров заставляют задуматься о том, почему назван именно префект и чем должен был заниматься военный магистр Иллирика, если он, конечно же, вообще существовал.

Имя Бона встречается у Менандра также во фрагменте о сражении с аварами (Menander. fr. 31) и о переговорах Тиберия с аварами: ввиду угрозы очередного военного столкновения Тиберий приказал Бону охранять переправы на реке (Menander. fr. 33). Других упоминаний мы не обнаруживаем.

Военным магистром Иллирика мог быть упомянутый у Менандра (Menander. fr. 48) Иоанн, которому были вверены в управление острова и иллирийские города (в 578 г.). Подобную точку зрения разделял русский

¹ Кулаковский Ю.А. Указ. соч. Т. 2. С. 281.

историк Ю. А. Кулаковский¹. Впрочем, Иоанн с той же долей вероятности мог быть и префектом Иллирика, что, кстати, нашло своё отражение в латинском переводе, сопровождающем греческий текст Менандра². К данной версии склонялись Э. Штайн и Дж. Р. Мартиндейл³. В самих действиях Иоанна нет ничего, что с неоспоримостью и без всякой двусмысленности указывало бы именно на его военные функции: в сохранившемся фрагменте речь идет о его помощи аварам, с которыми ромеи находились в то время в мире, достигнуть области славян. Такая миссия, как кажется, могла быть исполнена невоенным чиновником.

Наконец, ещё одним предполагаемым стратигом Иллирика выступает некий Феогнид. Упоминания о нём мы встречаем опять же у Менандра (Menander. fr. 65-66). Сначала Феогнид отклонил предложения Баяна о сдаче Сирмия (580 или 581 гг.), но затем император Тиберий повелел сдать город с условием, что его жители покинут город живыми⁴. Примечательно, что в тексте источника упоминается начальник Сирмия Соломон, который «не оказывал никаких стратегических способностей»⁵ (перевод С. Ю. Дестуниса); кроме того, доведённые до отчаяния жители Сирмия упрекали не его одного, а нескольких римских «игемонов» - начальников (Menander. fr. 66; перевод С. Ю. Дестуниса). Феогнид, судя по всему, не был простым начальником гарнизона, и сообщение Менандра о том, что у него было мало войска, могло относиться как раз к походной группировке военного магистра Иллирика.

¹ Там же. С. 320.

² *Fragmenta historicorum graecorum...* Т. 4. Р. 252.

³ *Stein E.* Op. cit. S. 105; *PLRE*. Vol. III A. Р. 677. В Иоанне предполагается также и *quaestor exercitus*.

⁴ У Иоанна Эфесского (III.6.30-32) другая версия событий: Тиберий послал к аварам префекта претория Калистерия, который и сдал Сирмий; о Феогниде ничего не сказано.

⁵ Дж. Мартиндейл предполагает в нём дукса – см.: *PLRE*. Vol. III. Р. 1177-1178.

1.5. Военные магистры без военных магистериев: Африка и Италия в 565-582 гг.

Выше мы уже коснулись проблемы существования военных магистериев на территории византийских Африки, Испании и Италии. Здесь мы разберём на конкретных примерах, кого можно было бы отнести к числу военной знати.

На момент восшествия на престол Юстина II в Италии в качестве стратига-автократора находился Нарзес, представитель юстиниановской когорты выдающихся полководцев, который к тому времени победил и поднявших было голову готов, и пришедших франков. Тем не менее, ситуация в данном регионе оставалась сложной как ввиду потенциальных угроз (франкская опасность, трения между гепидами и лангобардами), так и реальных (бунт состоявших на византийской службе герулов), потому Юстин, если у него и имелось желание отозвать Нарзеса, не делал этого в течении трёх лет своего правления. Престарелый (в 565 г. ему стукнуло 87 лет) полководец до 568 г. оставался наместником Италии и, как человек сильный и авторитетный, всё это время поддерживал стабильность в данном регионе (победив мятеж тех же герулов). Как кажется, внимание императора в тот период было отвлечено на сложные взаимоотношения дунайских варваров – гепидов, лангобардов и аваров.

И только в 568 г. главный человек византийской Италии получил приказ вернуться в Константинополь. Ряд источников (Paul. Diac. II.5; Lib.Pont. 63; Lib.Pont. Eccl. Rav. 95¹) говорят о недовольстве «римлян», в первую очередь тех, кто платил налоги, ибо в их просьбе содержалась даже плохо скрываемая угроза платить, в случае оставления Нарзеса, налоги готам, отдать Рим и самих себя язычникам. По свидетельству Павла Диакона

¹ Narsisque patricius obiit Romae, postquam gessit multas victorias in Italia cum denudatione omnium Romanorum Italiae, in palatio quievit; nonagesimo quinto vitae suae anno mortuus est.

(Paul. Dias. II.5), Нарзес собрал много золота, серебра и других богатых сокровищ, что и озлобило простых итальянских налогоплательщиков и послужило поводом оклеветать богатого чиновника. Во всей этой истории, вероятно, сотканной из слухов и прошитой домыслами, не совсем понятными остаются для нас причины гнева Юстина, разозленного до такой степени, что, по версии одного из источников, он лишил полководца титулов препозита и патрикия (Mar. Avent. s.a. 568). Малопонятной также остаётся констатируемая рядом источников неприязнь императрицы Софьи, которая якобы грозила трудоустроить Нарзеса после возвращения в столицу в качестве прядильщика, причём в сугубо женский коллектив¹ (Paul. Dias. II.5; Isidor., Chron. 402; Fredeg., Chronicon. III. 65–68; Const. Porph., Adm. Imp. 27; Aucl. Naun. Extr. 4). Согласно реконструкции ряда исследователей, Нарзес, прибывший уже было в Неаполь для отправления, уступил просьбам Папы Римского ввиду вторжения лангобардов, и вернулся в Рим, где и умер². Такая схема не учитывает факта, что между вторжением лангобардов и смертью Нарзеса (в 572, 573 или даже 574 гг.) прошло примерно пять лет, а его возвращение в Рим датируется 571 г.³ Не совсем ясно в таком случае, почему он собрался отправиться в Константинополь только через три года после своей отставки, и почему источники, если принять версию о том, что он вернулся из-за лангобардской угрозы, ничего не говорят о его противодействии завоевателям⁴. Известно, что на смену Нарзесу в Италию был направлен Лонгин. Именно он и занимался организацией отпора варварам (Lib. Pont. Eccl. Rav. 95), в то время как Нарзес, частное лицо,

¹ Причиной такого отношения называется опять же богатство Нарзеса: Garland L. Byzantine Empresses: Women and Power in Byzantium, A. D. 527-1204. London, 1999. P. 49.

² PLRE. Vol. III B. P. 925-926; Кулаковский Ю. А. Указ. соч. Т.2. С. 283-284.

³ The book of the popes (Liber pontificalis) / translated with an introduction by Louise Ropes Loomis. New York, 1916. P. 165, no. 1.

⁴ Как писал Ю. А. Кулаковский, по возвращении в Рим Нарзес занялся подготовлением к отпору варварам (Указ. соч. Т.2. С. 284).

доживал свой век в Вечном городе и наблюдал, как утрачиваются плоды его побед.

Отметим также, что сменщиком Нарзеса, человека военного, стал префект претория¹. Посылая его в Италию, Юстин II ещё не должен был знать о вторжении лангобардов, ведь, согласно версии об их приглашении, независимо от того, вымысел это или чистая правда, отставка Нарзеса предшествовала вторжению. Подробности обороны Италии от лангобардов нам практически неизвестны; судя по всему, Лонгин прибыл без войска², и неизвестно, куда делись силы Нарзеса, с которыми он ещё в 566 г. подавил восстание Синдуала³. Император Юстин, занятый войнами на Востоке, предоставил византийскую Италию саму себе.

Собраться с силами против лангобардов Империя смогла только при кесаре Тиберии, в 576 г. Несмотря на войну с персами, Тиберий сумел, очевидно, собрать достаточное войско и поставил его под командование патрикия Бадуария. Э. Штайн считал, что Бадуарий имел полномочия стратига-автократора, а Ш. Диль видел в нем первого экзарха Италии⁴.

Ответственный пост был доверен не профессиональному военному, зато не чужому для стоявшего во главе Византии тандема человеку: Бадуарий приходился зятем императору Юстину II, а его назначение могла поддерживать или даже лоббировать императрица Софья⁵. К тому же, несмотря на свою гражданскую карьеру (куропатат с начала правления Юстина II, comes stabuli - царский конюший в 573 г.), он всё-таки имел определенный военный опыт: в 566 или 567 гг. Юстин II приказал ему, как стратигу, набрать войска в Мезии и Скифии и направиться на помощь

¹ PLRE. Vol. III A. P. 797.

² Кулаковский Ю. А. Указ. соч. Т. 2. С. 284.

³ Подробнее см.: Бородин О. Р. Равеннский экзархат. Византийцы в Италии. С. 105.

⁴ Stein E. Op. cit. S. 104; Diehl Ch. Etudes sur l'administration byzantine dans l'exarchat de Ravenne (568-751). P., 1888. P.17-18.

⁵ См. о её роли в примирении Юстина II и Бадуария у Феофана (Theoph. AM 6065).

гепидами против лангобардов; в состоявшемся сражении победа осталась за ромеями (Theoph. Sim. VI.10.10-12)¹.

Э. Штайн рассматривал назначение Бадуария как компенсацию от пришедшего к власти кесаря в пользу одного из претендентов на престол (см. выше).

Итак, в 576 г. Бадуарию вновь пришлось выступить против знакомого противника – теперь в Италии – и на этот раз встреча закончилась не в пользу римлян, при этом сам полководец был убит (Iohann. Biclar., a. 576.1). Для Империи, боровшейся на два фронта, это поражение означало крах попыток очистить Италию от варваров.

Можно только предполагать, скольких усилий стоил Тиберию набор экспедиционной армии, который, судя по всему, производился в балканских провинциях. Примерно в 580 г. или позже, идя навстречу просьбам римского сената и «настоятеля римских церквей», император послал в Италию ещё одно войско, которое не было значительным (Menap., fr. 62; перевод С. Ю. Дестуниса). Всё это не могло не сказаться на обороноспособности Империи в данном регионе: предполагаемое ослабление византийских сил на Балканах вследствие поражения 576 г., вполне возможно, предопределило сдачу Сирмия аварам несколькими годами позднее.

Переходя к византийской Африке, позволим себе перечислить всех известных в данное время в этом регионе военных магистров.

С самого завоевания Африки в данный регион посылались опытные военные, источником кадров служил офицерский корпус на Востоке². У. Кэги, приводя в пример своему тезису назначенцев с персидского фронта, возможно, упускает из виду, что Византия к моменту африканских завоеваний ни с кем, кроме персов, крупных военных действий не вела,

¹ О карьере, датировке событий и предполагаемой должности Бадуария см.: PLRE. Vol. III. P. 164.

² Kaegi W. E. Muslim Expansion and Byzantine Collapse in North Africa. New York, 2010. P. 100-101.

поэтому опытным военным, кроме как на Востоке, появиться было неоткуда¹. Применительно к Африке У.Кэги также нарисовал картину замещения вакантных должностей победоносным византийским военным талантом, говорил про продвижение, усвоение и распространение военных знаний, которые прекратились в середине VII в.².

У Иоанна Бикларского под 570 г. (Iohann. Biclar., a. 570.1) упоминается военный магистр провинции Африка Феоктист, побежденный в войне и убитый маврами. Этого полководца отождествляют с упоминаемым у Прокопия командующим войсками в Ливане в 540-е гг., предположительно дуксом³. До нашего времени также сохранилась печать военного магистра Нумидии Феоктиста, с большей долей вероятности соотносимая с рассматриваемым персонажем («At(que) m[a]gistro [m]il(itum) per [Nu]midii»)⁴. Подобная карьера является лишним примером того, как византийские командующие могли быть перекинута с одной границы на другую, и пост командующего африканскими войсками, пусть он не равнялся военному магистерии, был, тем не менее, большим шагом вверх по карьерной лестнице византийского военного VI в.

На смену убитому Феоктисту пришёл Амабилис, о котором известно, что его пребывание на посту военного магистра Африки не было долгим – он был убит в 571 г. маврами (Iohann. Biclar., a. 571.2). Следующее упоминание нашим основным источником по военным магистрам Африки относится к 578 г., когда Геннадий выиграл войну против мавров (Iohann. Biclar., a. 578.1). Любопытно, что во всех трёх случаях испанский хронист использовал отличающиеся формулировки: Феоктист назван как *magister militum provinciae Africanae*, Амабилис – просто как *magister militiae Africae*, а

¹ Впрочем, в том же месте из Прокопия, на которое ссылается У. Э. Кэги в подтверждение своего тезиса про опыт войны с персами, речь идёт также и о войне со скифами (Proc., III.19.7).

² Kaegi W. E. Op. cit. P. 101.

³ См.: PLRE. Vol. III B. P. 1226.

⁴ Степанова Е. В. Печати с латинскими и греко-латинскими надписями VI-VIII вв. из собрания Эрмитажа. С. 47, № 52.

Геннадий – *magister militum in Africa*¹. Из этих трёх лиц, пожалуй, только Геннадия следует отнести к представителям военной знати, но подробнее о нем речь пойдет в следующей главе.

Из сказанного в данной главе можно сделать следующие выводы:

1) Восшествие на престол Юстина II было совершено даже без всякого намека на участие военной знати, более того, факт интронизации куропалата означал поражение его соперника из числа военной знати и, в конечном счете, привёл к смерти последнего. Семья полководца юстиниановской эпохи Германа, тем не менее, продолжала играть заметную роль, но и другой представитель этой фамилии, Юстиниан, также будучи одним из претендентов на высшую власть, в итоге довольствовался постом военного магистра Востока. Переход власти к Тиберию был совершен посредством провозглашения последнего кесарем. Это была воля Юстина II, которая не встретила, очевидно, такого сопротивления, чтобы о нем сочли нужным упомянуть дошедшие до нас источники.

2) Факт назначения Юстином II брата казнённого им Юстина на пост военного магистра Востока не поддаётся какой-либо однозначной трактовке. Была ли это своеобразная компенсация за убийство (здесь мы заимствуем предположение Э. Штайна касательно другого эпизода; см. выше), попытка примириться со знатной фамилией, или же надежность Юстиниана не вызывала никаких сомнений со стороны императора, сказать сложно. Единственное, что можно утверждать: казнив своего соперника Юстина, Юстин II не считал Юстиниана (как и всех его сторонников) достаточно опасным, чтобы устранить и его.

3) К сожалению, мы не осведомлены полностью о военных магистрах, которые исполняли свои обязанности к моменту смерти Юстиниана и восшествия Юстина II на престол. Тем не менее, представленные данные

¹ Э. Штайн называл его *Magister militum per Africam* (*Stein E. Op. cit. S. 106*), но такая формулировка подразумевает наличие магистерия; в источниках предлог «per» не зафиксирован.

подтверждают мнение Е. П. Глушанина о том, что «Юстин II в первые же годы своего правления отстранил юстинианову военную верхушку от власти. Юстин, сын Германа, был отозван с Дуная, направлен в Александрию и там казнен... Маркиан и Нарзес, видимо, параллельно были лишены своих полномочий в Африке и Италии...». По мнению историка, факт привлечения Маркиана и Юстина в дальнейшем к командованию разовыми экспедициями не говорит об избавлении их от подозрений в нелояльности. «Преемственность военной власти, иными словами, не состоялась и при Юстине II»¹.

4) Общим и для Юстина II, и для Тиберия оставалось поручение особенно важных военных миссий и постов людям из числа ближайшего окружения (тот же Тиберий, Бадуарий, Маврикий), даже если они не являлись профессиональными военными.

5) При Юстине II и Тиберии продолжалась практика стратегий-автократий, т.е. предоставления одному лицу очень широких полномочий на определенном театре военных действий. Подобная тенденция свидетельствовала как о стремлении повысить эффективность управления в данном регионе, так и о тех трудностях, которые испытывала Империя у своих границ. Мы наблюдаем примеры, когда должность стратега-автократора подразумевает целый комплекс мер, включая набор и пополнение войска в условиях крушения системы обороны (например, Юстиниан и Маврикий на Востоке).

6) Несмотря на то, что мы не имеем целостной картины обо всех военных магистрах на ключевых магистериях, и, следовательно, о времени их пребывания на постах, тем не менее, можно сделать некоторые наблюдения. Разгар военных действий вкупе с неудачами, как обычно, способствовал быстрой смене командующих (война с персами, события 572-574 гг.); наоборот, стабилизация ситуации приводила к более продолжительным срокам пребывания (Юстиниан, Маврикий и Иоанн

¹ Глушанин Е. П. Указ. соч. С. 227-228.

Мистакон при Тиберии). Причинами отставки магистров являлись, по большей части, их военные неудачи или просчёты. Никто из военной знати, в период командования тем или иным магистерием, не пытался использовать своё положение в целях прихода к власти (обвинения Маркиана в заговоре являются лишь одной из версий). Военная знать в целом вела себя лояльно по отношению к правящему императору, стараясь служить ему в меру своих сил и способностей.

Глава 2. Военная знать Византии в период правления императора Маврикия

2.1. Стратиг Герман как соперник Маврикия

Маврикий, которого Тиберий провозгласил кесарем и дал ему в жены свою дочь Константину после побед над персами, не был, тем не менее, единственным наследником. Если верить свидетельству одного из источников, Тиберий возвысил до звания кесаря также стратига Германа, за которого была выдана замуж другая дочь императора, Харита (Theoph. AM 6074).

Из сообщения Феофана складывается впечатление, что Тиберий провозгласил своих зятьев в качестве кесарей едва ли не одновременно, но этого нельзя утверждать с уверенностью. Возникает невольная параллель с самим Маврикием и закономерный вопрос о заслугах Германа, которые позволили ему вознестись столь высоко. Если Маврикий, как мы знаем, удостоился такой чести благодаря успехам на Востоке, то о достижениях (в первую очередь, полководческих) стратига Германа информации в источниках нет.

Можно предположить, что подобно Маврикию, Герман возглавлял какой-нибудь военный магистерий при Тиберии. Этот магистерий был, скорее всего, европейским (поскольку на Востоке командовали Иоанн Мистакон и Маврикий), к тому же картина военных действий на Балканах при Тиберии неполна в силу недостаточности сохранившихся о ней сведений. Любопытно, что дошедший до нас закон от 11 августа 582 г. называет кесарем только Маврикия¹.

¹ Jus graeco-romanum / Ed. C.E. Zachariae von Lingenthal. T. III: Novellae constitutiones imperatorum post Justinianum quae supersunt collatae et ordine chronologico digestae. Lipsiae, 1857. P. 30-31; см. также: PLRE. Vol. III A. P. 529.

Другой источник, Иоанн Никиусский, не называет Германа стратигом, но сообщает, что он был прежде патрикием (Ioann. Nik. XCIV.26). По утверждению историка, Тиберий, прежде чем умереть, распорядился, чтобы трон достался именно Герману. Но тот отказался из скромности (ibid.).

2.2. Военные магистры Востока и Армении

Иоанн Мистакон.

В 582 г. Иоанн Мистакон, уроженец Фракии, был назначен Маврикием, по всей видимости, *magister'om militum per Orientem*. О его ранней карьере неизвестно ничего, при Тиберии он был назначен (в 579 г.) *magister'om militum per Armeniam*, а теперь, таким образом, достиг одного из крупнейших и важнейших региональных магистериев, сменив на этом посту самого императора. В пользу назначения могли сыграть как военный опыт вообще, так и знание восточного театра военных действий; к тому же Маврикий, безусловно, должен был довольно хорошо знать Мистакона ещё и как коллегу, поскольку будущий император сам являлся с 577 г. военным магистром Востока, т.е. работал в своеобразном тандеме с Иоанном.

Примечательно, что Маврикий, известный своим династизмом (непотизмом), доверил этот пост всё-таки не родственнику, но хорошему (?) знакомому. Логично предположить, что Иоанн Мистакон во главе армянского магистерия зарекомендовал себя с лучшей стороны, раз в пользу него был сделан выбор. Притом, что императору было из кого выбирать. Кроме Мистакона кандидатом на высокий пост мог быть Курс, который воевал в Италии под командованием Нарзеса, как минимум с 574 г. служил в Армении, командуя вместе с Феодором римскими войсками, в 578 г. уже под командованием Маврикия как военного магистра Востока участвовал в опустошительном набеге на персов, но в 579 г. оказался снова в армянском магистерии и совершил удачное нападение на врага. То есть он также был хорошо знаком Маврикию, знал регион и имел богатый военный опыт.

Впрочем, не став *magister*’ом *militum per Orientem*, он, тем не менее, попал в штаб Иоанна Мистакона, и в битве с персами, которая так неудачно сложилась для ромеев, он командовал одним из флангов.

Любопытная деталь: Маврикий снял Мистакона с поста *magister*’а *militum per Orientem* за первую же неудачу. Здесь примечателен не сам факт недолгого пребывания Иоанна на посту (для должности *magister*’а *militum*, с учётом её магистратского характера, это было нормально), но подобная реакция императора, который мог просто ждать удобного повода для назначения Филиппика.

Феофилакт Симокатта (Theoph. Sim. I.9.9) объяснял поражение ромеев бездействием Курса, который, якобы в силу зависти к Мистакону из-за удач последнего во всех его предприятиях, так и не вступил в бой. Это может говорить о том, что Курс действительно претендовал на пост военного магистра Востока и что «бывшее с ним войско» (Theoph. Sim. I 9.9; перевод С. П. Кондратьева), которое не вступило в бой, его в этом поддерживало¹.

Как отмечали составители «Просопографии Поздней римской империи», после этой битвы упоминаний о Курсе больше нет, и, очевидно, его пассивность стоила ему карьеры². А вот Мистакон впоследствии был прощён и вновь назначаем командующим (во Фракии и Армении), а также стал патрикием.

Это может свидетельствовать как о его профессиональных качествах, так и об ограниченности выбора императора – круг способных и опытных полководцев («генералов») был достаточно узок.

¹ Описание боя Феофилактом Симокаттой вполне могло, как нам кажется, основываться как раз на донесении Мистакона. Наступление самого Иоанна и левого фланга под командованием Ариульфа рисуется как победное, и персы уже показали было тыл, но ромеи, узрев бездействие Курса, вдруг сами начали отступление (Theoph. Sim. I 9.7-11). Стремление создать впечатление о без пяти минут выигранном сражении и возложить всю вину на одно лицо, помешавшее победе осуществиться, может расцениваться как попытка оправдания за неудачу, что характерно для многих полководцев.

² PLRE. T. III. P. 361.

Филиппик.

О ранней военной карьере нового главнокомандующего восточными силами, Филиппика, как и о том, была ли она вообще, неизвестно. Как только (или через два года¹) его шурин стал императором, он был сделан комитом экскувитов. «Свой человек» – это достоинство, очевидно, и стало для Маврикия решающим при выборе преемника Мистакону. Филиппик должен был стать проводником политики Маврикия и своеобразным представителем, «лицом» императора в войсках (чтобы «привязать» войска к императору).

Действительно, для проведения таких непопулярных мер, как избавление войска «от излишеств ведущих к роскоши», расположения его «к умеренности и покорности» (Evagr. H.E. VI.3; перевод Санкт-Петербургской. Духовной Академии, пересмотренный и исправленный В. В. Серповой), Маврикий нуждался в надежном человеке. Однако, когда Маврикий доставил Филиппику указ о сокращении анноны на четверть, тот, хорошо зная настроения войск, выступил против такой меры, опасаясь узурпации (Theoph. AM 6079).

В результате, Филиппик был отозван, а проводить в исполнение непопулярный закон было поручено некоему Приску, о жизни которого до этого его назначения нет никаких сведений.

Приск и снова Филиппик.

Содержание и суть маврикиева указа об анноне, ставшее причиной или поводом для одного из значительных военных мятежей на восточной границе в VI в., нашло в историографии довольно разные оценки. В частности, ставится под сомнение сообщение Феофилакта Симокатты именно об уменьшении анноны. У. Тридголд считает, что Маврикий заменил деньги, выдаваемые на приобретение оружия, собственно оружием, но, столкнувшись с мятежом, уже в следующем году вернулся к обычной плате².

¹ Ibid. T.III. P. 1022.

² «...In 588 Maurice ordered his troops to accept issues of arms instead of their arms allowances». *Treadgold W. Byzantium and Its Army, 284-1081. Stanford, 1995. P. 19.*

В. В. Серов вообще не рассматривает указ Маврикия об анноне как непосредственную причину бунта; указывая на практическую неосуществимость изъятия четвертой части от выдаваемых солдатам обмундирования, оружия и рациона или от жалования в 5 или 6 солидов, он предполагает сокращение натуральной доли анноны и замене денежным эквивалентом, т.е. увеличение адаэрированной части. Возможно, что правительство, осведомленное об избыточности поставляемой натурой анноны и торговле воинами излишками оружия, амуниции и продовольствия, решило посредством частичной адаэрации помочь как солдатам, так и казне.

Но в итоге Маврикий вынужден был отказаться от подобной адаэрации, и не потому, что испугался бунта, а поскольку убедился, что недостатки этой реформы (очевидно, не у всех солдат имелись излишки и после сокращения натуральной части им стало труднее доставать предметы продовольствия и предметы обмундирования) перевешивают плюсы¹.

Источники описывают надменное поведение нового командующего, что вкупе с вышеупомянутым указом подтолкнуло войско к мятежу. Мы сталкиваемся с тем случаем, когда войско открыто отвергло ставленника императора и само избрало себе стратига – Германа. Речь здесь идёт не о рядовом мятеже, поскольку воины договорились о том, что будут сражаться с врагами (Theoph. Sim. III 2.5).

По сообщению Михаила Сирийца (X. 31) мятежники, не ограничиваясь кознями против Филиппика, хотели даже сместить Маврикия и поставить на его место другого. Несмотря на выбор стратига, инициатива действий мятежных войск, как следует из Феофилакт Симокатты, исходила от неких руководителей. В частности, именно по их инициативе около 5 000 воинов были посланы на Эдессу против Приска (Theoph. Sim. III 3.6).

Примечательна реакция властей на бунт крупнейшей, по всей видимости, армии империи: к мятежникам последовательно посылались два

¹ Подробнее см.: Серов В. В. Чрезвычайный бюджет Византии в VI веке: (опыт историко-политико-экономического исследования). Барнаул, 2010. С. 203-208.

епископа, затем Филиппик и Аристовул – управляющий имуществом императора по дворцу Антиоха с дарами, но у Империи просто не было войск для силового воздействия. Стоявшее в Константине другое войско под командованием Нарзеса, игемона города, которое было передано сюда по приказу Филиппика Ираклием, не присоединилось к мятежникам и не было никак использовано Приском или Филиппиком; более того, оно даже не реагировало на персидский набег на Константино¹. Вероятно, численность стоявших здесь сил была достаточно малой.

Неизвестно, обещал ли Аристовул отмену закона об анноне или же исключительно с помощью дипломатического таланта вкупе с дарами смог смягчить гнев мятежников. Известно, однако, что Приск, сбежав от мятежников, «дал знать письменно правителям городов и начальникам гарнизонов, чтобы они ничего не уменьшали из обычных выдач воинам» (Theoph. Sim. I.1.14; перевод С. П. Кондратьева).

Источники, говоря о том, что войско выступило против персов и разбило их, не называют при этом командующего; Герман был вызван в Константинополь и предан суду (Evagr. H.E. VI.10); отвергнутый же войском Филиппик следил за развитием мятежа со стороны, и мы не видим никаких попыток каким-либо образом вмешаться в действие. Он не решился приехать даже после завершения успешного похода 588 г., когда войско примирилось с Маврикием и выразило тому почтение; следовательно, когда уже не имелось политических причин для неприятия Филиппика как ставленника василевса. Евагрий сообщает (Evagr. H.E.VI.10) о неудачной миссии к войскам одного из телохранителей Маврикия, чтобы склонить тех к принятию прежних начальников. Симокатта не упоминает об этом, а сразу

¹ «Собравшееся же здесь ромейское войско пребывало в бездействии, считая, что это его не касается, и не заботясь ни о чем, как будто это все было для него чужим делом» (Theoph. Sim. III 3.9; перевод С.П. Кондратьева).

рассказывает о епископе Григории, которому с трудом удалось убедить воинов принять прежнего командующего¹.

Маврикий, как мы видим, в качестве альтернативы отвергнутому войсками Приску вновь посылает своего зятя Филиппика как самого надежного человека. Второе пребывание Филиппика в качестве военного магистра не продлилось долго – Маврикий вновь снимает командующего после первой же серьёзной неудачи, и здесь, вполне возможно, было учтено настроение войск.

Коментиол.

Новым военным магистром Востока был назначен Коментиол. Уроженец Фракии, он сделал выдающуюся карьеру от «простого» сcribe (личная охрана императора) до командующего войсками на главных фронтах Империи – на Востоке и на Балканах. Отметим и постоянную востребованность Коментиола (583-587 гг. – Балканы, 589 г. – Испания (?), 589-591 гг. – Восток, 598-601 гг. – Балканы); сведений о карьере Коментиола нет лишь для 592-597 гг.

Коментиол впервые упоминается в 583 г. в качестве посла (вместе с сенатором Эльпидием) он держал речь перед аварским каганом, за что едва не был убит «свирепым» варваром².

В историографии отмечается необычность столь высокого дипломатического поручения сcribe³. Испытав Коментиола на

¹ «Мятежники 588-589 гг. не стремились к ниспровержению правительства в Константинополе, и при этом они не стремились короновать собственного императора. Они просто требовали возмещения их материальных обид. Но этот мятеж, конечно, ослаблял власть императора и власть его генералов. Он подчеркнул местную и личную конкуренцию генералов (Приска и Филиппика), которая вызвала (ещё) больше деморализации и расстройств уважения к власти. Только духовная власть продемонстрировала, что она все еще сохраняла универсальное уважение» (*Kaegi W. E. Byzantine Military Unrest 471-843. An Interpretation. Amsterdam, 1981. P. 71-72*).

² Учитывая, что целью посольства была просьба о перемирии, такое поведение, естественно, никак не содействовало консенсусу. Примечательно, что на следующий год василевс послал к аварам одного лишь Эльпидия, во всяком случае, Коментиол не был упомянут (*Theoph. Sim. I 6.4*).

³ *Shlosser F.E. The Reign of the Emperor Maurikios (582—602): A Reassessment. P. 110.*

дипломатическом поприще, Маврикий затем поручает ему военное командование против варваров на балканском фронте.

Довольно проблематичным остается соотнесение Коментиола с *magister*'ом *militum Spaniae* и патрикием, посланным Маврикием против варваров, согласно надписи из Картахены для 589 г.¹, ибо в том же году он стал военным магистром Востока², и тем более с *vir*'ом *gloriosus* Комитиолом (*Comitiolus*) в Испании в 603 г. (Greg., *Epist* XIII, 47) с учетом того, что рассматриваемый нами Коментиол был казнен с приходом к власти Фоки. Но высокий титул патрикия из испанской надписи свидетельствует в пользу того, что Коментиол действительно мог быть переброшен Маврикием с Балкан на далекий запад, а потом обратно, и еще дальше на Восток.

Полею Губером была предпринята попытка свести всех трех упомянутых персонажей к одному человеку. Сначала историк отождествляет испанских Коментиола и Комитиола (титулование последнего папой Григорием как *gloriosus* могло указывать на военного магистра или патрикия); далее проблему малого промежутка времени между балканской службой Коментиола и его назначением на Восток он обходит предположением, что испанский период карьеры приходится на период после окончания войны с персами, как раз когда у Феофана в течение 11 лет нет упоминаний о Коментиоле; упоминание же папой Григорием Комитиола в 603 г. может быть списано на медленность сообщений между Испанией и Африкой³). Маврикий рассчитывал на преданность и гений Коментиола, несмотря на «(его. – *P. Б.*) затмения», заключает П. Губер, и поэтому нет

¹ См.: PLRE. Vol. III A. P. 322.

² То, что он точас же сменил Филиппика (*Theoph. Sim.* III 6.1), говорит о его вероятном нахождении ко времени назначения в столице, возможно, в качестве *magister militum vacans*.

³ Т.е. Григорий ещё не знал, что Коментиол уже около 598 г. отбыл на Восток – довольно уязвимое место в гипотезе П. Губера.

ничего невероятного в том, что он отправил его с экстраординарной миссией на запад, подобно Ираклию, экзарху Африки¹.

Его полководческие способности, судя по наиболее подробному источнику в данном случае – Феофилакту Симокатте, не были особо выдающимися. Более того, историк приводит несколько эпизодов, характеризующих Коментиола как труса, не желающего вступать в сражение с врагом. Так, его странное поведение в 598 г. в борьбе против аваров даже вызвало у войска подозрение в измене, но Маврикий лично вступился за своего назначенца, и вернул ему звание стратига (Theoph. Sim. VII.13-14; VIII.1.9-10; о трусости см. также VIII.2.5). Такое отношение императора дало основание рассматривать Коментиола как самого очевидного фаворита Маврикия².

Несмотря на известную нерешительность и пассивность в ходе последних своих военных действий на Дунае, Коментиол как военный магистр Востока действовал против персов довольно активно и достиг ряда успехов. Коментиолу пришлось выступить и в качестве дипломата, поскольку именно к нему пришёл искать помощи Хосров в борьбе против Бахрама Чубина. Коментиол был, очевидно, первым *magister'om militum per Orientem*, который был снят со своего поста из-за недовольства неромейского, но персидского царя: Хосров жаловался Маврикию, что стратиг «подвергает его издевательствам и всякими проволочками препятствует подаче помощи» (Theoph. Sim. V.2.7; перевод С.П. Кондратьева).

Примечательно, что когда Коментиолу вновь пришлось выступить в качестве дипломата, он, как и на заре своей карьеры, оказался не на высоте. Маврикий пошёл навстречу своему союзнику с прицелом на будущее, поскольку понимал, что после возвращения престола Хосрову будет трудно

¹ Goubert P. L'administration de l'Espagne byzantine I. Les Gouverneurs de l'Espagne byzantine // Études byzantines. T. 3. 1945. P. 129-139.

² Shlosser F.E. Op. cit. P. 90.

«ужиться» с Коментиолом как командующим восточными силами, и потому решил не ссориться с персом.

В период 591-597 гг. Коментиол мог продолжать службу не только в Испании, как предполагал П. Губер (см. выше), но и на Востоке, правда, не в ранге стратига, а в качестве помощника своего сменщика Нарзеса: Феофилакт Симокатта упоминает некоего Коментиола в качестве командира правого крыла в одном из сражений с персами, не уточняя при этом, что это именно прежний военный магистр Востока (Theoph. Sim. V.8.1)¹. Мы видели, что прежние *magister*'ы *militum per Orientem* после смещения с поста Маврикием отправлялись прямым путем в Константинополь; василевс мог оставить своего полководца на восточной границе и не возвращать на балканский фронт, несмотря на имеющийся у того опыт войны в данном регионе.

Нарзес.

На освободившееся место *magister*'а *militum per Orientem* Маврикий не стал возвращать своего родственника Филиппика, а назначил Нарзеса. Возможно, это том самый Нарзес, который был ипостратигом у *magister*'а *militum per Orientem* Маврикия (Theoph. AM 5074; Cedr. I 690; Zon. XIV 11)². В таком случае, это во многом объясняет выбор императора, поскольку Маврикий должен был хорошо знать своего ближайшего подчиненного, а подчиненный, в свою очередь, обладал необходимым опытом службы на восточном театре военных действий.

Возможно также, что упомянутый Феофилактом Симокаттой Нарзес, эгемон Константины, которому Ираклий передал по приказу Филиппика войска (Theoph. Sim. III 1.1) также тождественен военному магистру Востока. Дж. Мартиндейл в качестве предположения считал его дуксом и, вдобавок,

¹ Так предполагает Дж. Мартиндейл (PLRE. T.III. P. 324).

² Эту версию поддерживает П. Губер (*Goubert P. L'administration de l'Espagne byzantine... // Études byzantines. T. 3, 1945. P. 152*).

magister militum (*vacans* или *honorific*)¹. Автор же комментариев к переводу Феофилакта Симокатты К. А. Осипова указывает на преимущественно административные функции эгемона, как и на то, что мог быть родственником знаменитому полководцу Юстиниана Нарзесу². Во время мятежа воинов против Маврикия Нарзес, насколько можно судить по источникам, бездействовал в Константине (если только он там вообще находился) и никак не реагировал на вторжения персов.

К моменту своего высокого назначения Нарзес был одним из щитоносцев Коментиола. Сам Коментиол, если отождествлять его с упомянутым Симокаттой командиром правого крыла в одном из сражений с персами (*Theoph. Sim. V 8.1*), оказался в подчинении у своего бывшего телохранителя (см. выше). В отношении Нарзеса мы наблюдаем довольно интересную карьеру на протяжении примерно 14 лет: ипостратиг – эгемон города – щитоносец стратига Востока.

Возможно, к карьере рассматриваемого нами персонажа относится всё-таки только последняя его должность. *Magister*’ом *militum per Orientem* Нарзес оставался предположительно до 603 г.³; по сообщению Феофилакта Симокатты, «незадолго до начала тирании», т.е. воцарения Фоки (октябрь 602 г.) Нарзес был снят с поста начальник гарнизона Дары, вызвавши раздражение Хосрова (*Theoph. Sim. VIII 15.4*; перевод С. П. Кондратьева).

Как считается, Нарзес был смещён только с поста командующего размещённым в городе войском, но сохранил свой пост главнокомандующего восточной группировкой⁴. В таком случае, мы имеем дело с самой продолжительной военной магистратурой на Востоке в VI в.: при Юстиниане I Велизарий исполнял эту должность примерно в течение десяти лет (532? или 533-542 гг.), но внушительную часть этого срока провёл в Африке и

¹ PLRE. Vol. III B. P. 933.

² См. прим. 3 к книге 3 и прим. 3 к книге 5 в издании: Феофилакт Симокатта. История.

³ PLRE. Vol. III B. P. 934.

⁴ Ibid. P. 935.

Италии; если же брать всех военных магистров Востока, то дольше Нарзеса командовал лишь Ардабур: он занимал этот пост в течение 13 лет (453-466 гг.)¹.

Столь длительные сроки исполнения полномочий в принципе нехарактерны для института военных магистров², как, собственно, в силу теории, т.е. самого «духа» этого института как магистратуры, так и в силу реальной практики: при Юстиниане I за период 527-556 гг. зафиксировано 9 военных магистров Востока, и на срок командования каждого приходилось в среднем несколько больше 3 лет, а за двадцать лет до Нарзеса (572-591 гг.) сменилось 10 главнокомандующих, что даёт в среднем два года.

Конечно, подобные примеры столь сравнительно долгой службы на посту военного магистра Востока объясняются в первую очередь отсутствием войн ромеев с их восточными соседями, миром на границе; для военного времени была характерна частая смена командующих, отражавшая поиски императорами достойной кандидатуры; так, и Иоанн Мистакон, и зять императора Филиппик, как было указано выше, поплатились своей должностью за первые же серьезные неудачи. В случае с «долгожительством» Нарзеса как *magister'a militum* наблюдается и политическая причина: магистр устраивал царя персов, ставшего в силу известных причин союзником и «сыном» императора Маврикия, и василевсу теперь приходилось считаться с его мнением³.

Командующим войском в Даре вместо Нарзеса был назначен некий Герман, который получил звание консула и уже в силу этого факта может быть включен в число знати. Предположительно, он был удостоен ранга *MVM (vacans)*⁴. О происхождении и карьере этого человека нам неизвестно,

¹ Ibid. Vol. III B. P. 1499. Vol. II. P. 1291.

² Насколько можно судить, опираясь на магистратскую модель Е.П. Глушанина.

³ В пользу долго пребывания Нарзеса на Востоке свидетельствует факт, что его имя якобы наводило страх на персов (Theoph. AM 6097).

⁴ PLRE. Vol. III. P. 532-533.

но примечательно, что именно ему, а не Нарзесу, было поручено встретить маврикиева посланника к Хосрову с просьбой о помощи. В его распоряжении были, очевидно, достаточно крупные силы, ведь их впоследствии хватило, чтобы выступить против Нарзеса (Theoph. AM 6095; Zon. XIV 14).

Военные магистры Армении.

Об армянских магистрах у нас имеются весьма скудные данные. Известно, что Иоанн Мистакон упомянут Феофаном под 590 г. (Theoph. AM 6081) как армянский стратилат. Согласно Себеосу, Иоанн ещё в 589 г.¹ совершил поход в персидские владения (Sebeos, III.2). Неизвестно, где находился Иоанн в первые годы после своей отставки с поста *magister'a militum per Orientem* (583 г.).

Возможно, в этот период своеобразной опалы он служил на каком-то более скромном посту или, во всяком случае, оставался в резерве, что позволило ему ещё раз проявить себя. В 587 г. мы застаём его на балканском фронте (Theoph. Sim. II.17), где он удачно действовал против аваров. Этот успех вполне мог подтолкнуть Маврикия дать своему давнему «боевому товарищу» второй шанс на восточном фронте: Мистакон был перекинут на хорошо знакомый ему армянский магистерий.

Возможно, появление Мистакона совпало с назначением Коментиола в 589 г. военным магистром Востока; в таком случае, произошло очередное полное обновление верхушки командования в восточной части Империи.

Следовательно, остаётся неизвестным, кем управлялся армянский магистерий после назначения Иоанна Мистакона на должность *magister militum per Orientem* в 582 г. и до его же возвращения предположительно в 589 г. Неизвестно даже, существовал ли вообще в это время данный магистерий, была ли здесь сколь-либо значительная группировка римских войск. Не исключено, что Мистакону пришлось собирать свою армию на месте; во время войны ромеев против Бахрама Чубина император Маврикий

¹ Higgins M.J. The Persian war of the Emperor Maurice (582-602). Washington: The Catholic University of America Press, 1939. P. 39. См. также: PLRE. Vol. III. P. 680.

приказал «армянскому военачальнику Иоанну Мустакону, собрав войско, соединиться с Нарзесом, чтобы общими силами воздвигнуть войну против Барама» (Theoph. AM 6081; перевод В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского).

По сообщению Себеоса, в течение 13-летнего мира в греческой части Армении правили Иоанн, Иракл(ий) и Сурен (Sebeos, XX). Мистакон пребывал на посту *magister militum per Armeniam*, возможно, до 595 г. (дата приближительна), когда на смену ему уже пришёл Ираклий, который подавил мятеж армянских князей (Sebeos, VII)¹. Сурен, таким образом, исполнял обязанности магистра вплоть до возобновления войны с персами в Армении (в 604 г.?); больше его имя Себеосом нигде не упоминается. Назначение военным магистром Ираклия, уроженца Армении, прекрасно зарекомендовавшего себя в войнах с персами под командованием Филиппика и Коментиола, кажется вполне оправданным и логичным поступком Маврикия. Как уроженцу Армении, Ираклию было проще вести диалог с местными князьями. Назначение же ему в преемники некоего Сурена, человека с персидским именем, мало что проясняет в логике Маврикия. Если это и был перс, то, возможно, знатный перебежчик.

2.3. Военные магистры Фракии и Иллирика. Презентальные магистры

Военные действия на Балканах приняли фактически перманентный характер, а борьба с аварами и прочими варварами стала настоящей головной болью для императоров. Проблема состояла в том, что, имея Дунай в качестве «официальной» границы, Империи никак не удавалось держать оборону на этом рубеже, и варвары свободно проникали и растекались в своих набегах по полуострову.

В действительности последним рубежом не единожды выступали т. н. Длинные стены Константинополя; кроме того, очагами обороны становились

¹ О дате см.: PLRE. Vol.III. P. 585 и 680-681.

отдельные города. В таких сложных условиях мы фактически ничего не слышим более о военном магистре Иллирика. Последний, кто мог бы быть предположительно военным магистром данного региона, относится ко времени Тиберия Константина (см. предыдущую главу).

Как представляется, военные магистры для Иллирика более не назначались ввиду как краха имперской системы обороны на Дунае и в Иллирии, так и невозможности восстановить иллирийскую группировку из-за недостатка сил, средств.

Широкое проникновение варваров на Балканы привело к тому, что фронт обороны, ранее проходивший по Дунаю, заметно сузился, подойдя к границам фракийского магистерия, если не самой столицы. Вопросы обороны теперь, очевидно, перешли по наследству от исчезнувшего (постепенно или внезапно) военного магистра к префекту Иллирика. Военный магистр Фракии в такой ситуации стал, вероятно, главным военным стратигом ромеев на балканском фронте: так, к примеру, Приск в 598 г. в ранге *magister'a militum per Thracias* совершил поход к городам, принадлежавшим к иллирийской префектуре.

Мы не будем, наверное, далеки от истины, если предположим, что в условиях постоянных войн на Востоке византийскому правительству было проблематично не то чтобы воссоздать армию Иллирика, но хотя бы довести до необходимой численности фракийскую группировку и презентальную армию (наличие двух презентальных армий, видимо, стало в VI в. непозволительной роскошью¹).

¹ Наше мнение опирается на выводы Е. П. Глушанина по фракийскому и иллирийскому магистериям при Юстиниане I (см.: *Е. П. Глушанин*. Указ. соч. С. 204-206) и выводы Дж. Хэлдона: «Наконец, есть некоторое доказательство, что старое деление между двумя *magistri militum praesentales* и их армиями прекратило иметь любое практическое значение, так что стало обычно только одно презентальное войско при верховном главнокомандующем, обычно действующем в Европе» - писал Хэлдон об изменениях в правление Тиберия и Маврикия (*Haldon J. Byzantium in the Seventh Century. The Transformation of a Culture*. Cambridge, 1993. P. 211).

То, что презентальная армия всё-таки существовала или хотя бы должна была существовать, явствует из сообщения о назначении Коментиола презентальным магистром (Theoph. Sim. I 7.4). Презентальные армии представляли в ранние времена своего существования стратегический резерв, ядро походных группировок для крупных экспедиций, а стоявшие во главе их магистры – своеобразный командный резерв. Такие армии были расквартированы в окрестностях столицы.

В реалиях конца VI в., когда варвары всё чаще подходили к Константинополю, презентальная армия из «тыловой» превратилась в «прифронтовую», и именно таким образом можно объяснить назначение Коментиола презентальным магистром¹.

В первые годы правления Маврикия мы также не наблюдаем фигуры, которую было бы можно отнести к *magister'y militum per Thracias*. Маврикий предпочитает дипломатию: он отправляет послов к хану и соглашается на увеличение размера дани. Складывается впечатление, что ромеи в это время ещё не располагали достаточными силами, чтобы противостоять аварам.

В 584 г. Коментиол в должности «начальника армии» (пер. С. П. Кондратьева², *dux* или *comes rei militaris*, по мнению Дж. Мартиндейла³; в другом варианте перевода, принадлежавшем С. А. Иванову, Коментиолу «было вверено ответственное командование»⁴) отогнал «полчища» славян (Theoph. Sim. I.7.3), а в следующем году вновь назначен главнокомандующим – стратигом-автократором и получил должность *magister'a militum praesentalis* (Theoph. Sim. I.7.4).

Подобного рода титулатура ставит под сомнение существование фракийского магистерия в то время и напоминает ситуацию

¹ Данное звание было ещё и само по себе весьма почётным и иногда ничего не давало, кроме этой самой почётности.

² Феофилакт Симокатта. История / Вступ. статья Н. В. Пигулевской; перевод С. П. Кондратьева; примечания К. А. Осиповой. Отв. редактор Н. В. Пигулевская. М., 1957. С. 35.

³ PLRE. T.I. P. 321.

⁴ Свод древнейших письменных известий о славянах. Том II (VII-IX вв.). М., 1995. С.44-45, прим. 7.

пятидесятилетней давности, когда презентальный магистр Ситта оборонял Фракию от болгар¹.

Осенью 586 г.² Коментиол был ещё раз назначен стратигом, функции «игемона» передавались ему на время похода против аваров (Theoph. Sim. I 8.11; перевод С.П. Кондратьева). Первый пост Коментиола нельзя назвать военным магистерием, а два последующих – довольно проблематично, если учесть, что Приска, например, Феофилакт Симокатта четко характеризовал как стратига войск в Европе (Theoph. Sim. VI.4.7) и стратига обеих войск Фракии (Theoph. Sim. VI.5.13). Система стратигий-автократий в своё время широко практиковалась Юстинианом I; в данном случае её применение обусловлено тяжелой обстановкой и необходимостью защиты самой столицы.

Согласно такой должности, Коментиол мог объединить под своим командованием не только презентальные войска, но и вообще все войска, имеющиеся у империи на Балканах (при Юстиниане I здесь имелись войска магистров Иллирика и Фракии, дуксов Мезии и Скифии, а также, возможно, *quaestor's exercitus*)³. Только к 587 г. во Фракии удалось нарастить крупную по тем временам группировку в 10 000 воинов, однако, Коментиол отобрал из этого числа только 6 000 человек: остальные были небоеспособны «из-за трусости и душевной негодности» (Theoph. Sim. II.10.9; перевод С.П. Кондратьева).

Также в той кампании Феофилактом Симокаттой упоминалось пешее войско, расположенное во Фракии, под командованием таксиарха Ансимута (Theoph. Sim. II 12.7). Несмотря на неудачи операций Коментиола, для защиты столицы Маврикий в том же 587 г. готовился выставить против варваров «большие силы» (Theoph. Sim. II 17.8; перевод С.П. Кондратьева).

¹ См.: Глушанин Е.П. Указ. соч. С.193-194.

² PLRE. T.I. P. 322.

³ Есть предположение, что Коментиол был назначен военным магистром Иллирика: *Bury J. B. A history of the later Roman Empire from Arcadius to Irene (395-800)*. London: Macmillan, 1889. T.2. P.120.

Речь может идти фактически о новой армии, стратигом которой был поставлен Иоанн Мистакон. Возможно, часть этих сил была переброшена с восточной границы.

Мир с Персией позволил Маврикию перекинуть войска с восточной границы на Балканы: «самодержец Маврикий перевел войско с востока во Фракию» (Theoph. AM 6082; перевод В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского). Вероятно, только сейчас была восстановлена походная группировка фракийского магистерия. Военным магистром (?) или стратигом-автократором (?) (Theoph. AM 6084) был назначен никто иной как Приск (593/596 г.), который столь недолго командовал восточными войсками. Этот факт ещё раз свидетельствует об ограниченности выбора способных к высшему командованию полководцев, который был у Маврикия: назначения на двух главных фронтах позволяют говорить о своеобразном «тасовании одной и той же колоды» командующих.

Несмотря на в целом удачную кампанию Приска в 593/596 г., Маврикий уже в следующем году назначил военным магистром своего брата Петра. Причиной или поводом отстранения Приска стало то, что он поделился добычей с каганом (отдал 5 000 пленных варваров) в обмен на разрешение пройти через его землю. Возможно, в глазах бережливого и даже скупого, как его рисуют источники, императора это было серьёзной провинностью.

Кроме того, укажем на тот факт, что ситуация на Балканах более-менее стабилизировалась, Империя пребывала в мире с аварами, а исходившая от славян опасность не представлялась смертельной. И главное: Маврикий намеревался провести в жизнь новый указ, согласно которому уплата

жалования выдавалась в виде денег, оружия и одежды¹. Император вновь задумал сэкономить на армии и вновь, как и в случае с Филиппиком, счёл за благо поставить своего родственника как надежного человека, могущего подчинить воинов приказу императора.

Таким образом, причина отставки Приска могла стать аналогичной той, по которой в 588 г. был смещён Филиппик: наученный горьким опытом, хорошо зная настроения войск, Приск, вероятно, выступил против очередной затеи императора изменить существующую систему снабжения и оплаты армии. Как известно, из этой предприятия ничего не вышло, Петр даже не осмелился зачитать воинам упомянутый указ.

Верный своему подходу в отношении кадровой политики (поражение – отставка), Маврикий сместил Петра после его неудачной кампании. Петр не справился с главной своей задачей, а также не убедил своего брата в наличии особых полководческих способностей. Вместо него военным магистром был назначен Приск. Считается, что он продержался на этой должности четыре

¹ Толкование смысла данного указа опять же получило противоречивые оценки в историографии, поскольку неизвестно, в каком виде воины получали аннону в этом регионе ранее. А. Х. М. Джонс говорил о реадэрации: «Эта попытка восстановить отпуски натурой вызвала сильное негодование в армии, что предполагает, что солдаты не тратили свои пособия полностью на снаряжение себя. Её поводом была, очевидно, главным образом, экономия, но, без сомнения, также и эффективность: до настоящего времени казна платила из резервов больше, чем было абсолютно необходимо для снаряжения, и солдаты были плохо вооружены и одеты» (*Jones A. H. M. The Later Roman Empire 284—602. A Social, Economic and Administrative Survey. Vol. 3. Oxford, 1964. P. 671*). У. Тридголд также усматривал в этом указе реадэрацию: «Маврикий приказал заменить денежные пособия для оружия и обмундирования отпусками натурой» (*Treadgold W. Op. cit. P. 19*).

года (конец 594-?598 гг.)¹, в то время как из текста Феофилакта Симокатты как будто вытекает всего один год².

К осени-зиме 598 г. относится командование Филиппика, который был послан против булгар (Mich. Syr. X.24); предполагается, что он командовал в период, когда шло разбирательство в виновности Коментиола³.

В кампании 599 г. мы встречаем уже двух командующих на балканском фронте: Приска и Коментиола, и, соответственно, две армии. Была ли одна из них презентальной, сказать сложно.

Дж. Мартиндейл предположил, что Приск мог быть вакантным магистром, а Коментиол, соответственно, новым магистром Фракии⁴. Исходя из некоторых сообщений Феофилакта Симокатты (Theoph. Sim. VII.3.8; VIII.1.11), Приск мог командовать конными войсками, а Коментиол возглавлял только тяжеловооруженное войско.

Действия магистров были в целом успешными, но в 601 г. Маврикий вновь поставил своего брата Петра «стратигом войск в Европе» (Theoph. Sim. VIII.4.9; перевод С. П. Кондратьева). Как кажется, Маврикий удалил к этому времени двух предыдущих военных магистров, Приска и Коментиола, с балканского театра военных действий: Коментиол был отозван в столицу в 601 г. (Theoph. Sim. VIII.4.8), а о Приске упоминаний нет; известно, что в 602 г. Маврикий послал его в Армению, куда он направлялся (и прибыл?) в момент узурпации Фоки.

¹ PLRE. T.III. P. 1054.

² Согласно реконструкции, предложенной Г. Лабуда, начало войн с аварами (поход Маврикия) относится к 595 г., поход Приска против румынских славян (так называет их Лабуда) – к 596 г., в конце 596-го или в начале 597 г. вместо Приска назначен Петр, осенью 597-го или в начале зимы 598 г. следует отставка Петра. Г. Лабуда указывал на наличие хронологической лакуны в описании Симокаттой войны с аварами при отнесении начала этой войны к 591 г., в то время как в самом повествовании такого пропуска (между 594 и 597 гг.) не наблюдается. Отбросив начальную дату войны – 591 г., автор привязал события к дате конечной – 602 г. В силу этого само начало войны сдвинулось на 595 г. См.: *Labuda G. Chronologie des guerres de Byzance contre les Avars et les Slaves à la fin du VIe siècle // Byzantinoslavica. T.11. 1950. P. 167-173.*

³ PLRE. Vol. III. P. 1025.

⁴ Ibid. P. 324, 1055.

Складывается впечатление, что Маврикий намеренно расчистил сцену для деятельности своего брата. Не исключено, что назначение Петра было сделано ввиду намерения императора в очередной раз сэкономить на армии: как известно, Маврикий приказал Петру зимовать вместе с войском на левом, «варварском», берегу Дуная, что привело к роковым последствиям для обоих братьев¹.

2.4. Первые экзархи

Оставив за скобками установление личности первого по времени экзарха Италии, которым мог быть Нарзес, Бадуарий или Деций², перейдём к фигуре первого известного по имени экзарха – Смарагда. Из эпиграфических источников известно, что до своего провозглашения он был препозитом священного дворца и, гипотетически, *praepositus*’ом *sacri cubiculi*³. «Следовательно, он был лично хорошо известен императору и, вероятно, проявил себя как энергичный и дельный администратор ещё в Константинополе»⁴. Разумеется, главной политической проблемой экзарха стали лангобарды, и, к сожалению, неизвестно, какие инструкции дал Маврикий Смарагду на этот счёт. Смарагд отметил, что в 585 г. заключил трёхлетнее перемирие с лангобардами.

¹ У. Кэги на основании одного юстиниановского эдикта, предписывающего в качестве наказания за уклонение от уплаты налогов перемещение войсковой части в места более отдаленные, чем Дунай, считал, что солдаты трактовали приказ Маврикия больше как наказание, чем как простую экономию: «Маврикий смешал командировку, которая официально была признана наказанием, со своим желанием облегчить хозяйственным проблемы обеспечения такой многочисленной армии. Отказ провести ясное различие между наказанием и хозяйственными проблемами, без сомнения, не позволил его солдатам ясно понять его намерения» (*Kaegi W. E. Byzantine Military Unrest 471-843. An Interpretation. P. 112*).

² Подробнее см.: *Бородин О. Р. Равеннский экзархат. Византийцы в Италии. С. 119-128.*

³ PLRE. Vol.III. P. 1165. Здесь же даны и ссылки на соответствующие источники.

⁴ *Бородин О. Р. Указ. соч. С. 129.*

Через четыре года он, как писал Павел Диакон, вернулся в Константинополь, оставив патрикия Романа своим преемником (Paul Diac. Hist. Lang. III.26).

Кажется невероятным, чтобы экзархи могли по собственной инициативе оставлять свой пост и назначать преемника. Впрочем, принимая во внимание поведение отдельных экзархов в недалеком будущем, всё могло действительно выглядеть так, как описал Павел Диакон, и своеволие Смарагда в таком случае стало первым тревожным звонком для императорской власти.

Новый экзарх, Роман, подобно своему африканскому коллеге Геннадию, оставался в должности довольно долго, а, следовательно, устраивал императора. И только смерть Романа в 597 г. поставила Маврикия перед необходимостью искать новую подходящую кандидатуру. Таким человеком стал некто Каллиник, о ранней его карьере, как и его предшественника, данных нет. Каллиник заключил с лангобардами мир в 598 г. и сам же его нарушил в 601 г. похищением дочери короля Агилульфа. В итоге он был отозван Фокой (?) и вновь заменен на Смарагда (см. следующую главу).

Первый известный нам экзарх Африки – Геннадий. Его назначение военным магистром Африки относится ко времени правления Тиберия, который, не имея возможности послать в Африку войска, захотел поставить во главе провинции опытных, компетентных управленцев¹.

Выбор военного магистра оказался удачным: Геннадий прослужил (вероятно, непрерывно) в разных должностях в Африке более двадцати лет (578-598 гг.), одержал победы над маврами в 578 г. (Iohann. Biclar., a. 578: «военный магистр») и ок. 595/596 г. (Theoph. Sim. VII.6.6-7: «стратиг Ливии»), при этом в письмах папы Григория и в ряде надписей он упоминается и как патрикий². Жан Дюрлиа на основе эпиграфических и

¹ Diehl Ch. L'Afrique byzantine... P. 462.

² Подробнее см.: PLRE. Vol.III. P. 509-510. В надписях Геннадий также упоминается как почетный консул.

правовых источников считал, что создание *magisterium'a militum Africae* произошло не после 572 или даже 574 г. и до 578 г., а между 585 и 591 гг. Геннадий стал экзархом, после чего его титул *magister militum Africae* отошёл к дуксу проконсульской Африки¹.

О том, когда точно и в силу каких причин закончилась служба Геннадия, источники не дают сведений, но более чем двадцатилетний (с возможными перерывами) срок африканской карьеры Геннадия наводит на мысль, что на исходе VI в. он, вероятно, был уже в очень солидном возрасте.

Нам неизвестен непосредственный сменщик Геннадия; следующий известный нам человек, который мог быть экзархом, Ираклий, согласно одному свидетельству, был назначен ещё Маврикием (*Nic. Brev.* 1). Примечательно, что дошедшие до нас источники называют Ираклия не экзархом, а стратигом (напр., *Theoph. AM* 6100, 6101; *Cedr.* I.711; *Zon.* XIV.14) или правителем Африки (*Nic. Brev.* 1; перевод Е. Э. Липшиц: «стратигия» братьев Ираклия и Григория; *Paul. Diac. Hist. Lang.* IV.36), или просто патрикием, бывшим в Африке, вместе с патрикием Григорием, восставшим против Фоки (напр., *Chron.* 1234, LXXX; *Mich. Syr.* X.25)².

Выбор Маврикия пал на опытного военного, который в войне против персов в 580-590-е гг. был ипостратигом военного магистра Востока, командовал войском в его отсутствие и мог быть какое-то время военным магистром Армении (см. выше). Но дело, конечно же, состояло не только в одном опыте. Человек, который направлялся в столь отдаленный и стратегически важный регион, получал в свои руки колоссальную власть, и контроль за его деятельностью со стороны двора, в сравнении с военными магистрами Востока и на Балканах, был ничтожен. Следовательно, Маврикий был достаточно уверен в благонадежности Ираклия. Довольно символично,

¹ *Durliat J.* Les dédicaces d'ouvrages de défense dans l'Afrique byzantine. Rome: Ecole française de Rome, 1981. P. 70-71.

² Полный перечень источников с характеристикой Ираклия см.: *PLRE. Vol.III.* P. 584-586.

что Фока был свергнут сыном единственного оставшегося в должности маврикиева «генерала».

2.5. Проблема личных свит. Букелларии

Вопрос о сущности института букеллариев, о личных свитах позднеантичных полководцев, их распространенности и размерах сравнительно подробно исследовался в историографии¹. В зарубежных трудах получило распространение представление о букеллариях как о слугах частных лиц; феномен египетских букеллариев, упоминаемых в папирусах, добавил пищи для размышлений, но не все исследователи решаются отнести их к государственным слугам². Е. П. Глушаниным был сделан ряд важных наблюдений: дорифоры и гипасписты у Прокопия и Агафия не отождествляются с ойкией, т.е. личной прислугой полководцев. Основываясь на данных Иоанна Лида и подробнее останавливаясь на том смысле, который вкладывал Прокопий в конкретные термины в конкретном случае, Е. П. Глушанин пришёл к выводу, что дорифоры и гипасписты не являлись частной свитой военной верхушки: дорифоры первой половины VI в. – это лучшие воины, откомандированные из различных армейских подразделений; гипасписты, более низкие рангом по отношению к дорифорам, – это откомандированные в экспедиционные силы федераты и наемники-одиночки³. Ойики же, т.е. собственно личные свиты, не были многочисленны; и хотя у армейских магистратов могла появиться

¹ *Schmitt O.* Die Buccellarii. Eine Studie zum militärischen Gefolgschaftswesen in der Spätantike // *Tyche*. Band 9. 1994. S. 147—174; *Gasçou J.* L'institution des bucellaires // *Bulletin de l'Institut Français d'Achéologie Orientale*. Vol. 76. 1976. P. 143-156; *Maspero J.* L'organisation militaire de l'Egypte byzantine. Paris, 1912; *Jones A. H. M.* The Later Roman Empire 284—602. Vol. 3. Oxford, 1964. P. 666-667; *RE. Hbd.5.* 1970. Sp. 934-939; *Lécrivain Ch.* Les Soldats privés au Bas-Empire / *Études sur le Bas-Empire* // *Mélanges d'archéologie et d'histoire*. T. 10. 1890. P. 279-283.

² *Alston R.* Managing the frontiers. Supplying the frontier troops in the sixth and seventh centuries // *The Roman Army and the Economy*. Amsterdam, 2002. P. 412-414.

³ *Глушанин Е. П.* Указ. соч. С. 214-218.

возможность создать крупные вооруженные свиты за счёт ограбления Африки и Италии, она была пресечена на корню Юстинианом I¹. Следует отметить, что и в следующий, средневизантийский период, до правления Палеологов, частных армий также не существовало².

Нам важно выявить те изменения, которые произошли в рассматриваемый нами период. Информация, предоставляемая нам источниками, не столь обильна в сравнении с предыдущим периодом; помимо папирусов и исторических произведений важную роль играет текст «Стратегикона», особенно если относить его составление ко времени императора Маврикия.

В «Стратегиконе» букелларии выступают как элитные войска: во время марша они идут вслед за стратигом и спафариями (Strat. I.9). Э. Штайн на основе данных этого военного трактата отмечал сокращение численности букеллариев по сравнению с юстиниановской порой, при сохранении ими характера привилегированных войск как у относящихся к генералитету офицеров, так и в обычной армии из трех мер³.

Ещё смелее высказался Дж. Дэннис: связывая с именем Маврикия военную реформу, он полагал, что «Стратегикон» как раз описывал уже реформированную армию. «Маврикий приложил все усилия, чтобы положить конец системе получастных войск, которые преобладали в течение столетия или даже больше. Вышестоящие должностные лица должны были быть назначаемы императорским правительством. Солдаты должны были служить под начальством представителей императора вместо более или менее независимых военачальников»⁴.

¹ Там же. С. 218-221.

² *Cheyne J.-Cl.* L'aristocratie byzantine (VIIIe - XIIIe siècle) // *Journal des savants*. 2000. N°2. P. 310, 314.

³ *Stein E.* Studien zur Geschichte des byzantinischen Reiches vornehmlich unter den Kaisern Justinus II und Tiberius Constantinus. S. 123.

⁴ *Maurice's Strategikon: handbook of Byzantine military strategy / translated by George T. Dennis.* Philadelphia, 1984. P. XII.

Как кажется, Дж. Дэннис преувеличивал роль «домашних» войск крупных полководцев. Система получастных войск в VI в. не являлась преобладающей, что было наглядно продемонстрировано в упомянутой выше работе Е. П. Глушанина. Идея отечественного историка рассматривать дорифоров и гипаспистов как отборные войска для пополнения экспедиционных сил прекрасно объясняет и тот привилегированный статус, который они обрели в «Стратегиконе».

Исследовательница Ф.Е. Шлоссер относит начало упадка института личных войск к падению Юстина и Юстиниана при Юстине II¹. Примечательно, что описывающий отнятие данным императором войск у Юстина Евагрий разделяет гипаспистов, дорифоров и соматофилаков, т.е. щитоносцев, копьеносцев и телохранителей (Evagr. H.E. V.2). Источник таким образом подчеркивает характер опалы Юстина: у него не только забрали букеллариев, но и лишили ойкии, т.е. оставили даже без личной стражи.

Полководцы Маврикия, полагает Ф. Е. Шлоссер, не имели подобных войск, которых им недоставало во время волнений войск: так было с Приском в 588 г. и с братом Маврикия Петром; они просто не имели войск, которые могли использовать для своей личной защиты. В качестве аргумента приводится то обстоятельство, что Приску пришлось спастись на лошади императорских телохранителей². Впрочем, едва ли даже крупный отряд букеллариев спас бы Приска от гнева одной из сильнейших по численности армий Империи. Ф. Е. Шлоссер относит букеллариев к регулярным войскам, рассматривая их как неотъемлемую часть армии конца VI в., что означало усиление роли государства. Маврикий в такой ситуации обязан был удовлетворить потребности воинов так же, как это делали ранее их

¹ Shlosser F.E. The Reign of the Emperor Maurikios (582—602): A Reassessment. P. 93.

² Ibid. P. 93-94, 96.

отдельные полководцы в отношении букеллариев. И с этой задачей он не справился¹.

Неприятный для Петра инцидент с городом Асимом (Theoph. Sim. VII.3) Ф. Е. Шлоссер трактует как возможную попытку брата Маврикия обзавестись собственной охраной², хотя Феофилакт Симокатта говорил лишь о желании Петра присоединить гарнизон этого города к своим войскам.

У Феофилакта Симокатты есть несколько мест, где упоминаются гипасписты стратигов: они участвуют в собрании по случаю прибытия персидского посла и перечислены после тагматархов и лохагов (I.15.2); щитоносец Коментиола Нарзес, назначенный вместо своего хозяина военным магистром Востока (V.2.8); Феодор Иливин, дорифор Филиппика (II.4.3); есть также упоминание об гипасписте лохага Каста (II.10.11).

Телохранителей Маврикия Феофилакт Симокатта называет иногда собственно «соматофилаками», иногда «гипаспистами».

Императорские телохранители при стратигах упомянуты в случае с бегством Приска (III.1.12), неудачей Петра под Асимом (VII.3.8), подготовкой Петра к походу против славян (VIII.5.10). В двух последних случаях речь идёт о скрибонах, которые выполняют различные функции: деликатное поручение притащить епископа или помощь в подготовке к переправе через Дунай. Гипасписты упомянуты у Германа, тестя сына Маврикия (VIII.8.11). Один из бывших гипаспистов Тиберия упомянут как тагматарх в восточном войске (I.14.5).

Итак, находит ли версия о предполагаемой реформе Маврикия по ликвидации получастных войск отражение в источниках? Если говорить о самой реформе, то она возникает лишь как предположение, объясняющее изменение статуса букеллариев в период от Юстиниана до времени создания «Стратегикона». При этом авторство трактата и время его составления остаются дискуссионными; следовательно, доподлинно неизвестно,

¹ Ibid. P. 96.

² Ibid. P. 95.

предпринимал ли Маврикий какие-либо шаги в отношении букеллариев крупных полководцев.

Считать упоминаемых при стратигах императорских телохранителей своеобразной заменой букеллариям значило бы идти слишком простым путём.

Не стоит полагать равным образом, что институт «домашних войск» полностью исчез после предполагаемой реформы Маврикия. Приск, фактически возвысившийся при Фоке до второго лица в государстве, имел при себе букеллариев на момент свержения своего тестя в 610 г. (Ioann. Ant. Fr. 218f). Воинов, к которым обратится Ираклий после расправы над Приском в Константинополе, Никифор назвал стратиотами (Nic. Brev. 2); с большой долей вероятности здесь речь идёт об ойкии Приска и букеллариях. Пример Приска говорит о том, что институт частных вооруженных свит полностью себя не изжил, хотя неизвестно, имели ли при себе букеллариев другие крупные военачальники Фоки. Ю. А. Кулаковский считал, что Нарзес, бывший военный магистр Востока, выступил против Фоки именно со своей дружиной¹.

Правда, статус Нарзеса на тот момент нуждается в уточнении: занимал ли он какую-либо официальную должность и, соответственно, располагал вверенным ему контингентом или выступил как частное лицо, обладающее солидной дружиной. Но факт остаётся фактом: институт «домашних войск» прослеживается вплоть до начала правления Ираклия. Никифор пишет, что после расправы над Приском Ираклий обратился к букеллариям Приска, объявив им об их новом статусе – «собственные слуги государства» (перевод Е. Э. Липшиц). Ираклий «определил им обычное содержание, назвал их первыми (πρώτους τε καλεῖσθαι) и призвал войсковые тагмы» (Nic. Brev. 2; перевод Е. Э. Липшиц). Известные нам случаи лишения императором полководцев их букеллариев не фиксируют какого-либо сопротивления со

¹ Кулаковский Ю. А. Указ. соч. Т. 3. С. 5.

стороны последних: так поступал Юстиниан I в отношении Велизария (Hist. Arc. IV.13) и Юстин II в отношении Юстина¹.

Постараемся сделать некоторые выводы из сказанного в данной главе.

Если говорить об императорской кадровой политике в отношении военной верхушки, уместно процитировать исследовательницу Ф. Е. Шлоссер: «Кажется, что Император был не в состоянии принять один совет, который предлагается обоими из военных трактатов, обсужденных выше, а именно, продвижение генералов к их постам на основе способности, а не обстоятельства рождения.

Со временем, это игнорирование должно было стоить Империи и ее правителю очень дорого. Правление Маврикия печально известно своими скверно подобранными управленцами и их часто крайне неудачным отношением со своими войсками. Выдающимися примерами такого отказа выбрать подходящего для задания человека является брат императора, Петр, и наиболее заметно, фаворит Маврикия, Коментиол.

Наоборот, очень успешные командующие, такие как Нарзес, Ираклий, Роман и Приск, кажется, или вызывали недоверие, или получили должности достаточно далеко от центрального управления, чтобы не иметь никакого непосредственного воздействия при дворе. Ираклий, отец будущего Императора того же самого имени, и Роман являются хорошими примерами последней категории, так как оба были в конечном счете направлены в далекие экзархаты»².

Анализ кадровых назначений Маврикия на высшие военные посты свидетельствует об ограниченности круга военных, способных и пригодных, по мнению императора, к выполнению подобной службы («тасование одной

¹ Из Прокопия нам известно, что букелларии при найме на службу приносили клятву не только своему вождю, но и императору (Procop., Bell. Vand. II.18.6).

² Shlosser F. E. Op. cit. P. 90.

колоды»). Частые смены магистров, тем не менее, соответствовали духу магистратур, какими они были в античности.

Институт военных магистров при Маврикии постепенно приходил в упадок. Это выражалось как в продолжении практики экстраординарных командований (стратиг-автократор) и отмирании прежних магистериев (*magistri militum per Illyricum*), так и в учреждении экзархатов. Появление экзархов с их сравнительно долгим пребыванием на посту, соединением военной и гражданской власти означало ещё один удар по т.н. конституции Диоклетиана-Константина. В Империи, таким образом, в одних районах продолжала сохраняться модель с четким разделением военной и гражданской власти, в других обе власти сосредотачивались в руках одного человека. Сама магистратская модель испытывала всё большую конкуренцию со стороны фамильно-династийной; однако, назначения Маврикием своих родственников проходили ещё пока в рамках института военных магистров (магистратуры Филиппика, Петра).

Соответственно, военная знать магистратского типа в Империи теряла и без того не особо сильные позиции, продолжала утрачивать свою роль и влияние в политике, в вопросах стратегии и обороны. У нас крайне мало данных о позиции высших военных по тому или иному важному вопросу. Случай с Филиппиком, который отказался проводить в жизнь указ о сокращении анноны и был тут же за это снят с поста стратига Востока, демонстрирует нам, что Маврикий был самостоятелен в проведении своей военной политики и не считался с мнением своих полководцев. У нас нет также каких-либо данных об активном участии военной знати в вопросе о престолонаследии, о её позиции в отношении провозглашения Маврикия сначала кесарем, а затем и императором. Отсутствие таких данных, как представляется, говорит не столько о сравнительной скудости и неполноте

наших источников, сколько об известной силе центральной власти и вполне стабильной системе престолонаследия¹.

Если говорить о потенциальных средствах и «рычагах» влияния знати, то у нас нет данных о наличии больших личных отрядов у полководцев. У каждого стратига имелось, по всей видимости, какое-то количество телохранителей, но этого было недостаточно, чтобы заставить считаться с собой. Также неизвестно о материальном благополучии, наличии земельных владений магистров и т.д.

Таким образом, мы убедились в справедливости вывода Е. П. Глушанина о том, что «после правления Юстиниана I началась длительная переходная эпоха к фемному строю..., в течение которой долгое время сосуществовали разные типы высших командных институтов, всё чаще замещаемых императорами на основе фамильной политики»².

¹ «Высшее офицерство во второй половине VI в. фактически... утрачивает свою функцию конституционной силы при выборе кандидата на императорскую власть» (*Глушанин Е. П. Военная знать ранней Византии. С. 238*).

² *Глушанин Е. П. Указ. соч. С. 236.*

Глава 3. Военная знать при императорах Фоке и Ираклии. Исчезновение института военных магистров в первой половине VII в.

Речь в данной главе пойдет не только и не столько о конкретных магистрах, сколько о проблемах исчезновения знати старого типа – магистратского – и генезиса новой, фемной. Соответственно, большое внимание будет уделено проблемам гибели старого института военных магистериев и образования фем.

3.1. Военная знать в период правления Фоки

Предметом нашего рассмотрения остаётся военная знать, но этот раздел мы позволим себе начать с фигуры самого императора.

В случае прихода к власти Фоки не может не вызывать закономерного удивления то обстоятельство, что во главе государства оказался простой гекатонтарх (сотник)¹. Человек в таком звании (а число гекатонтархов для армии в 3 меры могло достигать 90²) должен был явно чем-то выделяться, чтобы принять участие в посольстве в Константинополь и, наконец, чтобы мятежное войско выбрало именно его в качестве предводителя. Здесь также надо учитывать тот факт, что сведения о нём до нас дошли в основном от враждебной ему историографии.

Ещё Дж. Мартиндейл заметил, что ряд историков описывают его как простого стратиота, чтобы подчеркнуть его низкое происхождение, но сообщение Павла Диакона (Hist. lang. IV.26) о том, что он был конюшим Приска, может считаться надежным, если имеет своим источником

¹ Впрочем, в некоторых источниках он назван патрикием, а также дуксом – см.: PLRE. Vol.III. P. 1030-1032.

² *Осарес Ф.* Византийская армия в конце VI века (по «Стратегикону» императора Маврикия). СПб., 2007. С. 54.

современника узурпатора Секунда Тридентского¹. Возможно, Фока не был патрикием и дуксом, но он мог занимать более высокое положение. Небезынтересно в таком случае свидетельство Иоанна Никиусского о том, что Фока был одним из четырех (sic!) командующих провинции Фракия (Ioann. Nik. СП.11; ср. СП.9). Патрикием Фока назван у арабского историка X в. Агапия Манбиджского (Agapius, p. 448), дуксом – у патриарха Евтихия из того же века (Annales, col. 1082), дуксом и патрикием – у Фредегара (IV.23), хрониста VII в. Противоречия в источниках отразились в сочинении Никифора Каллиста (XIV в.), когда он назвал Фоку стратилатом во время посольства к Маврикию (HE XVIII.38), а в 602 г. – гекатонтархом (HE XVIII.39).

Считается, что в последнем случае Никифор следовал Феофилакту Симокатте², но в случае с посольством использовался другой источник, ибо Феофилакт, говоря об этом событии, не упоминал о Фоке (Theoph. Sim. VIII.1.9-10). Молчат о звании Фоки и сравнительно подробно рассказывающий о посольстве Феофан (Theoph. AM 6092) и лаконичный фрагмент труда Иоанна Антиохийского³ (Ioann. Ant. fr. 218b).

Указания Иоанна Никиусского (Фока – один из четырех командующих) и Никифора (Фока – стратилат) довольно хорошо увязываются со данными Стратегикона Маврикия, в котором один из трёх командующих мерами назван мерархом, или стратилатом (Strat. I.4).

Дунайское войско могло состоять из четырех таких мер, возглавляемых стратилатами. Это также может объяснить применение титула «дукс» – данный термин соответствовал командирам, находящимся ниже военных магистров согласно сложившейся иерархии *magister militum* – *duces* – *comes*

¹ PLRE. Vol. III. P. 1030.

² PLRE. Vol. III. P. 1031.

³ Иоанн Антиохийский в рассказе о видении Маврикия и его разговоре со своим зятем Филиппиком сообщал о том, что Фока был стратиотом (Ioann Ant. Fr. 218d), этот эпизод воспроизведен и у Феофана (Theoph. AM 6094), Зонары (Zon. XIV.13), Кедрина (Cedr. I.704).

*rei militaris*¹. Версия о высокой командной должности Фоки намного лучше объясняет его присутствие в составе делегации к Маврикию (около 598 г.) и, собственно, его провозглашение в 602 г.²

В возвышении Фоки двумя главными силами являлись взбунтовавшееся войско и население столицы, в частности, димы. Их роль отчетливо запечатлена в источниках: тесть сына Маврикия, патрикий Герман, домогавшийся престола, искал помощи у прасинов, но те сделали выбор в пользу Фоки. Собственно «избрание» Фоки на императорский трон состоялось во время собрания, на которое узурпатор пригласил патриарха, народные партии и сенат. Именно здесь Фока, якобы чисто *pro forma*, предложил в качестве императора Германа, но тот, несмотря на недавние амбиции, отказался (Theoph. AM 6094; Theoph. Sim. VIII.10.2). Как видим, военная знать в процессе прихода к власти нового императора вновь выступила лишь в качестве зрителя. Это, однако, не означало отсутствия у неё своего мнения насчёт узурпации Фоки и её невмешательства в действо. Византийская армия возглавлялась маврикиевыми назначенцами, среди представителей военной знати были родной брат (Петр) и зять свергнутого

¹ Остаётся вопрос: почему Феофилакт Симокатта, современник описываемых событий, называл Фоку гекатонтархом? Нельзя забывать, что отношение к Фоке у Феофилакты Симокатты резко негативное, это пристрастный источник, который хотел, очевидно, подчеркнуть низкое происхождение узурпатора и несоответствие его способностей достигнутым высотам. Фока вполне мог быть когда-то гекатонтархом, но к концу VI в. уже выслужиться до мерарха. В такой карьере нет ничего невозможного, к тому же к моменту своего возвышения Фоке было 55 лет (Ioann. Ant. 218d) – следовательно, у него было около 30 лет, чтобы пройти путь от гекатонтарха (или даже стратиота) к мерарху.

² В таком случае рассказ Иоанна Никиусского о том, что четыре восставших командира бросили жребий, определяя, кому быть императором, следует рассматривать не совсем как выдумку, а как факт согласия остальных мерархов подчиниться Фоке, которого поддерживало мятежное войско.

императора (Филиппик), который являлся в моменту прихода к власти Фоки комитом экскувитов¹.

Новый император, таким образом, не замедлил обновить высшее военное командование. Далеко не случайно поэтому источники в качестве первой жертвой Фоки после расправы с Маврикием и его сыновьями называют брата Петра, начальствовавшего как раз над балканским войском (Theoph. Sim. VIII.13.1; Theoph. AM 6095). Следующей жертвой у Феофилакта Симокатты (Theoph. Sim. VIII.13.2) назван Коментиол; Феофан (Theoph. AM 6100) упомянул об убийстве Коментиола под 608 г.

Последним известным постом этого полководца был пост стратига Европы, а в 602 г. Маврикий поручил ему, патрикию и стратилату, возглавить оборону стен города от восставшего войска (Chron. Pash. 602; Theoph. Sim. VIII.8.7)².

¹ Согласно Феофану (Theoph. AM 6086), Маврикий сделал своего зятя, *стратига* Востока Филиппика, комитом экскувитов, и это сообщение относится ко времени второго похода Приска на Дунай (согласно разным датировкам, в 594 или 596 гг.), т.е. Филиппик уже несколько лет не командовал данным магистерием. Возможно, Филиппик стал комитом экскувитов сразу же после своего отзыва с Востока в 589 г., т.е. Маврикий просто вернул его на прежнюю должность, а у Феофана произошло смешение событий: в 588 г. именно Приск сменил как военный магистр Востока Филиппика, но затем последний ненадолго вернулся к командованию. Таким образом, летописец мог по ошибке или невниманию поместить фрагмент своего источника, говорящего о Приске и Филиппике, под более поздним годом. Комитом экскувитов называет Филиппика под 603 г. и Пасхальная хроника (Chron. Pasch. 603). Однако по версии Себеоса (Sebeos, XXIV), пострижение Филиппика относилось ещё к правлению Маврикия и носило как будто добровольный характер.

² Ср. Феофан (Theoph. AM 6102; перевод В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского): «Фока послал брата своего Доменциола, магистра, охранять великие стены». История знает немало совпадений, но наши источники могли попросту запутаться, ибо у Фоки были братья Доменциол и Коментиол, племянник – Доменциол (даже мать и дочь – Доменции). Оба назначения происходили в абсолютно похожих ситуациях: мятежный полководец наступал на город, для чего и требовалось оборонять стены. Если у Феофилакта Симокатты о Коментиоле больше ничего не сказано, кроме его казни, то Феофан рассказывает об оставлении Доменциолом стен и возвращении в столицу. Из других источников известно, что Доменциол был также казнен (Ioann. Ant. 218f., Nic. Brev. 5) – причем он оказался как раз единственным(?) из известных родственников Фоки, кто был убит по приказу Ираклия. История о том, что некий магистр был послан для охраны стен, а затем казнен победившим узурпатором, могла быть перепутана уже Феофилактом Симокаттой, современником событий, если учесть, что он писал свой труд в 628-638 гг.: прошедшего времени было достаточно, чтобы смешать в памяти сходные по своему развитию события 602 и 610 гг.

Таким образом, Коментиол поплатился за своё участие в борьбе с узурпатором. В историографии делается упор на то, что Коментиол был казнен за своё странное поведение в 598/600 г., когда к Маврикию даже была направлена делегация от войска, в составе которой и был Фока¹ (см. предыдущую главу).

Реакция других представителей военной знати оказалась разной.

Часть из них признала Фоку и выразила готовность служить ему. К таковым относился Приск, которого к моменту восстания дунайской армии не было в столице – он по поручению Маврикия был направлен в Армению для сбора 30 000 пехотинцев с целью поселения их во Фракии (Sebeos, XX). Однако, весть о волнении заставила его поспешить в столицу. Фока не только не подверг никаким репрессиям бывшего маврикиева «генерала», но и доверил ему ответственный пост комита экскувитов, что в традиции VI в. могло трактоваться как провозглашение вероятного преемника.

Впоследствии Приск даже женился на дочери Фоки². Это говорит о большом доверии Фоки к Приску, и в качестве причин такого расположения следует вспомнить свидетельство Павла Диакона (Hist. lang. IV.26) о том, что Фока был конюшим у Приска.

Как мы предположили выше, Фока занимал более высокий, чем простой гекатонтарх, пост, а возвышением своим он мог быть обязан как раз Приску, под начальством которого он служил³.

¹ Kaegi W. E. Byzantine Military Unrest 471-843. An Interpretation. Amsterdam, 1981. P. 123.

² Кулаковский Ю. А. Указ. соч. Т. 3. С. 15: «Так у Фоки не было сына, то женитьба Приска на Доменции приближала его к трону и была понята в столице как избрание императором преемника». При этом Приск был если не старше, то, по крайней мере, не намного младше Фоки (547 г. р.). Если он уже в 588 г. был командующим крупнейшего магистерия, то вряд ли родился раньше 560 г. В 607 г. потенциальному преемнику Фоки должно было быть как минимум 50 лет.

³ Отметим созвучность слов «στρατιώτης», которым характеризуют Фоку византийские источники, и «strator» Павла Диакона. В принципе, возможно искажение при заимствовании латиноязычным историком информации на греческом языке, особенно если речь шла об устной традиции. Но это маловероятно. Так, ни один из дошедших до нас грекоязычных источников не упоминает о службе Фоки под началом Приска.

Во всяком случае, нельзя отрицать как расположения Фоки к своему бывшему патрону, так и возможности того, что они поддерживали связь между собой, и Приск поспешил в столицу, уже рассчитывая на высокую должность. Отметим при этом, что вручив Приску пост комита экскувитов, Фока не привлекал его, обладавшего немалым опытом и способностями, к командованию ни против внешних, ни против внутренних врагов.

Зять казненного императора, комит экскувитов Филиппик, согласно Михаилу Сирийскому (Mich. Syr. X.25) и Хронике 1234 (Chron. 1234. LXXXIV), также попытался предложить свои услуги новому василевсу: он стал злословить про своего тестя, объявлял, что тот сам был виновен в собственном падении. Фока же, вменив Филиппику в вину такое отношение к тестю, прогнал его из дворца, и тот постригся в монахи¹.

Следует заметить, что между Филиппиком и Маврикием, согласно Феофану (Theoph. AM 6094) незадолго до событий 602 г. произошла размолвка: Маврикий будто бы одно время подозревал своего зятя в измене, что было связано с одним видением императора, очень похожим на позднейшую выдумку. В таком случае, и кратковременная ненависть императора в отношении Филиппика также являлась лишь частью красивой байки.

С другой стороны, если она всё же имело место, в таком случае причины перемены отношения Филиппика к Маврикию становятся более прозрачными.

¹ «Филиппик, зять Маврикия, после того как воцарился Фока, явился к нему и говорил злые слова против Маврикия, желая этим смягчить Фоку и приблизить к себе его сердце. Он говорил, что падение Маврикия было [делом] его рук, убеждал императора поэтому дать ему место и, почет. На это ответил ему Фока: "Итак, ты приготовился стать нам другом, о, Филиппик?" Ответил Филиппик и сказал: "Конечно, господин". Сказал ему император: "Как же, если ты не был хорошим зятем, можешь ты быть другом без лукавства? Иди себе. Тот, кто не соблюл доверия зятя, не соблюдет и дружбы друга". И обманута была надежда Филиппика, он пошел, постригся и вступил в монастырь» (Chron. 1234. LXXXIV; использован перевод Н.В. Пигулевской). О пострижении Филиппика, без подробностей про его разговор с Фокой, также сообщают Феофан (Theoph. AM 6098), Пасхальная хроника (Chron. Pasch. 603) Иоанн Антиохийский (Ioann. Ant. fr. 218d), Зонара (XIV.14) и Кедрин (I.708). Другая версия – у Себеоса (см. выше).

Сам факт того, что Фока, расправившийся жестоким образом с Маврикием, его сыновьями и братом, оставил в живых его зятя, свидетельствует о том, что новый император не считал его опасным для себя и не оценивал его участие в событиях 602 г. достойным высшей меры наказания.

Фока, таким образом, заручился поддержкой балканской армии и привел к покорности военную знать Константинополя, но оставалась ещё одна важная фигура, в распоряжении которой находилась если не самая большая группировка византийских войск, то, скорее всего, не уступающая по силе той, которую возглавил Фока – это был военный магистр Востока. Вознесенный балканским войском сначала на щит, а затем и на трон, Фока прекрасно понимал, как важно добиться признания восточной армией.

На Востоке в это время находился Нарзес (см. предыдущую главу). Хотя рассказ Феофилакta Симокатты о назначении Германа начальником гарнизона Дары (где располагалась обычно походная группировка военного магистра восточного магистерия) вносит некоторую путаницу, тем не менее, дальнейший ход событий, позволяют утверждать, что всё-таки Нарзес в 602 г. оставался военным магистром¹.

Итак, стратиг Востока решил не просто не признавать Фоку, но выступил против него, призвав на помощь персидского царя Хосрова (Theoph. AM 6095) и даже прислал тому, видимо, для большей надежности, самозванного сына Маврикия (Sebeos, XXI). Сложно сказать о причинах такого поведения: верность Маврикию и его династии, или простое нежелание подчиняться безродному (?) узурпатору, что вкупе с вестями о

¹ Ю. А. Кулаковский (Указ. соч. Т. 3. С. 5) считал Нарзеса полководцем в отставке, а силы, с которыми он направился в Эдессу, относил к личной дружине. Факт, что он был осажден Германом, т.е. у последнего было больше войск, говорит в пользу такой версии. Между тем Михаил Сириец (Mich. Syr., X.25) назвал войство, с которым Нарзес поднялся против Фоки, многочисленным.

репрессиях не могло настраивать полководца на оптимистический лад¹. В источниках описывается, как Нарзес овладел Эдессой и казнил епископа, который якобы был «другом Фоки» (Chron. 1234, LXXXV). Именно в этот момент, очевидно, последовало его обращение к персидскому царю, поскольку собственных сил было недостаточно.

Другой назначенец Маврикия на Востоке, Герман, признал Фоку и, следуя приказу императора, осадил Эдессу; против него выступили персы, победили его, и вскоре Герман умер; затем осада Эдессы была продолжена Леонтием; Нарзес бежал, но имел несчастье поверить новому полководцу Фоки, Доменциолу, отправился к Фоке и был предан огню. Такова версия Феофана (Theoph. AM 6095-6097). Согласно сирийским источникам, против Нарзеса был послан Иоанн, который хитростью и лукавством смог схватить Нарзеса (Chron. 1234, LXXXV; Mich. Syr., X.25).

Неудача Нарзеса объяснялась его малыми силами, которыми он располагал, или, иначе, верностью большей части восточного войска Фоке. Последовательная смена главнокомандующих, посылаемых Фокой, может быть трактуема в пользу предположения об их магистерских полномочиях. Герман, вероятно, мог быть первым военным магистром Востока при Фоке и именно он выступил против персов.

Следующим главнокомандующим стал Леонтий, евнух и вельможа. Впрочем, Феофан свидетельствует, что Фока перевел войска из Европы на Восток и только часть этих войск послал под командованием Леонтия против Нарзеса под Эдессу².

¹ Солдаты и «офицеры» восточной армии могли быть недовольны приходом к власти ставленника балканского войска. У. Э. Кэги рассматривал это обстоятельство как одну из возможных причин восстания как Нарзеса, так и Ираклия (*Kaegi W. E. Byzantine Military Unrest 471-843. An Interpretation.* P. 124, 143). Впрочем, войско того же Германа признало узурпатора.

² Такое обстоятельство, видимо, помешало Дж. Мартиндейлу отнести Леонтия к рангу военного магистра Востока. PLRE. Vol. III. P. 780.

Неудача Леонтия в борьбе с персами вызвала страшный гнев Фоки; он больше не упоминается источниками как командующий, но только как сакелларий под 610 г.

На смену евнуху Фока послал своего племянника Доменциола, которого сделал куропалатом (*curapalates*) и патрикием (V. Theod. Syc. 120). В Житии Феодора Сикеота (*ibid.*) есть упоминание о том, что Доменциол потерпел поражение и вернулся в Константинополь; судя по всему, он снова стал куропалатом.

Кто был преемником Доменциола, возглавлял оборону византийских войск от персов в период приблизительно с 605 по 609 гг., неизвестно. Из сообщения Феофана о том, что персы «...заняли Армению и Каппадокию, и отовсюду обращали в бегство римские войска, заняли также Галатию и Пафлагонию и дошли до Халкидона и не щадили никакого возраста. Таким образом персы свирепствовали извне, а Фока еще хуже свирепствовал внутри отечества и убийствами, и заточением» (Theoph. AM 6100; перевод В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского), складывается впечатление, будто император бросил дела на Востоке на самотёк.

Как кажется, его больше волновала внутренняя ситуация, о чем свидетельствует сообщение Феофана под 609 г. (Theoph. AM 6101), что против восставших иудеев были посланы комит Востока Бонос (Вонос) и стратилат Коттон. В Коттоне весьма соблазнительно видеть военного магистра Востока¹, поскольку он упоминается в паре с «гражданским» чиновником. Но отметим довольно странную ситуацию по Феофану: у Фоки находятся войска против иудеев, в то время как персы доходят уже до Халкедона.

Вероятно, Коттон уже занимал пост военного магистра к моменту бесчинств иудеев в Антиохии, но за недостатком войск мало что мог противопоставить персам. *Ad notanda*, что против мятежных войск под командованием Никиты в 609-610 гг. действовал Бонос; согласно

¹ PLRE. Vol. III. P. 360.

французскому переводу Иоанна Никиусского, именно Коттону было приказано покинуть Антиохию и отправиться в Египет; английское издание передает его имя как Кусум (Qusum)¹.

В 610 г., после свержения Фоки, в качестве командующего на Востоке упоминается его брат Коментиол (V. Theod. Syc., 152). Он отказался признавать Ираклия, отвел свои войска в Анкирскую митрополию для зимовки и здесь был убит восставшим Юстином, командиром армянских войск, носившим титул «*πατρίκιου τῶν Ἀρμενίων*»² (V. Theod. Syc., 152)³.

Как мы видим, Фока активно использовал представителей своего семейства: один его брат, Доменциол, был трудоустроен «магистром» (Theoph. AM 6095; 6102), т.е. *magister*’ом *officium*, крупнейшее же войско империи – восточное – возглавляли (судя по всему, последовательно), сначала племянник Доменциол, затем – брат Коментиол.

Итак, Фока, казнив Нарзеса, избежал угрозы своей власти с Востока, однако, реальная опасность, как оказалось в дальнейшем, исходила с Запада. Учитывая ту власть, в том числе военную, которую приобрели главы двух образованных при Маврикии экзархатов, их, ставленников прежнего царя, мнение также не могло игнорироваться Фокой.

К моменту прихода к власти Фоки экзархом Италии был Каллиник. Главной проблемой экзархов по-прежнему оставались лангобарды, и считается, что Каллиник, спровоцировавший новый виток войны с ними, мог быть как раз за это отстранен Маврикием, ибо новый экзарх, Смарагд,

¹ Chronique de Jean, évêque de Nikiou. P. 422; John Bishop of Nikiu. Chronicle. P. 169.

² Дж. Мартиндейл справедливо указывал на несвязанность подобной фразы и то, что под таким титулом мог скрываться *magister militum* – *vacans* или *per Armeniam* (PLRE. Vol. III. P. 758). Й. Прайзер-Капеллер также предполагал в нём военного магистра (*Preiser-Kapeller J. Magister militum per Armeniam... // Wiener Byzantinistik und Neogräzistik. S. 352*). А. Стратос видел в нём магистра вооруженных сил, которые позже стали называть войсками фемы Армениакон (*Stratos A.N. An Unknown Brother of the Emperor Phocas // JÖB. Bd. 27. 1978. P. 16*).

³ Феофан (Theoph. AM 6102) сообщает о нападении персов в мае на Сирию и поражении римского войска. Возможно, этими войсками как раз командовал Коментиол.

поспешил вернуть дочь варварскому королю и возобновить мир¹. С другой стороны, поскольку Смарагд назван экзархом в июне 603 г., он мог быть также новым назначенцем Фоки.

В отношении экзарха Африки, Ираклия, имеется прямое указание на то, что он был ставленником Маврикия (Nic. Brev. 3). Таким образом, один из экзархов точно не был смещён со своего поста новым императором, и в отношении второго тоже может быть высказано подобное предположение. В любом случае, пребывание на посту экзарха при Фоке Смарагда, уже бывшего до этого экзархом при Маврикии (см. предыдущую главу), а также оставление в должности Ираклия говорит о том, что оба экзарха признали нового императора, а тот, в свою очередь, не счёл нужным заменить их своими кандидатурами.

3.2. Военная знать в период правления императора Ираклия

3.2.1. Военная знать и приход к власти Ираклия

По мере того, как росло недовольство режимом Фоки, против него составлялись заговоры. Любопытно, что в этих заговорах участвовали придворные чины, преторианский префект Востока (Theoph. AM 6099, 6101), но не прослеживается участие кого-либо из военной знати – следовательно, «чистка» Фоки достигла цели. Очевидно, для свержения узурпатора требовалась именно военная сила. Неудача Нарзеса показала, что в качестве таковой вряд ли могла выступить восточная армия, усиленная переведёнными из Европы частями, т.е. очевидно теми, кто привёл к власти Фоку, и возглавляемая родным братом Фоки. О составе балканской группировки или даже о её существовании после перевода войска Фоки на Восток нет никаких данных.

¹ PLRE. Vol. III. P. 1146.

Таким образом, единственными представителями военной знати, которые располагали военной силой, оставались два экзарха. При этом экзарх Италии был связан лангобардской угрозой, в то время как Ираклий был стратигом сравнительно более спокойного региона: опасность, исходящая от африканских племен, явно не шла в сравнение с лангобардской.

Мятеж Ираклия начался с того, что он прекратил поставки продовольствия в столицу. Только после этого с ним связался никто иной как Приск, бывший в то время, как представляется, вторым лицом в государстве, особенно после женитьбы на дочери Фоки. Причиной недовольства Приска своим новоиспеченным тестем традиция считает инцидент с возведением статуй молодоженов рядом с царскими и украшением их лавровыми венками¹ (Ioann. Ant. 218e, 218f; Nic. Brev. 4; Theoph. AM 6099; Zon. XIV 14; Nic. Call. XVIII 55; Cedr. I 713; Patr. Const. III 184). Inde ira императора, Приск был сильно напуган, но Фока по просьбе народа простил его. Однако, зять возненавидел тестя и обратился к Ираклию. Очевидно, Приск разочаровался режимом Фоки и убедился в неспособности своего бывшего конюха управлять огромным государством.

Ираклий действовал в тандеме со своим братом, патрикием Григорием, находившимся у него в подчинении в качестве ипостратига. Прислать их сыновей, Ираклия и Никиту, как раз и просил, согласно Феофану (Theoph. AM 6100), Приск. Затем последовала просьба уже от сената (Theoph. AM 6101). В источниках сохранились сведения об уговоре между Никитой и Ираклием о том, что императором станет тот, кто первым победит тирана:

¹ Инициаторами сего действия называются начальники партий цирка.

первый при этом отправился по суше в Египет, а второй отправился морем. Скорее всего, этот договор являлся выдумкой¹.

В начале своего правления Ираклий столкнулся с проблемой: восточной армией командовал Коментиол, брат Фоки, и тот был явно не в восторге от того, как обошёлся Ираклий с его родственником. Он отказался признавать Ираклия. Положение Коментиола было довольно подробно проанализировано У. Кэги: учитывая судьбу Фоки, он, последний взрослый представитель правящей династии, мог ожидать подобной же участи; с другой стороны, он не мог сдаться персам, ведь те тоже выступили против режима Фоки; при этом неясно, кто поддерживал в тот момент Коментиола, какой территорией он управлял². Не исключено, что Ираклий, пытаясь урегулировать конфликт мирным путём, специально пощадил Доменциола, племянника Фоки, и, направляя к Коментиолу своих посланников, мог использовать этот факт в качестве гарантии безопасности для полководца³. Убийство Коментиола отложившимися от него армянскими войсками под командованием Юстина, по интересному замечанию У. Э. Кэги, могло произойти в силу их этнической солидарности с императором⁴. Известно, что Ираклий послал против Коментиола Евтихиана (V. Theod. Syc., 152) во главе

¹ Ираклий уже после свержения Фоки, согласно одному свидетельству, «говорил, что здесь находится не ради [домогательства] государственного престола, но чтобы лучше отомстить за незаконное поведение Фоки по отношению к Маврикию и детям Маврикия» и предлагал возвести на престол Приска (Криспа у Никифора) (Nis. Brev. 2; перевод Е. Э. Липшиц; о том, что Ираклий выдвигал Приска, Никифор упоминает чуть ниже и в обвинительной речи Ираклия). Не исключено, что Ираклий здесь использовал то же притворство, что и Фока, когда предлагал престол Герману. Но это не противоречит тому факту, что Ираклий, отправляясь в поход прямо на Константинополь, уже изначально имел большие, чем Никита, шансы стать императором. Сам ход кампании в целом, позволяет заключить, что первой целью восставших было занятие Египта – ещё одной житницы Константинополя – и только затем захват столицы (PLRE. Vol. III. P. 941.). А это значит, что договор мог быть лишь чей-то неудачной выдумкой; в любом случае, сын Григория оказался в заведомо невыигрышном положении.

² Kaegi W. E. Heraclius: Emperor of Byzantium. P. 54. См. также: Kaegi W. E. New evidence on the early reign of Heraclius // BZ. Bd. 66. 1973. P. 313.

³ Kaegi W. E. New evidence on the early reign of Heraclius. S. 313.

⁴ Ibid. P. 320-321.

своеобразного обсервационного корпуса, поскольку явно не располагал силами, достаточными для победы. В Евтихиане, который больше не упоминается в источниках, принято видеть *vicarius Ponticae*¹.

Став императором, Ираклий оставил Никиту в Египте, а против персов отправил Приска, который оставался, судя по всему, и комитом экскувитов, а в момент свержения Фоки назван в источниках ещё как эпарх (префект) города (*Nic. Brev.* 4). При свержении Фоки Приск уклонился от помощи своему тестю: он притворился больным, собрал экскувитов и букеллариев на ипподроме, поджег казармы экскувитов. Кроме того, он помог семье Ираклия-старшего², за что тот впоследствии его благодарил (*Ioann. Nik. Chron.* CVI). Приска в войне против персов не рассматривают в качестве военного магистра: по Дж. Мартиндейлу, подобные сомнения вызваны отсутствием применительно к Приску слова «стратиг» в Житии Феодора Сикеота, а свидетельства Никифора, Кедрина и Зонары, где Приск назван стратигом, английский историк считает ненадёжными³.

Как бы там ни было, бесспорно то, что Приск сохранил высокое положение уже при третьем императоре. Именно он был направлен на войну с главным в тот момент врагом Империи. Примечательно, что Приск после событий во время своей службы в качестве военного магистра Востока при Маврикии больше не использовался этим императором на Востоке. Приск, вероятно, принял войско, что в своей массе недавно поддерживало Коментиола и могло быть частью тех верных Фоке сил, которые тот перевёл с Балкан в Азию. Следовательно, Ираклий не побоялся послать к этим войскам человека, недавно предавшего их императора.

Из повествования Никифора складывается впечатление, что Ираклий высоко ценил Приска, сначала предложив его в качестве нового императора, а затем, когда тот в качестве стратига осаждал Цезарею, он даже специально

¹ PLRE. Vol. III. P. 476.

² Его жене и жене его сына, которые по приказу Фоки были заключены под караул (*Theoph. AM* 6102).

³ PLRE. Vol. III. P. 1057.

прибыл к нему, чтобы «держать с ним совет об общих делах» (Nic. Brev. 2; перевод Е. Э. Липшиц).

Надо сказать, что Приск довольно дерзко обошёлся с императором, в том числе ругая его¹. Если вспомнить ту надменность, с которой Приск обращался с войском, будучи назначенным военным магистром Востока в 588 г., что стало одним из поводов к знаменитому мятежу, то получается, эту черту своего характера он успешно пронёс сквозь годы. Однако, надо понимать, что дошедшая до нас традиция в силу позднейшей опалы Приска отражает версию Ираклия, «официальное» разъяснение *urbis et orbis*. Историю, как известно, пишут победители, и в описании Никифора явно прослеживается стремление Ираклия оправдать в глазах свою расправу над полководцем, выставить его главным виновником, спровоцировавшим конфликт.

Собственно, версия Ираклия прямой речью приводится самим Никифором. Приск был вызван в столицу по случаю чествования вернувшегося из Египта Никиты. Чтобы отделить Приска от его букеллариев, Ираклий обманом заманил того во дворец, где было разыграно целое «драматическое представление», в ходе которого Ираклий напомнил Приску, «как он притворялся больным в Кесарии, как пытался унижить императорское достоинство, в то время как сам (Ираклий. – *Р. Б.*) уговаривал его принять императорскую власть. И взяв при этом кодекс, шлепнул его по щеке, сказав: "Тот, кто не соблюдал родства, будучи зятем, как же стал бы соблюдать дружбу", и сразу же передал его, чтобы ему постригли голову [в монашество]» (Nic. Brev., 2; перевод Е. Э. Липшиц).

¹ Приск «прикинулся больным и едва принимал недружелюбным образом часто являвшегося императора, возлежа с видом немощного. Затем даже слышали, что он и ругал его. Ираклий же, внимая происходящему представлению, при всем том сносил дерзости, выжидая еще удобный случай. Он полагал пока, что они действительно должны договориться друг с другом, хлопоча, как должно, об интересах государства. Тот же (Приск. – *Р. Б.*) насмеялся таким образом и говорил, что не следует императору оставлять империю и так надолго оставаться в отдалении от военных сил». (Nic. Brev. 2; перевод Е. Э. Липшиц).

Этот рассказ в последней своей части (слова Ираклия про несоблюдение родства и пострижение Приска в монахи) удивительным, но, как думается, неслучайным образом похож на рассказ Михаила Сирийца о попытке Филиппика стать «другом» Фоки (см. выше).

В данном случае мы имеем дело с красивой байкой, которая приписывалась то одному, то другому императору. Войскам, которые сопровождали Приска, Ираклий объявил об их переходе на службу государству.

На самом деле, неизвестно, как в действительности вёл себя Приск, и что стало истинной причиной его падения. У. Э. Кэги предполагал, что Ираклий был раздражен неудачей Приска при осаде Цезареи (персы смогли ускользнуть), сделал его «козлом отпущения» и тем самым освободил себя от ответственности за это упущение; кроме того, постриг Приска ликвидировал последнюю «внутреннюю угрозу из прошлого» для Ираклия, ведь комиты экскувитов были чрезвычайно влиятельны и иногда опасно честолюбивы¹. У. Э. Кэги также рассматривал конфликт Приска и Ираклия как борьбу за власть над армией².

Версия о том, что Ираклий разуверился в полководческих способностях Приска, кажется правдоподобной. Обладавший личной «дружиной» и пользовавшийся определенным влиянием комит экскувитов Приск в какой-то момент мог стать неудобным для Ираклия, стремившегося укрепить свой режим путём назначения родственников на ключевые посты³. К Приску, пережившему уже двух императоров, он не мог питать никакой

¹ Kaegi W. E. Heraclius: Emperor of Byzantium. P. 70.

² Ibid. P. 75.

³ «Захват власти Ираклием и чистка армии от лояльных к Фоке, вероятно, была очень разрушительной. Первоначально восстание Коментиола мешало утверждать контроль над всей армией. Продолжение пребывания Приска на посту comes Excubitors также лишило возможности на первых порах брать полный контроль над его войсками и устанавливать (forge) их таким способом, как хотел Ираклий» (Kaegi W. E. Heraclius: Emperor of Byzantium. P. 96). Здесь же У. Э. Кэги отмечал (для периода 610-613 гг.), что неизвестно, как Ираклий осуществил чистку военных лидеров.

уверенности, поэтому приписываемые Ираклием слова про несоблюдение Приском родства (см. выше), оставаясь скорее байкой, могли содержать в себе долю правды.

Расправа над Приском с довольно символичным переходом его букеллариев на службу государству означала падение одного из последних представителей знати позднеантичного, магистратского типа. Приск был заключен в монастырь¹ и через год умер.

Смещенный Приск совмещал в своем лице должности комита экскувитов и командующего на «персидском фронте». Теперь Ираклий поставил во главе гвардии своего двоюродного брата Никиту, а против персов послал Филиппика и своего брата Феодора.

Надо отметить, что удалившийся от мирских дел Филиппик был ещё раньше вызван на службу Ираклием: его послали для переговоров с братом Фоки Коментиолом, при этом он едва не был убит (V. Theod. Syc.152). Никифор, сообщая о новом назначении Филиппика, говорит о его смерти через год и о погребении в им же основанном монастыре (Nic. Brev. 7; см. также: Cedr. I.708).

Привлечение Филиппика и Приска к войне против персов говорит о том, что Ираклий ценил их за опыт борьбы с данным врагом². К тому же Филиппик был известен как человек, преданный наукам, заимствовавший своё искусство командования у знаменитого Сципиона Африканского (Theoph. Sim. I.14.2)³, т.е. не только опытный, но и «теоретически подкованный» командир. А возможно даже, тот теоретик, который написал

¹ Монастырь Хора, который он (некогда) расширил и украсил. См.: Patr. Const. 3.184

² Опыт, в первую очередь, тактический. У. Э. Кэги заметил, что о способностях Приска и Филиппика Ираклию-младшему мог поделиться впечатлениями его отец (*Kaegi W. E. Heraclius: Emperor of Byzantium*. P. 23).

³ По этому поводу У. Э. Кэги писал, что не ясно, обсуждал ли Филиппик с Ираклием кампании Сципиона (*Kaegi W. E. Heraclius: Emperor of Byzantium*. P. 29).

«Стратегикон», приписываемый по традиции его тестю, Маврикию¹. Если Филиппик действительно написал к тому времени «Стратегикон», то он сам, его знания и его книга могли очень пригодиться Ираклию, который несколько позже обучал и тренировал свою армию перед походом против персов² (Theoph. AM 6113).

Назначение именно Филиппика против Коментиола навело одного из исследователей на предположение, что Коментиол служил когда-то давно под началом Филиппика и что последний, по мнению Ираклия, мог на него повлиять³. Привлечение двух бывших маврикиевых «генералов» могло иметь ещё и демонстративный характер, ведь Ираклий позиционировал себя как «мстителя» за Маврикия (см. выше).

В историографии также справедливо отмечается и тесная связь Ираклия-старшего с Филиппиком⁴. Заимствуя идею У.Э. Кэги, заметим, что Ираклий-старший мог положительно рекомендовать сыну своего бывшего начальника: «Ираклий, вероятно, искал его совета по вопросам отношений с персами и обращения с другими внутренними военно-политическими проблемами. Когда Ираклий должен был обеспокоиться устранением Приска, было естественно снова обратиться к Филиппику, у которого, вероятно, было много связей, кто бы ни выжил из прежних чиновников и офицеров императора Маврикия. Он был бы мотивирован поддержать действие против своего старого конкурента Приска, и он, вероятно, знал многие слабые места Приска»⁵.

¹ О концепции Дж. Уиты см.: *Wiita J. E. The Ethnika in Byzantine Military Treatises*, Ph.D. Dissertation, University of Minnesota, 1977; *Кучма В. В. Введение // Стратегикон Маврикия*. СПб., 2004. С. 10.

² О военной реформе Ираклия см.: *Darko E. Die militärischen Reformen des Kaisers Herakleios // Известия Български археологически институт*. Т.9. С. 110-116.

³ *Stratos A. N. An Unknown Brother of the Emperor Phocas*. P. 15.

⁴ *Kaegi W. E. Heraclius: Emperor of Byzantium*. P. 38, 71.

⁵ *Ibid.* P. 71.

Смерть Филиппика, с учетом того, что отставка Криспа/Приска произошла в декабре 612 г. (*Chron. Pasch.*, 612), приходится на 613/614 гг., а поход Ираклия против персов датируется 622 г.

В промежутке этих 8 или 9 лет источники не дают нам имен византийских полководцев, действовавших против персов. Для 613-614 гг. есть упоминания о действиях Никиты, иногда совместно с Ираклием, в войне с персами (*V. Theod. Syc.* 166; *Chron. Pasch.*, 614; *Agapius*, p. 450), которые происходили параллельно с действиями Филиппика в Армении.

Нужно сказать, что Никита, бывший комитом экскувитов, стал в 613 г. ещё и зятем императора, женившись на дочери императора Григории. Теперь он стал «официально» вторым человеком в государстве, «ближайшим родственником императора», как говорит источник, а его золоченая статуя красовалась на колоннах одного из римских форумов (*Nic. Brev.* 4, перевод Е. Э. Липшиц; *Greek Anthology* 16.46). Однако непосредственно перед сообщением о женитьбе Никиты Никифор говорит о провозглашении малолетнего сына Ираклия императором.

По всей видимости, Ираклий предполагал в Никите не преемника, а, скорее, регента. Придерживаясь династийного принципа, он, тем не менее, нуждался в надежном помощнике. Поэтому Ираклий, логично предположить, продолжал использовать своего зятя на восточном «фронте». *Ipso facto*, как раз Никита оборонял Египет от сасанидского вторжения. Известно, что когда Египет был завоеван персами (617 г.), Никита отплыл из Александрии в Константинополь.

Роль Никиты хорошо охарактеризована У. Э. Кэги: его командование византийскими войсками в Сирии и Египте между 610 и 619 гг. помогло предотвратить какое-либо возобновление провинциального или военного восстания; Никита не только мог пресечь возможность бунта со стороны какого-нибудь «конкурента» династии, он мог двинуться против любого потенциального мятежного гражданского лица или военачальника; его

присутствие, вероятно, сдерживало восстание, поскольку фронт против персов разрушился.

Кроме того, он, вероятно, давал советы Ираклию относительно защиты византийской Африки против любого персидского удара из Египта и аналогично, относительно любой возможности осуществления угрозы Египту из византийской Африки¹.

Другого мнения придерживался А. Н. Стратос: Никита не был военным, во время войны в Египте не выказал больших стратегических дарований, при вторжении персов был апатичным и беспечным².

Итак, ситуация в первые годы правления Ираклия говорит о том, что император испытывал дефицит в опытных военных кадрах высшего ранга. Это было вызвано в первую очередь той чисткой, которую устроил Фока. Примечательно и вполне объяснимо, что Ираклий призвал обоих военных магистров, которые уцелели при Фоке.

3.2.2. Военная знать в период войн с аварами, персами и арабами (622-641 гг.)

В историографии уже отмечалось, что смерть Филиппика подвела в политике Ираклия по отношению к военной знати определенную черту: для войны с персами «он теперь должен был найти других командующих. Он больше не мог привлечь старый реестр командующих. Одни из них – из эпохи Маврикия – были слишком стары, другие – из эпохи Фоки – были удалены, или мертвы, или ненадежны»³. И тот же историк отмечал в своём труде про Ираклия, что «никакие новые великие полководцы не выдвинулись

¹ Kaegi W. E. *Heraclius: Emperor of Byzantium*. P. 101.

² Stratos A. N. La première campagne de l'Empereur Héraclius contre les Perses // *JÖB*. Bd. 28. 1979. P. 73.

³ Kaegi W. E. *Heraclius: Emperor of Byzantium*. P. 75, 102.

из рядовых (arose from the ranks), возможно потому, что недавно удобно устроившаяся императорская семья не хотела, чтобы это произошло»¹.

Источники донесли до нас крайне скудные сведения о системе военных магистериев в первые десятилетия VII в. У. Э. Кэги считал, что военные магистры ещё существовали к началу войн с арабами, а именно военный магистр Востока². Американский историк при оценке численности византийской армии к 630 г., на наш взгляд, весьма оптимистичен: до 20 000 презентальных войск, около 25 000 – в Египте, до 10 000 – во Фракии и столько же в Африке, до 20 000 – у военного магистра Востока и т.д.³ Как кажется, продолжительная война с персами должна была оттянуть огромное количество сил на Восток; существование в такой ситуации крупных группировок во Фракии, близ столицы и в только что освобожденном от персов Египте не представляется правдоподобным.

Отправляясь в поход против персов, Ираклий доверил столицу сыну, патриарху Сергию и патрикию Бону (Theoph. AM 6113). Бон был одним из «регентов» в отсутствие императора, «τοποτηρητής τοῦ βασιλέως» (Georg. Pis., Suppl. IV, tit.) и в его компетенцию входило военное командование (он оборонял Константинополь от аваров).

Проблема вписания полномочий Бона в рамки диоклетиано-константиновой административной модели не так проста: ряд источников называют его магистром (Georg. Pisid., Bell. Avar. 314; Chron. Pasch., 626-627), ряд – просто патрикием (Theoph. AM 6113; Nic. Brev. 13; Zon. XIV.16; Cedr. I.718; Patr. Const. II.72; а также Georg. Pisid., Bon. Pat.; Chron. Pasch., 626), есть и определение «стратиг» (Theod. Sync., 307.39, 312.39). Бон мог носить звание *magister officiorum* или *magister militum*, возможно даже, был презентальным военным магистром⁴.

¹ Ibid. P. 97.

² Kaegi W. E. Byzantium and the early Islamic conquests. Cambridge, 1992. P. 40.

³ Ibid. P. 40-41.

⁴ PLRE. Vol. III. P. 243.

Важным аргументом в пользу последней версии является указание Георгия Писиды (Georg. Pisid. Bell. Avar. 314: «μαγίστρῳ τῶν ἐνόπλων ταυμάτων»). Однако, не стоит забывать о поэтическом характере панегирика Георгия Писиды; даже обозначение Бона как стратига Феодором Синкеллом может говорить лишь о том, что он находился во главе войск столицы.

Ираклий привлекал к командованию своего брата Феодора. Возможно, тот был послан к войскам вместе с Филиппиком после отставки Приска (Nis. Brev. 7; Sebeos, XXIV, упоминает некоего куратора, которому было поручено войско; возможно, это искажение должности Феодора «куропалат»; но в той же главе Себеос называет брата Ираклия, причём Феодосием). Феодор командовал вместе со своим братом уже в первом столкновении Ираклия с персами, и, возможно, во всех кампаниях 622-628 гг.¹. И позже Ираклий использовал его против арабов.

Исходя из сообщения Никифора (Nis. Brev. 23) об опале Феодора и назначении стратигом Востока (στρατηγόν τε ἀνατολῆς) Феодора Трифурия трудно предположить, что брат Ираклия занимал именно эту должность, поскольку тут же Никифор сообщает о гибели Сергия, который мог занимать пост *dux Palaestinae*. Причиной расправы с Феодором (Ираклий приказал обесчестить и заточить его) стало осуждение им брака Ираклия со своей племянницей (Nis. Brev. 23), то есть неудача Феодора в борьбе с арабами опять же не стала *causa causalis* его отставки².

Если Никифор сообщал о назначении одного только Феодора Трифурия, то Феофан говорил также о посылке Ираклием полководца Вааниса (Theoph. AM 6125), причем полководцы имели свои собственные войска. Ряд историков, доверяя больше сообщению Никифора, видели в

¹ Есть упоминание о самостоятельном командовании, причём успешном, Феодора в 626 г. частью войска (Theoph. AM 6117).

² У. Э. Кэги считал причиной отставки как раз военную деятельность Феодора (Kaegi W. E. Byzantine Military Unrest 471-843. An Interpretation. P. 152).

Трифурии военного магистра Востока¹. Дж. Мартиндейл при этом ссылался на сообщения Себеоса (Sebeos, XXX) и Вардана (Всеобщая история Вардана Великого. М. 1861. С. 82) о евнухе, посланном Ираклием против арабов, поскольку должность сакеллария часто занималась евнухами, а те часто назначались на высокие военные посты². У. Э. Кэги же объяснял присутствие казначея в битве при Ярмуке необходимостью мотивировать и успокоить войска³.

С другой стороны, Ваанис (Ваган) также мог претендовать на этот пост. Источники позволяют проследить его военную карьеру: в 627 г. он упомянут как стратилат, посланный Ираклием, который с избранными воинами захватил персидское знамя и пленных (Theoph. AM 6118; Cedr. I 730).

До наших дней сохранилась печать VII в. с именем некоего Вааниса, на которой он назван стратилатом⁴; был ли это рассматриваемый нами стратиг, сказать сложно. Ваанис в связи со своим назначением в 634 г. назван стратигом (Theoph. AM 6125; Cedr. I.745). Если предположить, что Феофан в данном случае воспроизвёл терминологию своих источников и принять во внимание данные Стратегикона, то получается, что Ваган прошёл путь от командира меры (мерарха) до командующего целой армией (стратига).

Касательно титула упоминаемого Феофаном Вааниса - "стратилат" – историк А. Н. Стратос писал, что это название принадлежало "magister'y militum", и ещё во время Фоки Коттон был подобным "стратилатом" (командующим армией) на Востоке, но со времени Ираклия значение этого звания сократилось. Когда было сформировано учреждение фем, их командующий был известен как «стратиг» (генерал), и турмарх стал

¹ PLRE. Vol. III. P. 1279; *Pertusi A.* La formation des thèmes byzantins // *Berichte zum XI. Internationalen Byzantinisten - Kongress. München, 1958.* P. 27, n.137; *Kaegi W.E.* Byzantium and the Early Islamic Conquests. P. 119 («probably»).

² PLRE. Vol. III. Ibid.

³ *Kaegi W. E.* Heraclius: Emperor of Byzantium. P. 275-276; cp. *Kaegi W.E.* Byzantium and the Early Islamic Conquests. P. 35.

⁴ См.: *Zacos G., Vegler A.* Byzantine Lead Seals. № 2831 (для нас этот труд оказался недоступен).

"стратилатом". Ваанис был командующим части византийских войск в 636, а в 628, он, должно быть, был просто турмархом¹.

Тем не менее, из описания Феофаном действий Феодора и Вагана складывается впечатление об их равноправии: так, Ваган призывает Феодора поспешить к нему на помощь ввиду большой численности противника (и это не похоже ни на приказ подчиненному, ни на призыв своего начальника), в битве с арабами их войска держатся отдельно (Theoph. AM 6126). Мы наблюдаем нарушение принципа единоначалия и за недостатком достоверной и более подробной информации источников не можем даже сказать, было ли это упущением самого Ираклия.

Кроме того, Феофан сообщает, что воины Вагана провозгласили его императором и отвергли Ираклия (Theoph. AM 6126; Cedr. I.745). У. Э. Кэги выдвигал предположение, что Ваган мог стать жертвой правительственной пропаганды, пытавшейся уйти от ответственности за поражение и объяснявшей поражение при Ярмуке его, Вагана, неповиновением².

Между тем, О. Г. Большаков считает упоминаемое одним источником шумное ликование византийцев возможным отражением торжества по поводу провозглашения Вагана³. Как бы том ни было, ясно одно – воины Вагана нашли крайне неподходящее время для мятежа. Впрочем, Ираклию так и не довелось иметь дело с узурпатором. В битве при Ярмуке византийское войско было разгромлено, Ваган убит, как и Феодор⁴.

Ряд источников упоминает в качестве византийского командующего Никиту, сына персидского полководца Шахрвараза. Шахрвараз в своё время изменил персидскому царю и вступил в переговоры с византийцами; на

¹ *Stratos A.N.* Byzantium in the Seventh Century. T. I. P. 275-278.

² *Kaegi W. E.* Heraclius: Emperor of Byzantium. P. 244; *Kaegi W. E.* Muslim Expansion... P. 120 (здесь же вторая версия об ещё одной, более ранней проираклиевой традиции, которая «заставила» войска, непослушные воле императора избегать столкновения с арабами, провозгласить Вагана императором).

³ *Большаков О.Г.* История Халифата. СПб., 2006. С. 362-367.

⁴ Источники об этом событии см.: PLRE. Vol. III. P. 161, 1280. Евтихий (Annales. Coll. 1096-1097) сообщает, что Ваган спасся и стал монахом.

какое-то время ему даже удалось занять трон (630 г.), а его сыну Никите Ираклием был дарован титул патрикия (Nis. Brev. 17).

Через несколько лет после смерти своего Никита был опробован Ираклием в качестве командующего: как предполагается, Ираклий думал, что тот унаследовал военные способности его отца, кроме того, его отец был знаком с ближневосточным театре военных действий и мог дать советы сыну¹. Никита пережил катастрофу при Ярмуке, укрылся в Эмессе и пытался вести переговоры с арабами, однако был убит (Mich. Syg. XI.6).

Одними из последних дошедших до нас имён военачальников при Ираклии являются Иоанн Катеас и Птолемей. Первый из них именуется правителем провинции Осроены (Theoph. AM 6128), у Агапия он – патрикий правитель Месопотамии, правда, под именем Павла (Agapius, p. 476). Птолемей также характеризуется как патрикий (Agapius, p. 476-477) и стратилат (Theoph. AM 6128).

Исследователи уже отмечали, что характеристика Иоанн как правителя провинции говорила не об официальной должности, а о его полномочиях, о том, что он сосредоточил в своих руках военную и гражданскую власть и в Осроене, и в Месопотамии; между тем, если Дж. Мартиндейл наделяет Иоанна титулом военного магистра, то У. Э. Кэги считает его эпитропом или куратором и видит в его замещении Птолемеем пример смены гражданского чиновника военным². «Как были предназначены функционировать эти импровизированные чрезвычайные военные губернаторы и как они фактически функционировали, неизвестно в деталях... Назначение Ираклием военных начальников по городам было понятной, но неэффективной импровизацией, которая отвлекла полезный военный талант от проблем боя»; одной из причин подобных назначений было нежелание Ираклия сдачи городов и ведения переговоров с арабами³. Тезис о создании чрезвычайных

¹ Kaegi W. E. Muslim Expansion... P. 118.

² PLRE. T. 3. P. 703. Kaegi W. E. Muslim Expansion... P. 107.

³ Kaegi W. E. Muslim Expansion... P. 107-108.

военных командований У. Э. Кэги подкрепляет ссылкой на арабского историка ал-Азди, который писал, что Ираклий назначил командующих из своего войска над городами Сирии в качестве своих заместителей¹.

О командирах, посланных Ираклием в Египет против арабов, мы узнаем в основном от Никифора. Он сообщает о последовательной посылке стратигом Иоанна Варкайна, Марина, игемона фракийских войск, и Мариана, кубикулярия (Nis. Brev. 23)². У Иоанна Никиусского (Ioann. Nik. CXVI.1) имеется сообщение о смерти сразу двух Иоаннов: один из них охарактеризован как «chief of the local levies» («chef des milices» во французском переводе), второй как «the general».

Как видим, в поисках подходящего командующего Ираклию пришлось привлекать кадры из своей опочивальни и перекидывать командующих с других участков. Исследователи удивляются тому факту, что, оставшись без надежных товарищей, Ираклий не привлек к командованию своего сына Константина, который родился в 612 г., а значит уже во второй половине 630-х гг. вполне подходил по возрасту для командования войсками³. Возможно, Ираклию казалось более полезным присутствие Константина в столице.

Как всегда, отдельного разбирательства требуют военные магистры Армении.

По мнению Ю. А. Кулаковского, при Ираклии отношения центра и этой провинции приняли иной вид. Именно Ираклий, назначив полномочным наместником Армении выходца из местной знати, не поставил при этом никого из гражданской администрации от двора⁴. Охрана провинции была организована путём выступления отрядов местных князей под общим

¹ Ibid. P. 77.

² Упоминание Мариана как полководца («general» в англ. переводе) есть также у Севера, епископа Аль-Ушмунаина (Hist. Patr. I.14) См.: Patrologia Orientalis. Т. I. P. 494. Сходство имен двух последних полководцев в Египте, если бы Никиофр не назвал их предыдущие должности, можно было бы принять за ошибочное раздвоение одного и того же исторического персонажа.

³ Kaegi W. E. Heraclius: Emperor of Byzantium. P. 238.

⁴ Кулаковский Ю. А. История Византии. Т. 3. С. 343-344.

командованием наместника. Армянское войско, которое Ираклий брал для похода в Персию, названо Феофаном армениаками (Theoph. AM 6118).

Военными магистрами Армении при Ираклии рассматриваются Мжеж Гнуни и Давид Сааруни. Первый из них упоминается Себеосом как греческий полководец в Армении (Sebeos, XXIX) и Феофаном (Theoph. AM 6118, «Мезезий») как στρατηγός, посланный в 626/628 г. для разъездов. Впрочем, Мжеж Гнуни мог не занимать пост военного магистра, а обладать сравнимым командованием¹ или даже быть фемным стратигом².

Мжеж Гнуни был убит в битве с войсками Давида Сааруни. По сообщению Себеоса (Sebeos, XXIX), Сааруни сам «сделался военачальником», а Ираклий, против которого он участвовал в заговоре и убил его полководца, дал ему титул куропалата и сделал «правителем всей страны». Дж. Мартиндейл лишь в качестве предположения видел в нём военного магистра Армении, который мог быть также упоминаемым в Хронике 1234 г. Давидом, командовавшим войсками в Армении³.

Й. Прайзер-Капеллер, исходя из того, что Сааруни упомянут в одной из надписей как sparapet, искал прототип занимаемой Давидом должности во эпоху владычества персов, «когда Ваган Мамиконян после успешного восстания 484 г. объединил наследственное учреждение sparapet (и таким образом главнокомандующего армянского дворянского призыва) с функцией marzpan'a (представителя персидского царя царей)»; также он указал на то, что власть Сааруни основывалась на дружине армянских князей и закончилась в связи с утратой ими доверия к нему⁴.

Следовательно, единственным военным магистром Армении при Ираклии следует считать, не без осторожности, лишь Мжежа Гнуни. Как явствует из вышеописанного, Ираклий в выборе стратига Армении

¹ Preiser-Kapeller J. Magister militum per Armeniam... // Wiener Byzantinistik und Neogräzistik. Vienna 2004. S. 352.

² PLRE. T. III. P. 887.

³ PLRE. T. III. P. 389. Й. Прайзер-Капеллер отделяет его от Сааруни (Preiser-Kapeller J. Op. cit. S. 356).

⁴ Preiser-Kapeller J. Op. cit. S. 354-355, n. 17.

предпочёл опереться на представителей местной элиты. Признание Ираклием Сааруни говорит о том, что император терял своё прежнее влияние в данном регионе.

3.2.3. Экзархи Италии и Африки

В историографии уже отмечался тот акт, что с приходом к власти династии Ираклия армяне заняли много видных постов; наблюдалось это и в Африке (Нарзес в Триполитании)¹.

Говоря об экзархах Африки, мы вновь обращаемся к фигуре двоюродного брата Ираклия Никиты. Ш. Диль, соглашаясь с более ранними исследователями, предположил, что после смерти Ираклия-старшего в 610 г., экзархом стал его брат Григорий. Однако, уже около 617 г. Африкой мог управлять патрикий Цезарий². «Но в любом случае, совершенно точно, что через несколько лет провинция (Африка. – Р. Б.) вновь была поручена принцу императорской фамилии... Ираклий вовсе не считал бесполезным именно эту великую личность назначить *управлять* Африкой. Египет только что был занят персами (619 г.)³, византийскому Востоку грозила серьезная опасность; этого одного достаточно, чтобы объяснить выбор императора. Кроме того, поручение родственникам *basileus*'а наиболее важных правительственных должностей стало традицией императорской политики... Управление Никиты (Африкой. – Р. Б.) нужно поместить между 619 г., датой, когда Никита покинул Египет, и 629 г., когда мы знаем, что он умер»⁴.

¹ Kaegi W. E. Muslim Expansion and Byzantine Collapse in North Africa. P. 102.

² О Цезарии, которого также и некоторые другие исследователи рассматривали как экзарха Африки, сохранилось мало информации; известно, что он заключил мир с вестготами. Источники и литературу см.: PLRE. Vol. III. P.258-259; Goubert P. L'administration de l'Espagne byzantine I. Les Gouverneurs de l'Espagne byzantine // Études byzantines. T. 3. 1945. P. 139-141. Наличие титула «патрикий» П. Губер не рассматривал в качестве весомого в пользу версии об экзархе.

³ Используемая нами хронология несколько отличается от той, которой придерживался Ш.Диль.

⁴ Diehl Ch. L'Afrique byzantine: histoire de la domination byzantine en Afrique (533-709). Paris, 1896. P. 524-525. Указание на смерть Никиты содержится у Никифора (Nic. Brev. 17).

Также Ш. Диллю казалась правдоподобной гипотеза о том, что патрикий Григорий, мятежный (в 647 г.) экзарх Африки, был сыном Никиты, у которого отца звали Григорий, а дочь – Григорией; управление Африкой стало своего рода наследственным для правящего дома¹. Современные исследователи более осторожны: «Сам по себе (strictly) титул патрикия не сообщал полномочий»².

Нельзя обойти также вниманием некоего патрикия Петра, упомянутого в одном источнике как στρατηγός Νομβηδίας της 'Αφρικής (PG. T. XC. Col. 111), который саботировал в 634 г. приказ Ираклия двинуться в Египет. Считается, что он был дуксом Нумидии³, а затем, в 636 г., – экзархом, умершим в 637 или 652 гг.⁴ Остаётся непонятным, как мог провинциальный дукс, саботировавший приказ, через два или три года оказаться во главе всего региона. Одно из объяснений, или пояснений, таково: Петр был выдающийся личностью из окружения Ираклия, который и доверил ему важный пост в Нумидии, а затем и во всей Африке⁵. Возможно, дукс обставил свой отказ какими-то оправданиями, а возможно, Ираклий, занятый войной с арабами, просто смирился и не стал обострять конфликт⁶.

Интересным в данном контексте является и то, что Ираклий обращался напрямую к дуксу, минуя экзарха, который вроде бы и должен был обладать высшей военной властью в экзархате. Нам неизвестно, кто был в данное время экзархом и, добавим, был ли таковой, учитывая вышеназванную любопытную деталь, вообще.

¹ Diehl Ch. Op. cit. P. 526-526.

² Kaegi W. E. Muslim Expansion and Byzantine Collapse in North Africa. P.94.

³ Duval Y. Le patrice Pierre, exarque d'Afrique? // Antiquités africaines. V. 5. 1971. P. 209-211.

⁴ Ibid. P. 212-214; Zuckerman C. La haute hiérarchie militaire en Afrique byzantine // Antiquité tardive. №10. 2002. P. 173-174.

⁵ Duval Y. Op. cit. P. 214.

⁶ У. Э. Кэги видит в отказе Петра нежелание местных солдат и элит бросать свою территорию ради далекого Египта; кроме того, солдаты выражали недовольство перемещением и в VI в. (Kaegi W. E. Muslim Expansion... P. 104)

Впрочем, неповиновение дукса Петра могло показаться Ираклию невинной шалостью на фоне того, с чем он столкнулся в Италии.

К сожалению, полным списком экзархов Италии для правления Ираклия мы не располагаем. В качестве таковых предполагаются Фотий и Грегорий¹, причём Фотий мог быть назначенцем Фоки, но это так и остаётся догадкой².

Первым достоверным экзархом, и, вполне вероятно, первым ставленником Ираклия был некий Иоанн. О нём известно, что он был убит в Равенне, как предполагается, в результате антивизантийского выступления, которое поддержали, однако, и солдаты Иоанна, недовольные задержкой жалованья³.

На его место Ираклий послал патрикия Элефтерия (616-619 гг.), который был, подобно своим предшественникам по управлению Италией Нарзесу и Смарагду, евнухом. Ираклий поручил новому экзарху защищать ещё не занятую лангобардами часть Италии (MGH, AA IX, p.339) к этому времени мероприятия Ираклия в финансовой сфере, как кажется, уже дали свои плоды⁴. Элефтерий выплатил воинам жалование, отомстил убийцам предыдущего экзарха и подавил мятеж некоего Иоанна в Неаполе. В исполнении же своей главной задачи – борьбы с лангобардами – он оказался неудачлив. В конце концов, он сам восстал против Ираклия, выступил в Рим для коронации, но был убит солдатами, а его голова выслана в Константинополь. Неизвестно при этом, намеревался ли он изначально

¹ PLRE. Vol. III. P. 1040 (Фотий), p. 553 (Грегорий).

² Ш. Диль считал, что новый император почти всегда отправлял нового экзарха: Маврикий отозвал патрикия Романа, Фока заменил Каллиника, Ираклий сместил Смарагда в 611 г. Это было связано со стремлением обеспечить верность экзархов, посредством их избрания среди высших дворцовых сановников и избегания долгого пребывания их на посту (*Diehl Ch. Etudes sur l'administration byzantine dans l'exarchat de Ravenne* (568-751). P., 1888. P. 185).

³ Подробнее см.: *Бородин О.Р.* Византийская Италия в борьбе за независимость // Встречи с историей. Вып. 2. М., 1988. С. 16-24; *он же.* Эволюция войска в византийской Италии в VI–VIII вв.: (Военно-организационный аспект) // Византийский временник. Т. 47. 1986. С.128.

⁴ *Treadgold W.* A History of the Byzantine State and Society. Stanford, 1997. P. 290-291.

отколоть Италию от Империи, или же повторить путь действующего императора (т.е. облачиться в порфиру в столице).

Как уже было замечено О. Р. Бородиным, воины Элефтерия, местные уроженцы, явно не были заинтересованы покидать Италию; мятеж Элефтерия – это первая попытка восстановить Западную Римскую империю, а он сам – неудачливый предшественник Карла Великого¹.

Выступление 619 г. являлось также первой для Италии засвидетельствованной попыткой узурпации власти экзархом за более чем три с половиной десятилетия существования данного института. В историографии уже отмечен факт, что приход к власти самого Ираклия служил в данном случае примером для подражания².

Стимулом к мятежу могли послужить новости из самой Византии: наверняка до Элефтерия доходили известия о продвижении войск Сасанидов вглубь Малой Азии и в Египет. В далёкой Италии и без того серьёзные успехи персов могли быть ещё более преувеличены, режим Ираклия мог казаться близким к падению. Дерзкому начинанию Элефтерия также благоприятствовал мир, заключенный им самим с лангобардами. Впрочем, удачно выбранный момент сам по себе не обеспечил успех всему предприятию. Примечательно, что палачом Элефтерия выступило его собственное войско, которое он сам три года назад привел к покорности императору.

Этот случай, наверное, заставил Ираклия более тщательно отнестись к выбору новых экзархов³. Впрочем, нам неизвестно точно, кто был сменщиком мятежного экзарха и сколько их было в следующие шесть лет⁴, однако продолжительное пребывание на своем посту экзарха Исаака

¹ *Бородин О.Р.* Византийская Италия в борьбе за независимость // Встречи с историей. Вып. 2. М., 1988. С. 16-24.

² *Kaegi W. E.* Heraclius: Emperor of Byzantium. P. 94.

³ В таком случае, предполагаемое Ш. Дилем назначение Ираклием своего верного соратника Никиты в качестве экзарха Африки (около 619 г.) находит аргумент в свою пользу (см. выше).

⁴ Им мог быть Грегорий.

(625/626-643/644 гг.) говорит о том, что Ираклий не ошибся в его кандидатуре.

Выбор императора в этот раз пал на опытного в военных делах человека. Согласно одной надписи, Исаак служил на Западе и на Востоке, и везде командовал войсками; есть даже предположение, что он мог быть дуксом или даже военным магистром Востока¹. Действительно, учитывая пробел в наших знаниях о стратигах Востока при Фоке и Ираклии, теоретически он мог служить на данной высокой должности.

В действиях Исаака можно даже разглядеть волю императора: считается, что конфискация папской казны экзархом (ок. 638-640 гг.) могла быть сделана по приказу Ираклия, остро нуждавшегося в финансах². Следовательно, Ираклий получил толкового и послушного³ (или, во всяком случае, лояльного) экзарха и обеспечил себе более-менее спокойную Италию во время решающего столкновения с персами и – позже – с арабами.

В целом же, поведение экзархов не было полностью подконтрольно императору. Отдаленность от центра, занятость императора войнами на Востоке сообщали экзархам большую самостоятельность. Поведение дукса Нумидии Петра означало, что власть императора над экзархами имела очевидные границы, и что он, император, не мог положиться в нужный момент на помощь своей своеобразной «вотчины» - т.е. провинции, которая, судя по всему, долгое время находилась под управлением его семьи и в которую он якобы даже хотел переехать в начале своего правления. Поэтому восстание экзарха Африки Григория в 647 г. в данном контексте не кажется удивительным. За несколько десятков лет до того, как Африка будет потеряна для Империи, она была потеряна для императора.

¹ PLRE. Vol. III. P. 720.

² Кулаковский Ю. А. Указ. соч. Т. 3. С. 130. Иного мнения У. Э. Кэги (*Kaegi W. E. Heraclius: Emperor of Byzantium. P. 273*).

³ У. Э. Кэги же, наоборот, считает, что Исаак «apparent claims to some parity with Heraclius» (*Kaegi W. E. Heraclius: Emperor of Byzantium. P.197*).

3.3. Проблема исчезновения военной знати магистратского типа и генезиса фемной знати

Итак, мы подошли к конечному хронологическому пункту нашего исследования. Пришла пора подвести итоги из вышеизложенного по каждому военному магистерии.

1) Презентальные магистры.

Пасхальная хроника под 626 г. называет Бона «магистром», что, по мнению авторов Просопографии Поздней Римской империи, означает презентального магистра¹. Если это не так, то последнее прямое упоминание о презентальном военном магистре принадлежит Феофилакту Симокатте и относится к 585 г. (см. выше о Коменитиоле).

2) Военный магистр Армении.

Более-менее достоверные данные о последних известных нам военных магистрах Армении относятся к концу правления Маврикия и раннему правлению Фоки (до начала войны с Персией). Затем армянские области были временно потеряны Византией, но вышеприведенное свидетельство о Юстине, командовавшем армянскими войсками в восточном войске Фоки, может означать сохранение поста военного магистра Армении и его походной группировки в составе восточной армии. Неизвестно ни одного точно установленного магистра для Армении при Ираклии.

Как писал Константин Багрянородный об армянской феме, «я полагаю, что она получила его (своё имя. – *Р.Б.*) во время императора Ираклия или в последующее»². Вполне возможно, что из устройства, данного Ираклием Армении, вскоре выросла фема. В таком случае, военный магистерий здесь просуществовал до начала VII в.

3) Военный магистр Востока.

¹ PLRE. T. III. P. 243.

² Constantinus Porphyrogenitus. De thematibus et de administrando imperio. Bonnae, 1840. P. 17-18. Использован перевод Г. Ласкина (Сочинения Константина Багрянородского: о фемах и о народах // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. № 1. М., 1899. С. 23-24).

Маврикиев «генерал» Нарзес является последним достоверным магистром Востока до начала потрясений VII в. Упоминаемые в источниках полководцы Фоки и Ираклия, сражавшиеся против персов и арабов, не названы военными магистрами и необязательно ими являлись; характер их полномочий мог носить и экстраординарный характер. Исключение составляет Феодор Трифурий, названный в «Бревиарии» Никифора именно стратигом Востока (см. выше). Он, по сути, является последним, кого можно рассматривать как военного магистра данной области. Упоминание о нем относится к 634 г., в начале войны с арабами. Можно предположить, что за время, прошедшее с момента победы над персами, Ираклий восстановил восточные магистерии, т.е. вернулся к традиционной, диоклетиано-константиновой модели, а вовсе не стал вводить фемы. Появление фем могло состояться, таким образом, только после потери Сирии и отступления византийских войск в Малую Азию.

4) Военный магистр Фракии.

Как уже было отмечено в историографии, первый стратиг Фракийской фемы впервые назван под 742 г., войско фемы существовало с 687 г.¹ С другой стороны, мы не располагаем сведениями о магистрах Фракии после Петра, т.е. после 602 г.² Сложно проследить и судьбу самой группировки. На этот счёт есть два кратких сообщения Феофана: о переводе Фокой войск из Европы в Азию против персов и Нарзеса (Theoph. AM 6096) и об истреблении римской армии к моменту прихода к власти Ираклия (Theoph. AM 6103), что может говорить о гибели и европейской группировки³.

В историографии также есть мнение, что европейские войска Византии были привлечены Ираклием для похода против персов и могли вернуться,

¹ Diehl Ch. L'origine du régime des thèmes dans l'empire byzantin // Diehl Ch. Études byzantines. Paris, 1905. P. 282, 284.

² См.: PLRE. Vol.III. P. 1501. При этом сам Петр именно как военный магистр Фракии – тоже лишь предположение.

³ Барийић Ф. Цар Фока (602—610) и подунавски аваро-словени...// Сборник радова... С. 27. Сам автор статьи доказывает необоснованность последнего сообщения Феофана.

если вернулись вообще, не ранее начала 630-х гг., но теперь уже другая, арабская, угроза вновь отвлекла их, и собственно Фракия оставалась без войск до 680-690-х гг.¹; она находилась под случайной защитой презентальных войск². Как же в таком случае быть с игемоном фракийских войск Марином, упоминаемым Никифором (Nic. Brev. 23)? Автор этой версии, Р.-И. Лили, не знает, как разрешить эту проблему, ссылаясь на неопределенность источника, но, тем не менее, ставит вопрос: не была ли это часть уже ранее переброшенных фракийских войск?³ Т.е. речь идёт о том, что помощь Египту была направлена не из далекой Фракии, а из более близкой Малой Азии. Как бы там ни было, свидетельство Никифора, относимое к 640 г., указывает на существование фракийской группировки как таковой, безотносительно её текущего месторасположения. Сам Марин может в таком случае рассматриваться как последний известный нам военный магистр Фракии⁴.

5) Военный магистр Иллирика.

Вероятно, в Иллирике в VII в. сохранились какая-то часть из тех 15 000 воинов, коими некогда располагал военный магистр Иллирика⁵. Но представителей этого магистерия, даже вероятных, составителям Просопографии Поздней римской империи неизвестно уже с 582 г.⁶ Однако, ещё Ш. Диль заметил, что в 680 г. упоминается префект претория Иллирика⁷. Остаётся повторить выводы Е. П. Глушанина: войска военного магистра активно перекидывались в Италию при Юстиниане I, что привело к

¹ *Lilie R.-J.* Thrakien und Thrakesion. Zur byzantinischen Provinzorganisation am Ende des 7. Jahrhunderts... S.27.

² *Haldon J.* Byzantium in the 7 century... Cambridge, 1993. P. 216.

³ *Lilie R.-J.* Op. cit. S.27, n. 92.

⁴ Или первым стратигом фемы Фракия. Г. Острогорский в качестве предположения относил первые шаги по созданию данной фемы к 630-м гг., ссылаясь как раз на упоминание Никифором Марина, пусть он там и не назван стратигом (*Ostrogorsky G.* The Byzantine Empire in the World of the Seventh Century // *Dumbarton Oaks Papers*. Vol. 13. 1959. P.7, n. 9.).

⁵ *Treadgold W.* Byzantium and Its Army, 284-1081. P. 73.

⁶ PLRE. T. 3. P. 1501.

⁷ *Diehl Ch.* Op. cit. P. 285.

ослаблению данного магистерия, префект претория постепенно сосредоточил в своих руках военную власть, а сама должность военного магистра исчезла¹.

Делая вывод сказанному в данной главе, стоит отметить:

1) У нас нет каких-либо фактов, позволяющих утверждать повсеместную ликвидацию института военного магистра ещё до образования фем. К сожалению, наиболее скудные данные приходится на период правления Фоки и Ираклия. Однако, отрывочные сведения о презентальном магистре или восточном стратиге свидетельствуют в пользу существования данного института при Ираклии.

2) Мы не располагаем никакими данными о сосуществовании военных магистериев и фем. Временной разрыв между последним упоминанием магистра определенной области и первым свидетельством о стратиге или войске фемы составляет как минимум несколько десятков лет, за исключением свидетельства о турмархе арменияков в 626 г. Эти данные мы для наглядности привели в таблице 1.

Таблица 1. Хронологическое сопоставление последних упоминаний предполагаемых военных магистров и первых свидетельств о фемах.

Военный магистерий/фема	Последнее упоминание военного магистра и магистерия, источник	Первое упоминание о феме
Восток/ <i>Ἀνατολικόν</i>	634 г. (Nic. Brev. 23)	690 г. (стратиг), 669 г. (войско)
Армения/ <i>Ἀρμενιакόν</i>	604 г.(?) (Sebeos, XX) или 610 г. (V. Theod. Syc., 152)	626 г. (турмарх), 653 г. (битрик Армениака), 667 (стратиг)
Презентальный/ <i>Ὁψικίου</i>	585 г. (Theoph. Sim. I 7.4), 626(?) г. (Chron. Pasch., 626-627)	711 г. (комит), войско (680 или 688 г.)
Фракия/ <i>Θράκης Θρακῶν</i>	640 г. (Nic. Brev. 24)	711 г. (турмарх), 742 г. (стратиг), 687 г. (войско)

¹ Глушанин Е. П. Указ. соч. С. 201-205.

В ходе тех потрясений, которые захлестнули Византию с момента прихода Фоки к власти, произошла известная внушительная территориальная передислокация походных группировок, а значит, сама магистратская модель уже не могла функционировать так, как прежде.

В условиях той катастрофичной ситуации, в которой оказалась Византия в первые десятилетия VII в., когда империя понесла большие территориальные и военные потери, уже не только система военных магистериев, но и практика стратегий-автократий уступила месту личному командованию императора в походе и на поле боя как наиболее эффективному средству управления.

Восстановлению института магистериев, очевидно, могли бы поспособствовать мир, наступивший после победы Ираклия над персами, и восстановление границ на Востоке, но арабы, как известно, не предоставили Империи большой передышки. Земельные потери Византии, а именно утрата территорий, на которых ранее располагались походные группировки военных магистров, стали одной из предпосылок для отмирания системы военных магистериев и перехода к фемному устройству.

3) Процесс ликвидации военных магистериев носил постепенный и конъюнктурный характер, и, аналогично, фемы не были образованы единовременно в нескольких регионах. В VII в. диоклетиано-константинова модель управления если и не функционировала, естественно, в полном объеме, то, во всяком случае, частично сохранялась (существование префектов претория, прежней системы провинций). Приобретение фемой смысла территориально-административной единицы относится к более поздней, чем VII в., эпохе.

4) Угасание и полное исчезновение института военных магистров следует относить к VII в. Этот процесс был связан с изменениями, произошедшими в Империи под натиском внешних врагов: с переходом к новой практике комплектования армии — поселению солдат на земле.

Подобная практика берёт своё начало если не при Ираклии, то определенно уже при его преемниках.

5) В силу недостатка источников трудно определить различия (объем полномочий, правовой статус, продолжительность пребывания на посту) между стратигами VII в., командовавшими фемами (=войсками), и «классическими» военными магистрами IV-VI вв. Резонно предположить, что приобретение фемными стратигами всё большей власти носило постепенный характер; следовательно, фемная знать периода VIII-IX вв., очевидно, имела ещё мало общего с командующими VII в., поставленными во главе поселённых в определенной области (т.е. фемных) войск.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К основным выводам данного исследования нужно отнести следующее.

Для затронутого нами периода при рассмотрении военной знати оказалось недостаточно рамок одной только магистратской модели в силу начавшегося упадка данного позднеантичного института. Рассмотрение военной знати только в рамках магистратской модели привело бы выпадению из поля зрения двух других категорий: экстраординарных командующих (стратиггов-автократоров) и экзархов.

Упадок института военных магистров выражался в полном прекращении существования или в периодическом отсутствии походных группировок ряда военных магистериев, что вело к количественному сокращению самой военной знати магистратского типа, а также в увеличении продолжительности пребывания военных магистров на своём посту, что было характерно и для предшествующей эпохи — правления Юстиниана I.

Расширение практики стратиггий-автократий и появление экзархатов свидетельствовало о том, что прежняя модель функционирования Империи, заложенная Диоклетианом и Константином, уже не отвечала в должной мере новым вызовам и реалиям второй половины VI в., когда для таких отдаленных территорий, как Африка и Италия, возникла потребность в сильном и авторитетном управленце, каким «обычный» военный магистр в рамках упомянутой модели быть, разумеется, не мог.

Касаясь роли военной элиты в политической жизни страны, следует отметить тот факт, что в приходе к власти всех затронутых нами императоров (от Юстина II до Ираклия) были задействованы разные политические силы, но ни в одном из этих случаев военная знать не сыграла определяющей роли.

Успешная передача власти Юстином II Тиберию и Тиберием Маврикию свидетельствовала о силе императорской власти в плане

обеспечения престолонаследия в условиях отсутствия определенного порядка престолонаследия; восшествия на престол Юстина и Тиберия означали политическое поражение их соперников, представителей военной элиты (Юстина и Юстиниана соответственно); в приходе к власти Фоки и Ираклия военная знать также не стала решающей силой.

Участие военной знати в принятии каких-либо важных политических решений не прослеживается; лишь иногда мы наблюдаем отказ того или иного командующего провести в жизнь императорский указ или просто подчиниться (случаи с зятем Маврикия Филиппиком и братом Петром, дуксом Нумидии Петром).

Политическая слабость военной знати магистратского типа наглядно вскрылась при восшествии Юстина II на престол (политическое поражение его соперника полководца Юстина), в неудачных попытках свергнуть императора Тиберия со стороны представителя военной знати Юстиниана, а также в печальной участи маврикиева магистра Нарзеса, который после прихода к власти Фоки организовал против него борьбу.

Причины политической слабости военной знати кроются в её ещё во многом магистратском характере, жестко задававшем рамки полномочий магистров и способствующем постоянному обновлению знати, в отсутствии рычагов влияния в плане достаточной военной силы (личных войск), в отсутствии целостности самой знати как социальной группы, в разнородности её политических взглядов (что прослеживается, например, в разном отношении Приска и Нарзеса к узурпации власти Фокой).

В отличие от военной знати магистратского типа, экзархи изначально, в силу больших по сравнению с магистрами полномочий, обладали соответственно большими возможностями влияния на политическую жизнь. Отдаленность экзархатов от столицы неминуемо вела к ослаблению контроля за ними со стороны императорской власти.

В таких условиях осознание экзархами своего политического потенциала и их выступление в качестве политических игроков,

вмешательство в политическую жизнь страны были вопросом времени. От момента образования африканского экзархата до момента прихода к власти Ираклия прошло менее трёх десятков лет.

Анализ военных карьер представителей военной знати позволяет сделать вывод о развитии практики назначений императорами на ответственные посты своих родственников и людей из ближайшего окружения. Критерии военной компетентности и опытности отходили при этом на второй план.

Логика подобной кадровой политики может быть объяснена желанием императоров доверить войска исключительно благонадежным лицам. Нельзя сказать, что такие командующие были начисто лишены военного дара и не могли справиться с возложенными на них задачами. Но востребованность опытных военных наступала в особо тяжелых ситуациях: так, например, Ираклий, пробуя в качестве военачальников своих родственников, счёл нужным привлечь также маврикиевых полководцев.

Карьера военного магистра или экзарха, как правило, ограничивалась правлением одного императора: тенденция смены военной элиты при каждом новом императоре, как уже было отмечено выше, проявляется в рассматриваемый период довольно стабильно. Военные карьеры, подобные тем, которые сделали Приск и Филиппик, являются в данном отношении нетипичными.

Говоря об институте военных магистров, нельзя не упомянуть проблему корректного соотнесения упоминаемых в источниках командующих именно с теми военными магистрами, кто возглавлял какой-либо магистерий (в противном случае магистратский подход потерял бы смысл).

Специально проведенный анализ формулировок, которые грекоязычные источники использовали для передачи латинского термина «военный магистр», позволяет говорить о том, что специального эквивалента на греческом языке не было, каждый автор использовал разные варианты.

Это обстоятельство потребовало большей осторожности в определении круга военных магистров и специального разбора каждой конкретной формулировки, данной источниками тому или иному командующему.

Несмотря на вышеозначенные трудности, функционирование института военных магистериев прослеживается в источниках вплоть до начала правления Фоки.

Период правлений Фоки и Ираклия освещен в источниках неимоверно хуже сравнительно с последней третью VI в., поэтому до сих пор достаточно сложным является вопрос о времени появления фемной знати и окончательного отмирания военных магистериев.

Можно утверждать, что исчезновение военной знати магистратского типа произошло в VII в., это был постепенный процесс, связанный с изменениями в территориальной и военной структуре Империи.

В отличие от магистериев, образованные при Маврикии экзархаты пережили потрясения первой половины VI в. и вместе с зарождающимися федами стали институциональной основой для появления нового типа знати.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. Catalogue of Byzantine seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of art / Ed. by N. Oikonomides, J. Nesbitt. Washington, D.C., 1991–2009. Vol. 1-6.
2. The Chronicle of John, Bishop of Nikiu / transl. by R.H. Charles. London: Williams & Morgate, 1916.
3. Chronicon Paschale / Rec. L. Dindorf. Vol. I. Bonnae: Weber, 1832. 599 p.
4. Chronicon Paschale 284—628 AD / Translated with notes and introduction by Michael and Mary Whitby. Liverpool: Liverpool University Press, 1989. 403 p.
5. Chronique de Michel le Syrien / traduction par J.-B. Chabot. T. II. Paris, 1901. 547 p.
6. Chronique de Michel le Grand, patriarche des Syriens Jacobites, traduite par Victor Langlois. Venice, 1868. 399 p.
7. Chronique de Jean, évêque de Nikiou / texte éthiopien publié et traduit par H. Zotenberg. Paris, 1883. 484 p.
8. Constantini Porphyrogeniti imperatoris De ceremoniis aulae Byzantitae libri duo / Rec. I. I. Reiske. Bonnae: Impensis Ed. Weberi, 1829-1830. T. I-II.
9. Constantino Porfirogenito De thematibus / Rec. I. Bekkerus // CSHB. Vol. XVIII. Bonnae: Impensis Ed. Weberi, 1834. P. 11-64.
10. Corippi Africani Grammatici libri qui supersunt / Rec. I. Partsch. B., 1879. XX, 150 p.
11. Evagrius Scholasticus. Ecclesiastical History / Ed. by J. Bidez and L. Parmentier. London, 1898. 286 p.
12. Ioanni Antiocheni Fragmenta // FHG. T. IV. P. 535—622; T. V. P. 27—39.

13. Ioannes Ephesinus. *Historia ecclesiastica pars tertia* / Ed. E.W. Brooks. P., 1835.
14. Ioannes Epiphaniensis // *Fragmenta historicorum graecorum*. Bd. 4. Paris, 1851. P. 272–276.
15. Ioannes Lydus. *De Magistratibus Populi Romani Libri Tres* // CSHB. Vol. XXIX. Bonnae: Weber, 1837. 611 p.
16. Ioannis Malalae *Chronographia* / Rec. L. Dindorfii // CFHB. Vol. XXXII. Bonnae: Impensis Ed. Weberi, 1831. 799 p.
17. Ioannis Zonarae *Epitomae historiarum libri XIII-XVIII* / Ed. Th. Büttner-Wobst // CSHB. Vol. XLIX. Bonnae: Impensis Ed. Weberi, 1897. T. III. 933 p.
18. Georgii Monachi *Chronicon* / editit C. De Boor. Lipsiae, 1904. 212 p.
19. Joelis *Chronographia compendiaria* / Rec. I. Bekkerus. Bonnae: Impensis Ed. Weberi, 1836. 222 p.
20. *Jus graeco-romanum* / Ed. C.E. Zachariae von Lingenthal. Lipsiae: T. O. Weigel. T. III: *Novellae constitutiones imperatorum post Justinianum quae supersunt collatae et ordine chronologico digestae*. 1857. XXXIV, 748 p.
21. *Laurent V*. *Le corpus des sceaux de l'Empire byzantin*. T. V. Part 1-3: *L'Eglise*. Paris, 1963–1972; T. II: *L'administration centrale*. Paris, 1981. 542 p.
22. Marcellini Comitis *Chronicon* / Ed. Th. Mommsen // MGH. AA. T. XI. P. 37—108.
23. *Martindale J. R.* *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. II-III. Cambridge, 1980—1992.
24. Menandri Protectoris *Historia* // *Fragmenta historicorum graecorum* / Ed. C. Müller. T. IV. P., 1880. P. 200—269.
25. Nicephori Callisti Xanthopuli *ecclesiasticae historiae libri XVIII* // *Patrologia Graeca*. T. 145-147. Paris, 1865.
26. Nikephoros, patriarch of Constantinople short history / Text, transl., and comment. by C. Mango // CFHB. Vol. XIII. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies, 1990. 247 p.

27. Paulus Diaconus. *Historia Langobardorum*: [сайт]. URL: <http://www.thelatinlibrary.com/pauldeacon.html> (дата обращения: 22.04.2014).
28. Procopius / Rec. G. Dindorfius // CSHB. Vol. XL-XLII. Bonnae: Impensis Ed. Weberi, 1833–1838. T. I-III.
29. Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit. Erste Abteilung (641–867) / Hrsg. von der Berlin-Brandenburgischen Akademie der Wissenschaften, nach Vorarbeiten F. Winkelmanns erstellt von R.-J. Lilie, Cl. Ludwig, Th. Pratsch, I. Rochow u. a. Berlin; New York, 1998–2002. Prolegomena, Bd. I-VI.
30. Strategikon des Maurikios // Einführung, Edition und Indices von G.T. Dennis; Übersetzung von E. Gamillscheg // CF B. Vol. XVII. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1981. 557 p.
31. Suidae Lexicon / Rec. I. Bekkeri. Berolini: Impensis G. Reimeri, 1854. 1158 p.
32. Theophanis Chronographia / ex recensione Ioannis Classeni. Vol. 1-2. Bonnae: Impensis E. Weberi, 1839-1841.
33. Teophylacti Simocattae Historiarum libri VIII / Recognovit I. Bekkerus // CSHB. Vol. XLVI. Bonnae: Impensis Ed. Weberi, 1834. 568 p.
34. Three Byzantine military treatises / Text, transl., and notes by G.T. Dennis // CFHB. Vol. XXV. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks, Research Library and Collection, 1985. 380 p.
35. *Whitby, Michael and Mary*. The History of Theophylact Simocatta. Oxford: Clarendon Press, 1986. XXX, 258 p.
36. Агафий Миринейский. О царствовании Юстиниана / Перевод с греч. М.В. Левченко. М.-Л.: Изд-во АН. 1953. 219 с.
37. Агапий Манбиджский. [Отрывки] // *Розен В. Р.* Заметки о летописи Агапия Манбиджского // Журнал Министерства Народного просвещения. СПб., 1884, янв., 2, 231. С. 47-75.
38. Византийские историки. Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец / Переведено

с греческого Спиридоном Дестунисом. Примечания Гавриила Дестуниса. СПб.: Тип. Л. Демиса, 1860. 584 с.

39. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора / Тексты, пер., коммент. И. С. Чичуров. М.: Наука, 1980. 216 с.

40. Григорий Турский. История франков / Подготовка В. Д. Савуковой. М.: Наука, 1987. 463 с.

41. ад-Динавари. Книга длинных преданий / Пер. с араб. А. Шагиняна // *Шагинян А. К.* Армения накануне арабских завоеваний и в период формирования провинции "Арминия", конец VI - начало VIII вв. : дис. ... канд. истор. наук: 07.00.03 / А. К. Шагинян. СПб., 2002. С. 136-148.

42. Евагрий Схоластик. Церковная история / Перев. СПб. Духовной Академии, пересмотрен и исправлен В. В. Серповой; примеч.: А. М. Калинин: Экономическое образование, 1997. 346 с.

43. Житие преподобного отца нашего Феодора, архимандрита Сикеонского, написанное Георгием, учеником его и игуменом той же обители / Перевод с греческого, предисловие и комментарий Д. Е. Афиногенова. М.: Индрик, 2005. 184 с.

44. Из анонимной сирийской хроники 1234 г. / пер. Н.В. Пигулевской // *Пигулевская Н.В.* Византия и Иран на рубеже VI-VII веков. М., 1946. С. 252-289.

45. История Иоанна Епифанийского // История Льва Диакона Калойского и другие сочинения византийских писателей / Пер. с греч. Д. Попова. СПб.: ИАН, 1820. С. 167–172.

46. Из «Истории» Иоанна Ефесского / пер. Н.В. Пигулевской // *Пигулевская Н. В.* Арабы у границ Византии и Ирана в IV—VI вв. М.; Л., 1964. С. 287—313.

47. ал-Йа'куби. История ал-Йа'куби / Пер. с араб. А. Шагиняна // *Шагинян А. К.* Армения накануне арабских завоеваний и в период

формирования провинции "Арминия", конец VI - начало VIII вв.: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.03 / А. К. Шагинян. СПб., 2002. С. 133-136.

48. Киракос Гандзакечи. История Армении / Пер. со среднеарм. и прим. Л. А. Ханларян. М.: Наука, 1976. 357 с.

49. Никифора, патриарха Константинопольского, Краткая история со времени после царствования Маврикия / пер. с греч. и коммент. Е. Э. Липшиц // ВВ. Т. 3. 1950. С. 349-387.

50. Павел Диакон. История лангобардов / пер. с лат. Т. И. Кузнецовой // Средневековая латинская литература IV-IX вв. М. 1970. С. 243-256. [сайт]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus/Diakon_P/pred.phtml?id=1049 (дата обращения: 25.08.2014).

51. Прокопий из Кесарии. Война с готами / перевод с греч. С. П. Кондратьева. М.: Изд-во АН СССР, 1950. 513 с.

52. Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Перевод, вступительная статья, комментарии А. А. Чекаловой. СПб.: Алетейя, 1998. 544 с.

53. Себеос. История императора Иракла / пер. с древнеармянского К. Патканьяна. СПб, 1862. 226 с.

54. Сочинения Константина Багрянородского: о фемах и о народах / Перевод Г. Ласкина // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских. № 1. М., 1899.

55. Степанова Е.В. Печати с латинскими и греко-латинскими надписями VI-VIII вв. из собрания Эрмитажа. СПб., 2006. 256 с.

56. Степанос Таронеци (Таронский) (Асохик). Всеобщая история / Пер. с арм. Н. Эмина. М., 1864. 340 с.

57. Стратегикон Маврикия / пер. и коммент. В. В. Кучмы. СПб.: Алетейя, 2004. 256 с.

58. ат-Табари. История пророков и царей / Пер. с араб. А. Шагиняна // Шагинян А. К. Армения накануне арабских завоеваний и в период

формирования провинции "Арминия", конец VI - начало VIII вв.: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.03 / А. К. Шагинян. СПб., 2002. С.127-132.

59. Товма Арцруни. История рода Арцруни / Пер. с др. арм. (в сокращении) А. Шагиняна // *Шагинян А. К.* Армения накануне арабских завоеваний и в период формирования провинции "Арминия", конец VI - начало VIII вв.: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.03 / А. К. Шагинян. СПб., 2002. С. 157-159.

60. Феофан. Летопись византийца Феофана, от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта / Перевод с греч. В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского. Предисловие О.М. Бодянского. М.: Унив. тип., 1884. 284 с.

61. Феофилакт Симокатта. История / Перевод с греч. С. П. Кондратьева. М.: Арктос, 1996. 272 с.

62. Хроника Захарии Ритора / перевод с сирийского Н.В. Пигулевской // *Пигулевская Н. В.* Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 149—167.

Исследования

1. *Адонц Н.* Армения в эпоху Юстиниана. СПб., 1908. XIV, 526 с.

2. *Афиногенов Д. Е.* Император Фока – фракиец или каппадокиец? // Житие преподобного отца нашего Феодора, архимандрита Сикеонского, написанное Георгием, учеником его и игуменом той же обители / Перевод с греческого, предисловие и комментарий Д. Е. Афиногенова. М.: Индрик, 2005. С. 167-172.

3. *Баршшій Ф.* Цар Фока (602—610) и подунавски аваро-словени // ЗРВИ. 1956. Т. 4. С. 73-86.

4. *Баршшій Ф.* Византиски Сингидунум // ЗРВИ. 1954. Т. 3. С. 1-13.

5. *Большаков О. Г.* История Халифата. СПб.: Гуманистика, 2006. 600 с.

6. *Бородин О. Р.* Равеннский экзархат. Византийцы в Италии. СПб.: Алетейя, 2001. 476 с.

7. *Бородин О. Р.* Византийская Италия в VI—VIII веках (Равеннский экзархат и Пентаполь). Барнаул: День, 1991. 366 с.
8. *Бородин О. Р.* Эволюция войска в Византийской Италии в VI-VIII вв. (военно-организационный аспект) // ВВ. Т. 46. 1986. С. 124-138.
9. *Гийу А.* Византийская цивилизация / Пер. с франц. Д. Лоевского. Предисл. Р. Блока. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 552 с.
10. *Глушанин Е. П.* Военная знать ранней Византии. Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1991. 245 с.
11. *Глушанин Е. П.* Военно-государственное землевладение в ранней Византии (к вопросу о генезисе фемного строя) // Византийский временник. Т. 50. С. 14-25.
12. *Глушанин Е. П.* Военные реформы Диоклетиана и Константина Великого // Вестник древней истории. 1987. № 2. С.54-73.
13. *Глушанин Е. П.* Генезис и позднеантичные особенности ранневизантийской армии IV - начала V вв.: дис. ... канд. истор. наук: 07.00.03 / Е. П.Глушанин. Л., 1984. 231 с.
14. *Диль Ш.* История Византийской империи. М.: Иностранная литература, 1948. 468 с.
15. *Диль Ш.* Юстиниан и византийская цивилизация в VI веке. СПб.: типография Альтшулера, 1908. 741 с.
16. *Дюма Ж.* Об изучении элит в современной историографии // Французский ежегодник 2001. М., 2001: [сайт]. URL: <http://annuaire-fr.narod.ru/statji/Duma-2001.html> (дата обращения: 23.04.2014)
17. *Жаворонков П. И.* Состав и эволюция высшей знати Никейской империи: элита // Византийские очерки. 1991. С. 83—90.
18. *Золотовский В. А.* Высший командный состав византийской армии при первых Палеологах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. 2009. №1 (15). С. 35—44.
19. История Византии / Отв. ред. С.Д. Сказкин. М.: Наука, 1967. Т. 1-3.

20. *Конаев Е. Н.* Правящая элита в системе общественных отношений // Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. №7 (113) июль. С. 57-60.
21. *Кулаковский Ю. А.* История Византии: В 3 т. СПб., 1913-1915.
22. *Кучма В. В.* Византийские военные трактаты VI-X вв. как исторический источник // ВВ. 1979. Т. 40. С. 49—75.
23. *Кучма В. В.* Военная организация Византийской империи. СПб.: Алетейя, 2001. 426 с.
24. *Ласкин Г. А.* Ираклий. Византийское государство в первой половине седьмого века. Харьков: Тип. Губернского правления, 1889. 160 с.
25. *Липищ Е. Э.* Никифор и его исторический труд // ВВ. Т.3 1950. С. 85—105.
26. *Логинова О. А.* Методологические проблемы изучения элит в классической и неклассической социологической традиции // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 2. С. 98-101.
27. *Люттвак Э. Н.* Стратегия Византийской империи / Пер. с англ. А. Н. Ковалю. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. 664 с.
28. *Максимовић Љ.* Северни Илирик у VI веку // ЗРВИ. 1980. № 19. С. 17—57.
29. *Мохов А. С.* Командный состав византийской армии в правление Константина VIII // Античная древность и средние века. Вып. 28. 1997. С. 19—33.
30. *Мохов А. С.* Командный состав византийской армии в 1055—1057 гг. // Античная древность и средние века. Вып. 33. 2002. С. 109—121.
31. *Мохов А. С.* Высший командный состав византийской армии в XI в.: стратилаты Востока и Запада // Российское византиноведение: Традиции и перспективы. Тез. докл. XIX Всерос. науч. сессии византинистов (Москва, 27-29 января 2011 г.). М.: Изд-во Московского ун-та, 2011. С. 159-162.

32. *Мохов А. С.* Византийская армия в середине VIII – середине XI в.: развитие военно-административных структур: дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.03 / А. С. Мохов. Екатеринбург, 2013. 510 с.
33. *Осарес Ф.* Византийская армия в конце VI века (по «Стратегикону» императора Маврикия). СПб.: Евразия, 2007. 142 с.
34. *Острогорский Г. А.* История Византийского государства / пер. с нем. М.: Сибирская Благозвонница, 2011. 895 с.
35. *Пигулевская Н. В.* Византия и Иран на рубеже VI и VII веков. М.-Л.: АН СССР, 1946. 293 с.
36. Просопография: [сайт]. URL: <http://teachers-1930.narod.ru/prosopography.html> (дата обращения: 23.04.2014)
37. *Серов В. В.* Финансовая политика императоров Ранней Византии в VI веке: дис. ... д-ра истор. наук: 07.00.03 / В. В. Серов. Барнаул, 2009. 686 с.
38. *Серов В. В.* Финансовая политика Юстиниана Великого. Новосибирск: Наука; Барнаул: Азбука, 2011. 375 с.
39. *Серов В. В.* «Стратегикон» и военные «заботы» императора Маврикия // ПОЛЕМОЛОГОС: сборник статей памяти профессора В.В. Кучмы / Волгогр. гос. ун-т, Ин-т философии, социологии и права, Ин-т истории, междунар. отношений и соц. технологий, Каф. археологии и зарубеж. истории [и др.: отв. ред.: Н.Д. Барабанов]. Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета (ВолГУ), 2012. С. 16-30.
40. *Удальцова З. В.* Италия и Византия в VI в. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 543 с.
41. *Удальцова З. В.* Еще раз о стратегиконе Псевдо-Маврикия // СВ. 1969. Т. 32. С. 61—76.
42. *Урчукова С. Р.* Роль национальной политической элиты в модернизации современного российского общества (на примере Карачаево-Черкесской республики): автореф. дис. ... канд. полит. наук. Астрахань, 2010. 20 с.

43. Чекалова А. А. Патрикиат в ранней Византии // ВВ. Т. 57. 1997. С. 32–44.
44. Чекалова А.А. Архонты и сенаторы в избрании византийского императора (IV - первая половина VII в.) // ВВ. Т. 62. 2003. С. 6-20.
45. Чекалова А. А. Представления о знатности в Византии IV – первой половины V в. // ВВ. Т. 51. 1990. С. 32–44.
46. Чекалова А. А. Эволюция представлений о знатности в Византии второй половины V – VI в. // ВВ. Т. 52. 1991. С. 57–69.
47. Чореф М.М. Семейная хроника Филиппиков или к вопросу об источниках "Хронографии" Феофана Исповедника // Армяне Украины: вчера, сегодня, завтра. II Международная научно-практическая конференция. Сборник тезисов конференции. Старый Крым, 2009. С. 50-53.
48. Хэлдон Дж. История византийских войн / Пер. с англ. М. А. Карпунина, С. С. Луговского. М.: Вече, 2007. 482 с.
49. Шувалов П. В. Урбикий и «Стратегикон» Псевдо-Маврикия (часть 1) // ВВ. Т. 61. 2005. С. 71—87.
50. Шувалов П. В. Секрет армии Юстиниана: восточно-римская армия в 491—641 гг. СПб., 2006. 304 с.
51. Bavant B. Le duché byzantin de Rome. Origine, durée et extension géographique // Mélanges de l'Ecole française de Rome. Moyen-Age, Temps modernes. 1979. Vol. 91. № 91-1. P. 41-88.
52. Baynes N. H. The emperor Heraclius and the military theme system // The English Historical Review. Vol. 67. No. 264. Jul., 1952. P. 380-381.
53. Boak A. E. R. The Roman Magistri in the Civil and Military Service of the Empire // Harvard Studies in Classical Philology. Vol. 26. 1915. P. 73-164.
54. Borri F. Duces e magistri militum nell'Italia esarcale (VI-VIII secolo) // Reti Medievali Rivista. № 6. 2005. P. 1-46.
55. Bury J. B. History of the Later Roman Empire from the Death of Theodosius I to the Death of Justinian. Vol. I-II. N.Y.: Dover Publications Inc., 1958.

56. Cambridge history of the Byzantine Empire c. 500–1492 / Ed. by J. Shepard. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2008. 1207 p.
57. *Cheyne J.-C.* L'aristocratie byzantine (VIIIe - XIIIe siècle) // Journal des savants. 2000. T. 2. № 2. P. 281-322.
58. *Cheyne J.-C.* La place des catépans d'Italie dans la hiérarchie militaire et sociale de Byzance // Νέα Ῥώμη. Rivista di ricerche bizantinistiche. №4. 2007. P. 143—161.
59. *Conant J.* Staying Roman: Conquest and Identity in Africa and the Mediterranean, 439–700. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 456 p.
60. *Dain A.* Les stratégistes byzantins // Travaux et Mémoires. 1967. Vol. 2. P. 317-392.
61. *Darko E.* La militarizzazione dell'impero Bizantino // Studi bizantini e neoellenici. Vol. V. 1939. P. 88—99.
62. *Darko E.* Die militärischen Reformen des Kaisers Herakleios // Известия / Български археологически институт. Т.9. С. 110-116.
63. *Diehl Ch.* L'Afrique byzantine, histoire de la domination byzantine en Afrique (533-709). Paris: Leroux, 1896. XV, 644 p.
64. *Diehl Ch.* L'origine du régime des thèmes dans l'empire byzantin // Diehl Ch. Études byzantines. Paris, 1905. P. 276-292.
65. *Diehl Ch.* Etudes sur l'administration byzantine dans l'exarchat de Ravenne (568-751). Paris, 1888. 421 p.
66. *Dölger F.* Zur Ableitung des byzantinischen Verwaltungsterminus θέμα // Historia. Zeitschrift für Alte Geschichte. Stuttgart, 1955. Bd. 4. Heft 2-3. S. 189-198.
67. *Drapeyron L.* L'empereur Héraclius et l'empire byzantin au VIIe siècle. Paris, E. Thorin, 1869. 344 p.
68. *Duval Y.* Le patrice Pierre, exarque d'Afrique? // Antiquités africaines. Vol. 5. 1971. P. 209-214.
69. *Duval N.* Inscriptions byzantines de Sbeitla (Tunisie), III // Mélanges de l'Ecole française de Rome. Antiquité. T. 83. №2. 1971. P. 423-443.

70. *Durliat J.* Armée et société vers 600. Le problème de soldes // L'armée romaine et les Barbares du IIIe au VIIe siècle / Ed. F. Vallet, M. Kazanski. Paris, 1993. P. 31-38.
71. *Durliat J.* Les dédicaces d'ouvrages de défense dans l'Afrique byzantine. Rome: Ecole française de Rome, 1981. XVII, 123 p.
72. *Durliat J.* Magister militum - ΣΤΡΑΤΗΛΑΤΗΣ dans l'Empire Byzantin (VIe-VIIe siècles) // BZ. Bd. 72. 1979. P. 306-320.
73. *Efi R.* The Geography of the Provincial Administration of the Byzantine Empire (Ca 600-1200): I. 1. The Apothekai of Asia Minor (7th-8th C.) // Byzantina Symmeikta. № 19. 2009. P. 195-243.
74. *Efi R.* The Geography of the Provincial Administration of the Byzantine Empire (ca. 600-1200), I.2: Apothekai of the Balkans and of the Islands of the Aegean Sea (7th-8th c.) // Byzantinoslavica. 2011. T. 69. P. 86-113.
75. *Elton H.* Army and Battle in the Age of Justinian // A Companion to the Roman Army. Oxford, 2007. P. 532-550.
76. *Ensslin W.* Der Kaiser Herakleios und die Themenverfassung // BZ. 1953. Bd. 46. S. 362-368.
77. *Garland L.* Byzantine Empresses: Women and Power in Byzantium, A. D. 527-1204. London: Routledge, 1999. VII, 343 p.
78. *Gasco J.* L'institution des bucellaires // Bulletin de l'institut français d'archéologie orientale. 1976. P. 143-156.
79. *Gelzer H.* Die Genesis der byzantinischen Themenverfassung. Leipzig : B.G. Teubner, 1899. 133 p.
80. *Goubert P. S. J.* Autour de la révolution de 602 // Orientalia Christiana Periodica. 1967. Vol. XXXIII. P. 604-619.
81. *Goubert P. S. J.* Byzance avant l'Islam. T. I. Byzance et l'Orient sous les successeurs de Justinien. L'empereur Maurice. Paris: A. et J. Picard, 1951. 335 p.

82. *Goubert P. S. J.* L'administration de l'Espagne byzantine: I. Les Gouverneurs de l'Espagne byzantine // *Études byzantines*. 1945. Vol. 3. № 3. P. 127-142.
83. *Greatrex G., Lieu S. N. C.* The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars. T.II: AD 363-630. London, 2002. 373 p.
84. *Grosse R.E.* Römische Militärgeschichte von Gallienus bis zum Beginn der byzantinischen Themenverfassung. Berlin, 1920. 346 p.
85. *Guilland R.* Les termes désignant le commandant en chef des armées byzantines // *Guilland R. Recherches sur les institutions byzantines*. Vol. I. Berlin-Amsterdam, 1967. P. 380–404.
86. *Jones A. H. M.* The Later Roman Empire 284—602. A Social, Economic and Administrative Survey. V. 3. Oxford, 1964. 644 p.
87. *Haldon J. F.* Warfare, State and Society in the Byzantine World, 565—1204. L.: UCL Press, 1999. X, 389 p.
88. *Haldon J. F.* Byzantine Praetorians. An Administrative, Institutional and Social Survey of the Opsikion and Tagmata, c. 580—900. Bonn: Dr. Rudolf Habelt GMBH, 1984. 263 p.
89. *Haldon J. F.* Byzantium in the Seventh Century: The Transformation of a Culture. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 486 p.
90. *Haldon J. F.* Recruitment and Conscription in the Byzantine Army c. 550-950: a study on the origins of the stratotika ktemata. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1979. 84 p.
91. *Haldon J. F.* State, Army and Society in Byzantium: Approaches to military, social and administrative history, 6th-12th centuries. UK, Variorum, 1995.
92. *Hartmann L. M.* Untersuchungen zur Geschichte der byzantinischen Verwaltung in Italien (540—750). Leipzig, 1889. 182 s.
93. *Higgins R. M. J.* The Persian War of the Emperor Maurice (582—602): A Dissertation submitted ... for the degree of Doctor of Philosophy. Washington (D.C.), 1939. 547 p.

94. *Hendy M. F.* Studies in the Byzantine Monetary Economy c. 300–1450. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
95. *Hodgkin T.* Italy and Her Invaders. Vol. 5. The Lombard invasion: 553-600. Oxford: Clarendon press, 1895. 484 p.
96. *Howard-Johnston J. D.* East Rome, Sasanian Persia and the end of antiquity: historiographical and historical studies. Aldershot: Ashgate Publishing, Ltd., 2006. 318 p.
97. *Kaegi W. E.* Byzantine Military Unrest 471-843. An Interpretation. Amsterdam: Hakkert, 1981. 373 p.
98. *Kaegi W. E.* Byzantium and the early Islamic conquests. Cambridge, 1993. XIV, 313 p.
99. *Kaegi W. E.* Muslim Expansion and Byzantine Collapse in North Africa. New York: Cambridge University Press, 2010. 345 p.
100. *Kaegi W. E.* Heraclius: Emperor of Byzantium. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 372 p.
101. *Kaegi W. E.* Some Reconsideration on the Themes: Seventh-Ninth Centuries // JÖB. 1967. Vol. 16. P. 39-53.
102. *Kaegi W. E.* Two Notes on Heraclius // Revue des études byzantines. 1979. T. 37. P. 221-227.
103. *Kaegi W. E.* New evidence on the early reign of Heraclius // BZ. Bd. 66. 1973. P. 308-330.
104. *Kaegi W. E.* Two studies in the continuity of late Roman and Byzantine military institutions // Byzantinische Forschungen. Bd.8. 1982. S. 87-113.
105. *Karayannopulos J.* Über die vermeintliche Reformtätigkeit des Kaisers Herakleios // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinischen Gesellschaft. 1961. Bd. 10. S. 53-72.
106. *Κυριακίδης Στρίλων Π.* Ο τίτλος του στρατηλάτου // βυζαντιναι μελεται: V συμμεικτα. Εν θεσσαλονίκη: χ.ο., 1939. Σ. 553–557.
107. *Labuda G.* Chronologie des guerres de Byzance contre les Avars et les Slaves à la fin du VIe siècle // Byzantinoslavica. T.11. 1950. P. 167-173.

108. *Lécrivain Ch.* Les Soldats privés au Bas-Empire / Études sur le Bas-Empire // Mélanges d'archéologie et d'histoire. T. 10. 1890. P. 253-283.
109. *Lilie R.-J.* Die zweihundertjährige Reform. Zu den Anfängen der Themenorganisation im 7. und 8. Jahrhundert // BS. 1984. T. XLV. Fasc. 1. S. 27-39; Fasc. 2. S. 190-201.
110. *Lilie R.-J.* „Thrakien“ und „Thrakesion“. Zur byzantinischen Provinzorganisation am Ende des 7. Jahrhunderts // JÖB. 1977. Bd. 26. S. 7-47.
111. *Maspero J.* Φοιδερᾶτοι et Στρατῶται dans l'armée Byzantine au VIe siècle // BZ. Bd. 21. 1912. P. 97-109.
112. *Nichanian M., Prigent V.* Les stratèges de Sicile. De la naissance du thème au règne de Léon V // Revue des études byzantines. T. 61. 2003. P. 97-141.
113. *Oikonomidès N.* Les premières mentions des thèmes dans le chronique de Théophane // ЗРВИ. 1975. Кн. XVI. P. 2-8.
114. *Ostrogorsky G.* The Byzantine Empire in the World of the Seventh Century // DOP. Vol. 13. 1959. P. 1-21.
115. *Ostrogorsky G.* Die Entstehung der Themenverfassung // Ostrogorsky G. Zur Byzantinischen Geschichte. Darmstadt, 1973. P. 72-79.
116. *Ostrogorsky G.* Sur la date de la composition du Livre des Thèmes et sur l'époque de la constitution des premiers thèmes d'Asie mineure. À propos de la nouvelle édition du «De thematibus» de A. Pertusi // Byz. 1953. T. XXIII. P. 31-66.
117. *Preiser-Kapeller J.* Magister militum per Armeniam - Ho ton Armeniakon Strategos. Überlegungen zum armenischen Kommando im 6. und 7. Jahrhundert // Wiener Byzantinistik und Neogräzistik. Vienna, 2004. P. 348-365.
118. Oxford Dictionary of Byzantium / Ed. A.P. Kazhdan, A.-M. Talbot, A. Cutler, T.E. Gregory, N.P. Ševenko. New York, Oxford: Oxford University Press, 1991. Vol. I-III. 2232 p.
119. *Pertusi A.* La formation des thèmes byzantins // Berichte zum XI. Internationalen Byzantinisten-Kongress. München: C.H. Beck Verlag, 1958. P. 1-16.

120. The Reign of Heraclius (610-641): Crisis and Confrontation / eds. G. J. Reinink, B. H. Stolte Louvain, 2002. 318 p.
121. *Shahîd I.* Byzantium and the Arabs in the Sixth Century. Vol. 1, part 1: Political and Military. History. Vol. 1, part 2: Ecclesiastical History. Dumbarton Oaks, 1995. XXX, 1034 p.
122. *Shahîd I.* Heraclius and the Theme System: Further Observations // Byz. 1989. T. LIX. P. 208-243.
123. *Shahîd I.* Heraclius and the Theme System: New Light from the Arabic // Byz. 1987. T. LVII. Fasc. 2. P. 391-406.
124. *Shahîd I.* Heraclius and the Unfinished Themes of Oriens: Some Final Observations // Byz. 1994. T. LXIV. P. 352-376.
125. *Shahîd I.* The Iranian Factor in Byzantium during the Reign of Heraclius // DOP. 1972. Vol. 26. P. 293-320.
126. *Shlosser F. E.* Military and civil Administration under the Emperor Maurice, 582-602: a Reassessment / Thesis (Ph. D.). McGill University, 1980.
127. *Shlosser F. E.* The Reign of the Emperor Maurikios (582—602): A Reassessment. Athens: Historical Publications S.D. Basilopoulos, 1994. 189 p.
128. *Stein E.* Histoire du Bas-Empire. T. 2: De la disparition de l'Empire d'Occident à la mort de Justinien (476—565 n.Chr.). Herausgegeben von Jean-Rémy Palanque. Brüssel/Paris 1949.
129. *Stein E.* Studien zur Geschichte des byzantinischen Reiches vornehmlich unter den Kaisern Justinus II und Tiberius Constantinus. Stuttgart: J. B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1919. VIII, 200 S.
130. *Stratos A.N.* An Unknown Brother of the Emperor Phocas // JÖB. Bd. 27. 1978. P. 11-16.
131. *Stratos A. N.* Byzantium in the Seventh Century. T. I-VI. Amsterdam: Adolf M. Hakkert, 1968.
132. *Stratos A. N.* La première campagne de l'Empereur Héraclius contre les Perses // JÖB. Bd. 28. 1979. P. 63-74.

133. *Toynbee A.* Constantine Porphyrogenitus and his World, London, New York, Toronto: Oxford University Press, 1973. XIX, 768 p.
134. *Treadgold W.* A History of the Byzantine State and Society. Stanford (Ca.): Stanford University Press, 1997. XIX, 1019 p.
135. *Treadgold W.* Byzantium and its Army, 284—1081. Stanford (Ca.): Stanford University Press, 1995. XV, 250 p.
136. *Whitby M.* Recruitment in Roman Armies from Justinian to Heraclius (ca. 565-615) // The Byzantine and Early Islamic Near East 3: States, Resources and Armies / ed. A. Cameron. Princeton, 1995. P. 61-124.
137. *Whitby M.* The army c. 420—602 // Cambridge Ancient History. Vol. 14. Cambridge, 2001. P. 288—314.
138. *Zuckerman C.* La haute hiérarchie militaire en Afrique byzantine // Antiquité tardive. №10. 2002. P. 169-175.
139. *Zuckerman C.* Learning from the Enemy and More: Studies in “Dark Centuries” Byzantium // Millennium. Jahrbuch zu Kultur und Geschichte des ersten Jahrtausends n. Chr. / Hrsg. Von W. Brandes und A. Demandt. München, 2005. Bd. 2. P. 79-135.
140. *Zuckerman C.* L'armée // Le monde Byzantine. Tome I: L'Empire romain d'Orient 330—641 / Sous la direction de C. Morrisson. Paris, 2004. P. 143—180.

Список сокращений

АДСВ – Античная древность и средние века

ВВ – Византийский временник

ЗРВИ – Сборник Радова Византиноложког Института

СВ – Средние века

Byz. – Byzantion. Revue internationale des études byzantines

BZ – Byzantinische Zeitschrift

CIL – Corpus inscriptionum latinarum

CSHB – Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae

DOP – The Dumbarton Oaks Papers

JÖB – Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik

PLRE – Prosopography of the Later Roman Empire

RE – Pauly-Wissowa-Kroll-Ziegler. Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaften